

Надежда Александровна Попова
Утверждение правды
Серия «Конгрегация», книга 6

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8736223
Инквизитор. Утверждение правды / Надежда Попова: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-088348-6

Аннотация

Священная Римская Империя, 1397 A.D. Следователь Конгрегации Курт Гессе направлен в горный альпийский лагерь, где готовят лучших бойцов Инквизиции. Просто очередная рутинная тренировка, каких уже был не один десяток, ничего более.

За много миль от лагеря в замок Карлштейн, императорскую резиденцию, прибывает агент Императора. Просто доклад об успешно исполненном поручении, данном ему государем, ничего более.

А в Прагу тем временем съезжаются рыцари со всей Империи, дабы принять участие в грандиозном турнире. Просто демонстрация воинской удали, стяжание славы и серебра, ничего более.

По крайней мере, так должно было быть.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	35
Глава 3	64
Глава 4	81
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Надежда Попова

Утверждение правды

© Н. Попова

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Автор выражает благодарность Надежде Шолиной, доценту кафедры всемирной литературы НГПУ им. К. Минина за помощь в блуждании по дебрям латинских надежей

...aufer robiginem de argento et egredietur vas purissimum aufer impietatem de vultu regis et firmabitur justitia thronus eius¹.

---

¹ Удали примесь из серебра, и выйдет чистейший сосуд, удали несправедного от царя, и престол его утвердится правдою (Притчи, 25; 4, 5). (кат.).

Пролог

В разгар лета на корсиканском побережье было немногим лучше, нежели осенью в центре Неаполя. Или даже скверней, учитывая соленый мокрый ветер, ударяющий в лица и норовящий свалить с ног. Правду сказать, случаются и в этих местах теплые погожие деньки – тогда, бывает, удается не вымокнуть до нитки и не проклясть все на свете, пока достигнешь пещеры на самом верху долгой извилистой тропы. К слову, проклинать не стоило лишь ее; Ленца² не был в этом убежден, однако подозревал, что довольно лишь произнести нечто вроде «будь трижды проклята эта чертова пещера» – и приключится что-то не слишком приятное, а если еще присовокупить что-нибудь про «старую каргу», то шансы добраться до места живым чрезвычайно уменьшатся...

– Почему нельзя жить в нормальном месте, как все нормальные люди?

– О чем я предупреждал? – напомнил Ленца строго, не обернувшись, и Фульво³, идущий позади, разразился подчеркнуто горестным вздохом.

– Отчего бы этой мудрой женщине не избрать себе более удобно расположенное обиталище? – с показательной любезностью переспросил тот. – Полагаю, немалое количество достойных внимания предложений миновало ее лишь оттого, что потенциальные просители не сумели собрать в себе сил, дабы достичь этого живописного, но крайне малодоступного места.

– Если потенциальные просители поленились втащить сюда свои задницы, следовательно, не столь уж им это было необходимо, – помедлив, отозвался Ленца, пытаясь спрятать шею в воротник. – Логичным продолжением моих слов будет замечание о том, что лезть в гору, мерзнуть, мокнуть и рисковать свернуть себе шею будет лишь тот, кому и вправду есть для чего это делать.

– Любопытно, как это делает она сама – в ее-то годах?

– Вот и советую тебе над этим поразмышлять, – порекомендовал Ленца наставительно. – Причем серьезно. Вследствие чего – заткнуться.

– Может, и есть причины на то, чтоб сюда волочиться, – словно его не услышав, продолжил Фульво, пыхтя, точно перекормленный боров. – У тебя. То есть, не пойми неверно, я не хочу сказать, что мне все равно, просто не понимаю, за каким чертом потребовалось мое присутствие.

– Я тоже. Но он решил, что тебя пора вводить в курс всех дел – и я не перечу. И тебе не рекомендую.

– А я и не прекословлю, – серьезно заверил Фульво. – Всего лишь интересуюсь. Знаешь, вопросы всякие вертятся в голове, что с этим сделаешь. Что такогостряслось, пока меня не было, если ты стащил меня с корабля и поволок сюда, не потрудившись толком разъяснить подробности? Я уж не говорю о том, что и позавтракать не дав.

– Говоришь, – возразил Ленца, и тот согласился:

– Ты прав, говорю. Я остался без завтрака и хочу есть.

– Ты всегда хочешь есть, Фульво. Но должен ведь даже ты осознавать ситуации, когда о собственном чреве можно забыть хотя бы на время.

– По крайней мере, я желаю знать, из-за чего страдаю. К примеру, если уж откровенно, я слабо представляю, что происходит. В том смысле – что может сделать эта ведьма такого, чего не можешь ты?

---

² Lenza – хитрец, плут (итал.).

³ Fulvo – рыжий (итал.).

– Лесть, звучащая как оскорбление, – покривился Ленца. – С одной стороны, я велик и страшен, с другой – какая-то старуха лучше меня.

– Ну, я сказал не совсем так. И тем не менее. По какому поводу суэта?

– Все по тому же. Я узнал, где сейчас находится документ.

– Ха, – сквозь все более тяжелое пыхтение фыркнул Фульво. – Это вдруг стало тайной? В руках германской Инквизиции, это знаю даже я, хотя и не введен в курс всех дел.

– Именно поэтому – сообщаю тебе новость: нет, Фульво. Уже нет. Я немало сил потратил на то, чтобы узнать это достоверно, и не только сил.

– Защита?

– Немецкие конгрегаты, или кто там у них отвечает за эту сферу, свое дело знают, – недовольно откликнулся Ленца, на миг обернувшись. – Я не мог пробиться довольно долго.

– Но пробился же?

– Пробился. Только когда совершилась сама передача документа.

– То есть, – подытожил Фульво, – они его не прошляпили, а кому-то вручили сами...

И кому?

– Догадайся, – предложил Ленца, и за спиной ненадолго воцарилось задумчивое молчание.

– Да брось ты, – нерешительно и недоверчиво произнес приятель. – Не может быть.

– Как видишь – может. Он тоже был удивлен.

– Да немецкие конгрегаты не доверят этой кукле подсвечник из церкви в глухой деревне.

– Как видишь – доверили кое-что серьезней. Из каких соображений, с какими целями и планами, почему – этого я не знаю. Да, собственно, и не мое это дело, строить предположения. Мне было сказано узнать, и я узнал; о прочем пусть он думает сам.

– Но узнал, как я понимаю, не все, что требовалось.

– Мне не известно точное местоположение документа. Я знаю, у кого он, знаю где, но не знаю, грубо так скажем, в каком именно сундуке.

– Так ведь это немудреное дело; проще простого, – возразил Фульво и, когда Ленца обернулся снова, уточнил: – Ну, для тебя.

– И я полагал так же, – неохотно признал Ленца, снова уставившись себе под ноги. – Однако меня уложили, не дав даже и сунуться как следует. И, замечу тебе, отправленные мною духи – это был не второсортный материал. Это были хорошие, годные духи.

– «Были».

– Я ведь, кажется, сказал, что меня прихлопнули.

– А его не настораживает, что конгрегаты скопили такие силы? Он намерен что-то с этим делать?

– Спросишь у него сам?

– Нет уж, уволь, – нервозно хмыкнул Фульво, и Ленца кивнул:

– Вот и я не спрашиваю. И кстати замечу, меня отшили не конгрегатские спецы. Попросту этот оригинал (судя по всему – после случая с братцем) впал в панику относительно дьявольских козней. И растыкал по всему замку святые мощи – в стены, в балки, в тайники.

– Шутишь.

– Смеюсь до колик, – согласился Ленца. – Половина из них, разумеется, подделка, половина второй половины – подлинники, но не работает, однако весьма внушительная часть действует, и еще как.

– Ты говорил об этом ему?

– То есть, – уточнил Ленца, – сообщил ли я, что дело, которое я должен был выполнить, не выполнено, потому что я не в силах совладать со старыми костями?.. Нет, не говорил. Я сделаю то, что мне поручено, и здесь проблема не единственно в собственной репутации.

Ты видел его в недовольстве? А теперь вообрази, каков он в гневе... Я явлюсь к нему только с результатами в руках; а если я не могу чего-то сделать сам, я нанимаю того, кто способен мне помочь. Отвечая на твой вопрос: да, она может то, чего не умею я.

– Как такое может быть? И это не лесть, я вполне серьезно.

– Скажем так, ты, по меньшей мере, сильно удивился бы, застукав меня за подобными выкрутасами... Когда увидишь, как она работает, поймешь все сам. И еще. Последнее наставление перед встречей: хотя бы там, Фульво, помалкивай. Не произноси вообще ни звука, у тебя с ловким складыванием слов явные проблемы, и не доставало еще, чтоб наше дело сорвалось по вине того, что сорвется с твоего языка.

– Буду нем как рыба.

– Немее. И лучше даже не здоровайся – молчком кивни или еще что; и стой где-нибудь в сторонке. Уразумел?

– Если б я тебя не знал, Ленца, – вкрадчиво заметил тот, – я сказал бы, что ты ее боишься.

– Ты меня знаешь. Но я и не подумаю оскорбиться, если ты это скажешь. Да я сам скажу: у меня от этой... мурашки по коже. Здоровенные такие, с оливку, мурашки – вплоть до пяток. И, коли уж ты сам в этих делах олух олухом, послушай профессионала: это не без причины. Не знаю, что она может еще, кроме того, что я видел, но мне, как ты понимаешь, всё видеть и не надо, чтоб это почувствовать.

– Не запугивай, – тяжело выдохнул Фульво, чертыхнувшись, когда нога запнулась о камень. – И без того не по себе. С вашим братом не знаешь, чего и ждать. Я, к примеру, серьезно допускаю, что однажды ты можешь сделать из меня служебного духа или что похуже. Или сейчас ведешь меня к этой ведьме для того, чтоб положить под нож – навряде жертвоприношения... Утешает лишь то, что в своем деле я незаменим.

– Незаменимых нет.

– Да неужто?

– Ты еще не отчитался перед ним о результатах своей поездки, – вздохнул Ленца, замедлившись, когда тропинка выровнялась и до разверстой пасти пещеры осталось всего несколько шагов. – Посему можешь быть спокойным – сегодня ты уж точно на жертвенник не ляжешь... Всё, Фульво. Теперь молчи и не лезь.

– Быть может, я просто снаружи подожду? – предложил тот с готовностью, настороженно косясь в темный провал. – Я, в общем, туда и не рвусь.

– Иди, – подстегнул Ленца, пихнув его вперед, – не выделывайся. Как знать, не придется ли когда-нибудь обратиться к ней еще, а меня не будет.

– В каком смысле – не будет?

– Чтоб у тебя язык отсох, – пожелал Ленца, переступив границу, отделяющую внешний мир от промозглого сумрака грота.

Она была здесь. Собственно, в этом Ленца и не сомневался – не в манере таких людей срывать встречи; а кроме того, ее присутствие в этой каменной норе он ощутил задолго до того, как войти сюда.

Она была здесь, и все здесь было, как и в прошлое его посещение этого урюмого места: огонь в примитивном очаге – выложенном из камней круге, запах трав и еще каких-то подозрительных ароматов, всевозможные вместилища, от мешочков до сундучков, вдоль стен и друг на друге, и сама старуха, сидящая у огня, – древняя, как неведомо от кого оставшиеся развалины неподалеку от этой скалы. О том, сколько лет этому реликту, Ленца даже не пытался гадать, лишь припоминал рассказ старика, благодаря которому и узнал о наличии здесь этого существа. Дед утверждал, что знал о живущей в гроте старой ведьме, когда был еще юношей, и отчего-то усомниться в его словах в голову не приходило...

– Входи.

В прошлый раз от этого голоса он вздрогнул, сегодня же просто запнулся на первых звуках первого слова, с осязаемым усилием принудив себя приблизиться еще на два шага.

– Что надо? – прокаркала старуха, не двигаясь с места, и Ленца шагнул еще раз, заметив, что Фульво так и остался безмолвно и недвижно стоять на пороге.

Сразу к делу; это он ценил в тех, с кем случалось работать, всего более. Как ни крути, а одно неоспоримое достоинство у этой отшельницы имелось – в отличие от ее живущих среди людей товарок, она не имела склонности к долгим рассуждениям и показательным выступлениям, призванным внушить посетителю мысль о ее величии и могуществе. Во-первых, любой их тех, кто приходил сюда, знал о ее возможностях достаточно, а во-вторых, судя по всему, подобные развлечения приелись ей еще лет сто пятьдесят назад.

– Есть человек, – стараясь говорить выдержанно и внятно, пояснил Ленца, достав принесенный с собой мешочек с дукатами, набитый до треска в швах, и держа его теперь в ладони на виду. – У него есть вещь. Я хочу знать, куда он спрятал ее.

– Убери, – потребовала старуха, кивнув на кошель. – После.

«Точно», – спохватился он, торопливо спрятав мешочек. В прошлый раз она тоже не стала брать платы заранее; что ж, разумно. Надуть ее, не заплатив по исполнению работы, никто не сможет – кара за подобную выходку будет немилосердной, а получение вознаграждения за еще не сделанную работу, как знал Ленца на собственном опыте, может выбить из колеи и даже вовсе сорвать рабочий настрой. Не говоря уж о том, что довольно обидно, не сумев справиться с поручением, вздыхать и отдавать обратно звонкие монеты, которые уже подержал в руках и которые почти уже начал считать своими. Бывало, что в связи с этим возникали и нехорошие мысли в отношении заказчика...

– Эта вещь, – продолжила старуха, все так же не шевелясь. – Она твоя?

– Не совсем, – замаявшись на миг, отозвался Ленца неуверенно. – Я бы сказал, она ничья. Просто сейчас находится у этого человека.

– Ты держал ее в руках?

– Нет, – вздохнул он с сожалением; та недовольно пожевала губами, и до слуха донеслись обрывки слов неведомого языка, но вполне ясного содержания.

– Есть у тебя вещь, принадлежащая этому человеку?

– Лучше: есть его изображение.

– Дай, – потребовала она, и Ленца, подступив ближе, аккуратно выложил на открытую высохшую ладонь германский талер.

Мгновение старуха пребывала в неподвижности, а потом содрогнулась и отпрянула, словно кошка, внезапно и нечаянно наступившая лапой в кипяток, так же истошно зашипев и скорчившись.

– Убери! – вырвалось из сморщенных губ, и монета отлетела куда-то в темноту у стены.

«*Vopus* сверх платы», – невзначай пронеслось в мыслях; ведь не станешь же, уходя, ползать по полу в поисках серебряного кругляша – увесистого, надо заметить, хотя в сравнении с сотней золотых дукатов, конечно, мелочь...

– Есть другое, – торопливо сказал Ленца, на всякий случай отступив на полшага назад. – На золоте.

– Ф-фух! – встряхнувшись, точно ее облепили сотни кусачих муравьев, выдохнула старуха и рывком вытянула руку вперед.

На имперскую марку реакция была куда спокойней; выбитые в металле очертания она почти не рассматривала – повернув монету одной стороной, другой, накрыла ее второй ладонью и ненадолго застыла, глядя мимо посетителя.

– Я знаю, что вещь в его доме, – продолжил Ленца, выждав полминуты тишины. – Но я хочу знать с точностью, куда именно, в какую комнату в этом доме он ее отнес.

– Как выглядит твоя вещь? – по-прежнему смотря в сторону, уточнила старуха; он пожал плечами:

– Как кусок пергамента. Очень старый.

– Хорошо, – повернув наконец взгляд в его сторону, кивнула та и – надо же! – подала монету обратно. – Я займусь.

Ленца попятился, пряча марку, ничего больше не говоря, благодаря все высшие и низшие силы за то, что вложили в мозги напарника довольно разума, дабы сохранять до сих пор молчание. Сам он не был тому свидетелем, однако говорили, что излишней болтливости эта старая карга не жалуется.

Старуха наконец поднялась на ноги, потянувшись, и показалось, что каждый сустав в этом похожем на корягу теле скрипнул и захрустел. Не обращая более на посетителей внимания, она медлительно и как-то боком, словно прибрежный краб, проковыляла к дальней стене, где еще в прошлый раз он разглядел в полумгле изваяние – не то каменное, не то деревянное, не то из какого-то металла, потемневшего от времени. Увидеть его в деталях не вышло ни тогда, ни теперь; однако кое-какие мелочи таки удалось рассмотреть, из чего, сообразно своим познаниям, Ленца вывел, что, скорее всего, старуха держит в качестве приалтарной статуи изображение Горгоны. О том, какими именно методами поддерживается с нею связь и как обретается сила, он предпочитал не думать, хотя рассказы о пропавших без вести в этих краях назойливо лезли в голову.

По шипению и внезапно взвившемуся к потолку дыму он понял, что у подножья изваяния стоит жаровня, наполненная углями, на которую старуха сейчас бросила горсть каких-то благовоний и трав. Ленца осторожно потянул носом, поморщившись. Ладан. Куда ни шло. Каннабис, полынь... что-то еще, незнакомое; в тесных стенах грота запах распространился почти мгновенно, и он отступил дальше к порогу. Один черт знает, что еще намешала в свой сбор эта дикая ведьма...

От статуи старуха не отошла – осталась стоять напротив, задрав голову, но глядя, кажется, не в лицо своему божеству, а куда-то в потолок. Или уже сквозь него, что верней, учитывая возникшее вдруг ощущение противного острого мороза под кожей. Фульво рядом переступил с ноги на ногу, зябко подтянув ворот, однако сделал это всего лишь по причине дующего в проход берегового ветра – напарнику тонкие материи неведомы, и почувствовать, какой холод разливается сейчас вокруг, он не может. Счастливчик.

– И что это будет? – поинтересовался Фульво тихо, и Ленца шикнул в ответ, зло и едва слышно даже себе:

– Заткнись.

Колдунья подле статуи качнулась влево, вправо, замерла на полдвижении, покачнулась снова, и от скорченной фигуры донесся низкий, монотонный звук, от которого уже спустя два мгновения ощутимо заложило уши. Продолжая раскачиваться из стороны в сторону, старуха потянула за какие-то шнуры на своем бесформенном потрепанном наряде, и изношенное одеяние упало на пол, открыв взорам все то, что было под ним.

– Ух, – ошарашенно выдохнул Фульво, отступив еще на шаг назад, и Ленца с ожесточением саданул его локтем, повелев умолкнуть.

Немудреная песнь ее стала громче, мягкие покачивания сменились резкими рывками; голос вспрыгнул на полтона выше, и старуха закрутилась вокруг себя, притопывая по каменно-песчаной земле расплюснутыми подошвами, отроду не знающими обуви. Сквозь растекающийся дым и сумрак пещеры иссохшее, подернутое складчатой кожей тело выдилось нечетко, однако достаточно явственно для того, чтобы Фульво, в очередной раз поправ все предостережения, с омерзением уточнил:

– А что, без этого никак, а?

Разумеется, Ленца и сам был не в восторге от манеры работы некоторых персон; но – ведьмы, что с них возьмешь, у каждой есть какой-нибудь заскок. Одна накуривается до потери рассудка, другой непременно нужна чаша с кровью, третьей – хрустальный шар, четвертая танцует голышом. . . Кстати заметить, наверняка немало народу являлось сюда с мало-значущими просьбами, лишь чтобы только это увидеть – лет этак пятьдесят назад. «Скорее сто», – поправил он сам себя, не сдержав брезгливой гримасы, когда в своем шальном танце старуха подскочила, и вместе с нею подпрыгнули два сморщенных кожаных мешка, в далеком прошлом бывших женской грудью. Ниже Ленца старался не смотреть, дабы впредь не утратить тягу к женскому полу.

– Меня сейчас стошнит, – шепотом сообщил Фульво.

– Заткнись, или я сломаю тебе шею, – пообещал Ленца чуть слышно, и тот притих, сделав от него маленький шаг в сторону.

Курения заполнили пещеру, вызвав слабое головокружение; старуха уже не тянула одну ноту – подвывала, метаясь с закатившимися глазами по гроту, и Ленца снова отступил назад, когда содрогающееся существо оказалось слишком близко. О ней такого не рассказывали, однако по богатому опыту Ленца знал, что подобные ей личности в таком вот трансе вполне могут и тяпнуть любого близстоящего; после, быть может, и пожалеет, что угрызла перспективного клиента, но сейчас ее разум на что-либо осмысленное не способен. . .

Безумный танец ведьмы оборвался внезапно вместе со звуками ее голоса, и тишина ударила по ушам, на мгновение оглушив. Старуха, застывшая на середине движения, опустила вскинутые руки, вдохнув воздух надрывно и со свистом, точно чахоточная, и опустила голову, завесив лицо сивыми космами.

– Он шел по каменному полу, – проскрипела она тихо. – Между узких каменных стен. Замок?.. Это замок. . . Нес кожаный чехол для свитков. Тревожился и страшился. Боялся утратить то, что внутри.

Есть. Получилось. У этой древней дикарки получилось то, что не вышло у него, образованного, опытного и подкованного в своем деле лучше многих; чудны дела твои, фортуна. . .

– Не вижу его мыслей, – продолжал скрипучий голос. – Защищают. И его дом защищают. Многие. Чувствую его. Чувствую его опасение. Напряжение. Он был насторожен и нес прятать от чужих глаз вещь, которая ему не принадлежит.

– Куда? – не сдержался Ленца и прикусил язык, когда ведьма вздрогнула, вскинув голову и уставившись на него.

– Нутро дома, – проговорила та, и он затаил дыхание, когда увидел, что глаза старухи смотрят не на него, а словно внутрь себя. – Большая дверь. Железная дверь. Еще железная дверь. И еще двери. Там много сокровищ. Он входил в комнату с чехлом. Там успокоился, перестал бояться за вещь. Он вышел из комнаты довольным. Больше не боялся. Больше не вижу.

Последние слова старуха проговорила так просто, буднично, что Ленца на миг опешил, не сразу поняв, к чему они относятся. На старуху, как ни в чем не бывало ковыляющую к сброшенной на пол одежде, он взглянул растерянно и спустя миг молчания неуверенно уточнил:

– И это все?

– Ты хотел знать, куда он отнес твою ничейную вещь, – отозвалась та, неторопливо облачаясь. – Я сказала тебе куда. В комнату с сокровищами в его доме, за множеством дверей. Ты остался чем-то недоволен?

– Нет, – поспешно возразил Ленца, – все вполне понятно. Это я так.

– Стало быть, – затянув шнур на своем потрепанном наряде, кивнула старуха, – настала пора расплачиваться.

– Да, конечно, – спохватился он, снова вынимая мешочек с дукатами. – Сотня, как говорила.

Колдунья вновь уселась подле огня, подогнув под себя ноги, и выразительно указала на пол рядом с собой. Ленца, приблизившись не без дрожи, присел на корточки, распустив завязки, и вздохнул, начав отсчитывать новенькие блестящие монеты. Старуха кивала на каждую, глядя придирчиво и внимательно, и когда на верх внушительной горки звонко упал пятидесятый дукат, перехватила гостя за руку.

Ленца вздрогнул, с трудом преодолев желание немедленно и грубо вырваться, и вскинул взгляд на нее, вопросительно и напряженно уточнив:

– Что?

– Больше не надо, – твердо сказала старуха, коснувшись перстня на его мизинце. – Хочу этот камень.

Ленца поджал губы, мысленно ругнувшись так, что покраснел бы сам, будь он хоть чуть более благовоспитан.

– Этот перстень стоит в три раза больше, – стараясь говорить спокойно, возразил он, и старуха скрипуче рассмеялась:

– Ну так ведь тебе он достался задаром, а? А уж где его хозяин, ты, верно, ночами припоминать не любишь... Хочу камень.

– Хорошо, – согласился он через силу, с облегчением высвободившись, и, рывком стянув перстень, бросил его на монеты. – Теперь все?

– Иди, – удовлетворенно кивнула та.

Поднявшись, Ленца вышел из пещеры торопливо, не глядя на напарника, и, шагнув в знобкий ветреный воздух, лишь тут вдохнул полной грудью, вытравливая из легких заповоливший их дурманящий дым.

– Так я что-то не понял, – осторожно спросил Фульво, понизив голос и вскользь обернувшись на вход. – Документ у него или нет?

– «Железная дверь, и еще одна, и еще куча дверей», – нехотя отозвался он, прикрыв глаза и подставив лицо ветру. – Это императорская сокровищница в Карлштейне.

– Откуда ты знаешь?

– Да все знают, – покривился Ленца, снова глубоко вдохнув. – Еще Карл отгрохал комнату в одной из башен, снабдив ее железными дверями. Утверждал, что в числе прочего в сокровищнице есть подлинное копье Лонгина. Правда ли это, меня сейчас не интересует, главное – там то, что нам нужно... Черт, мог бы и сам догадаться, – раздраженно выплюнул он, открыв глаза и двинувшись по тропинке вниз. – Куда еще он мог спрятать такую вещь; разумеется, за самые крепкие в замке двери с толпой охраны.

– Зато на смертном одре будет что вспомнить, – нервно ухмыльнулся Фульво, передернувшись. – Бр-р. Даже аппетит пропал.

– Тебе не вредно.

– Что теперь? – уточнил тот, неопределенно поведя рукой. – К нему?

– Теперь – да, – вздохнул Ленца, стараясь ступать по каменистой тропке как можно аккуратней. – Что дальше – ему решать; но предчувствую, что веселье только начинается.

Глава 1

Сентябрь 1397 года, Германия

– *In omnibus dubitandum est*⁴. В этом вы правы. Сомневаться надлежит во всем, что услышите и увидите; это не просто часть службы, это и будет собственно службой. Вам об этом говорили уже не раз, вы с этой мыслью свыклись, однако настроены более на то, что сомневаться станете, лишь когда услышите «нет». «Нет, не делал», «не был», «не видел», «не совершал». Так обыкновенно бывает. Однако, услышав «да», первым делом следует не порадоваться отлично проделанной работе, первым делом следует усомниться в услышанном. Но в любом случае главное заключается в том, чтобы ваши сомнения вы не выказали ни явно, ни намеком, ни (тем паче!) вслух.

– Даже начальству?

Вопрос прозвучал с самой дальней скамьи аудитории, гулко отдавшись от высоких каменных сводов. Курт обвел собравшихся взглядом, повстречавшись глазами с одним из курсантов, и кивнул ему, позволив себе мимолетную усмешку:

– Порою и начальству. По ситуации.

– У Майнца сказано, – подал голос курсант с первого ряда, – что нелишним будет показать допрашиваемому, что я допускаю некую вероятность его невинности, каковы бы ни были доказательства обратного. *De facto* ведь это сомнения в собственной правоте, высказанные гласно, разве нет?

– Ну, для начала, Альберт Майнц – святой, но не пророк, – возразил Курт. – А «Психология пытки» не Священное Писание. Несомненно, это труд грандиозный во всех смыслах, однако и Писание надлежит толковать, и к Майнцу также есть «*Supplementum*»⁵, в которые, как легко догадаться, не вошло то, что он попросту не успел написать. Кроме того, Господь наделил вас разумом, использовать который на вашей будущей службе будет весьма кстати. Вы должны будете научиться решать, в зависимости от сложившихся обстоятельств, что будет вернее, что должно или не стоит проявлять открыто – благосклонность, безучастие, доброжелательство, равнодушие или сострадание...

– ...справедливость и милосердие, – докончил кто-то с неуверенным смешком; Курт кивнул:

– Бесспорно. Однако помните: поступиться можно всем из вышеперечисленного. Всем. Кроме справедливости. *Pereat mundus et fiat justitia*⁶; невзирая на некоторый *extremum*, звучащий в этих словах, они все же верны. Спустя три года кто-то из вас (а возможно, и все) получит Знак и Печать следователя. Так будьте готовы к этому – к тому, что ради справедливости придется, быть может, перешагнуть через многое. И через многих. Через других или через себя.

В аудитории повисла внезапная тишина, и Курт обедев взглядом серьезные лица напротив, вздохнул:

– Я знаю, что вы это понимаете, но все равно скажу, сделаю некоторое отступление в моей лекции. То, что сейчас говорю вам я, это техника. Только лишь. Никогда не забывайте об этом. Не допустите того, чтобы в вашей душе смешались ваши действия и ваше стремление. Все эти уловки призваны отыскать правду, восстановить справедливость, и это, само собою, наиважнейшее. Да, *misericordia sine justitia misericordia non est, sed fatuitas*⁷. Но не

---

⁴ Во всем следует сомневаться (лат.).

⁵ Дополнения, примечания (лат.).

⁶ [Пусть] погибнет мир, но свершится справедливость (лат.).

⁷ Сострадание без справедливости не сострадание, а глупость (лат.).

забывайте и другое: *justitia sine misericordia justitia non est, sed crudelitas*⁸. А это – не наша цель. Помните о том, что высшая справедливость, ваша идеальная цель – это не только лишь спасение пострадавшего или воздаяние преступнику, не только предотвращение злоумышленного деяния. Вы должны будете изменить того человека, что будет сидеть перед вами, отвечая на ваши вопросы. Да, это почти невозможно. Но вы должны пытаться. Конечное решение примет он сам, он сам сделает свой выбор, ибо каждый из нас наделен тем, что способно как спасти нас, так и погубить: свободной волей. Помните это? «*Sola ergo voluntas, quoniam pro sui ingenita libertate, aut dissentire sibi, aut praeter se in aliquo consentire, nulla vi, nulla cogitur necessitate; non immerito justam vel injustam, beatitudine seu miseria dignam ac capacem creaturam constituit; prout scilicet justitiae, injustitiaeve consenserit*»⁹. Эти слова святого Бернара вы слышали здесь не раз и наверняка уже выучили наизусть. Да, все так. Решение – за ним. Говорю это вам для того, чтобы предостеречь вас от самоистязания, если, невзирая на все ваши старания, выбор он все-таки сделает неправильный. Но это не означает – запомните это! – что вы не должны пытаться, что вы можете оправдывать себя самих тем, что попавший в ваши руки человек сам выбрал свой путь, а потому недостоин сострадания и ваших усилий. Помните: самый страшный преступник, самый отъявленный душегуб в один какой-то миг, в переломный миг, может перемениться навсегда. История знает множество подобных примеров, а вам должно умножить их. И это – невозможно без милосердия. Следует ли проявлять его зримо или нет, решать вам, вам придется определять, что именно поможет вам в достижении вашей цели, *sicut enim aliquando misericordia puniens, ita est crudelitas parcens*¹⁰, но позабыть о нем вовсе вы просто не имеете права.

– Стало быть, – тихо произнес кто-то, – если мне придется переходить к крайним мерам, это будет означать, что я жертвую милосердием в пользу справедливости?

– Да, – кивнул Курт. – И это останется на вашей совести. До конца ваших дней.

– Майнц говорит...

– Майнц не идеал, – оборвал он; взгляды напротив стали удивленными, и Курт вздохнул, пояснив: – Альберт Майнц, вне всяких сомнений, великий человек, и его труд, безусловно, переворотный без преувеличений. Он меня многому научил. Но вот что я скажу вам: я склоню голову перед следователем, которому ни разу за все время его службы не понадобилось сверяться со вторым томом «Психологии...». Я сам вышел из этих стен и полагаю, что остроты, байки и расхожие изречения, что бытовали в среде курсантов, в основе своей остались неизменными. Здесь по-прежнему принято поминать о том, как «у Майнца еретики со слезами на костер просились»?.. Так и думал, – кивнул он, увидя изменившееся выражение лиц перед собою. – Все верно. Просились, бывало. В основном после душевного разговора в темном уютном месте в присутствии *exsecutor*'а с набором инструментов. Это порою бывает необходимо, к этому вы тоже должны быть готовы; и не только морально, что, конечно, самое важное, но и физически. Негоже, если следователя на допросе выворачивает на недописанный протокол. И все же наибольшей похвалы и уважения достоин тот, кто сумеет вытрясти из допрашиваемого все, что надо, не доходя до заветной двери в подвале. Вот это – воистину величайший талант.

– И как же это? – усомнился курсант с последнего ряда; Курт пожал плечами:

– Да как угодно. Лестью, авторитетом, страхом, жалостью, пониманием. Обманом, в конце концов. Заставить человека выговориться можно великим множеством способов. Ведь

⁸ Справедливость без сострадания не справедливость, а жестокость. (Лат.).

⁹ Итак, одна только воля, вследствие того, что в силу рожденной ей свободы она никакой силой, никакой необходимостью не может противоречить себе, вполне заслуженно делает тварь праведной или неправедной, достойной блаженства или страдания, поскольку она согласует [свои деяния] с правдой или неправдой (лат.).

¹⁰ Ведь подобно тому, как бывает иногда милосердие, которое наказывает, так бывает жестокость, которая щадит (лат., св. Августин).

на самом-то деле любой хочет рассказать о своих тайнах; любой. Это сущность человеческой души. Наверняка многим из вас ваши приятели сообщали «*sub rosa*»¹¹ нечто, о чем (не сомневаюсь) после стало известно *ad minimum* еще одному вашему приятелю, хотя никто вас не запугивал, не лишал свободы и уж конечно на дыбу не вздергивал. Тайна – любая – это ноша. Кого-то она тяготит, кому-то мешает, кому-то попросту надоедает. Для кого-то она – нечто вроде найденной на дороге драгоценности, нечто, что отличает нашедшего от всех прочих и чем тянет подспудно похвастать. Женщины это делают регулярно. Кому-то тоскливо или попросту скучно созерцать свои тайны в одиночестве. Неосознанно, но человек хочет избавиться от довлеющих над ним секретов, недомолвок, замыслов; наша задача в том, чтобы убедить его в этом, заставить его это осмыслить. И, поверьте, приемов для этого не счесть.

– А можно пример? – попросил неугомонный курсант. – Из вашей практики, скажем.

– Пример... – повторил Курт задумчиво и кивнул: – Хорошо, вот вам пример. Во все время всей моей лекции в ваших глазах я вижу внимание, кое-где даже почтение. Почему?

– Вы – Молот Ведьм, – спустя недолгое молчание отозвался кто-то; Курт усмехнулся:

– О да. Я Молот Ведьм, великий и ужасный. Знаменитый Курт Гессе, легенда Конгрегации, почтивший вниманием родные пенаты и соблаговоливший поделиться с подрастающим поколением своей колоссальной мудростью. Ну а кроме того: вы – курсанты, а я – действующий следователь, что несколько разделяет нас в *status*'е. Однако это лишь одна причина, явная, лежащая на поверхности, осознаваемая. Есть и другая, которая не видима сразу, подспудная, несознательная, тем не менее, тоже имеющая значимость. Какая?

В тишине, установившейся вокруг, Курт медленно сошел с кафедры, прошагав к дальней стене, и взялся за высокую спинку стула, установленного в самом углу. Вытащив его на середину, прямо против скамей, он уселся на потертое сиденье и осведомился, обедая взглядом аудиторию:

– Что-то изменилось?

– Вы сошли с кафедры, – предположил неумный курсант. – Опустились до нашего уровня.

– Двусмысленно, – с одобрительной усмешкой отметил Курт. – И ты прав. Прежде я говорил с вами *ex cathedra*¹²; в совершенно материальном плане я возвышался над аудиторией, над вами, и где-то в глубине мыслей каждого из вас это осознавалось. Человек, который выше, – выше. У него преимущества, права, привилегии, что угодно из того, чем не обладает стоящий ниже. Что переменялось сейчас?

– Вы похожи на ответчика, – неуверенно откликнулся кто-то слева; Курт отозвался кивком:

– Потому что сижу на стуле напротив всех вас, на одной с вами высоте, не огражденный ничем. Будь передо мною стол – и впечатление сложилось бы иное: фактически это была бы ослабленная версия кафедры. Я могу менять позы, от расслабленной (и тогда я буду походить на наглого и самоуверенного ответчика) до напряженной (и ответчик будет смотреться напуганным или сконфуженным), но суть останется прежней, и ваше восприятие будет таким же. Но в корне иным оно будет теперь, – продолжил он, пересев на скамью первого ряда, опершись локтем об узкую парту позади себя и развернувшись к курсантам. – Сейчас я и вовсе словно один из вас. Разум помнит, кто я такой на самом деле, но *psychica* воспринимает меня по-своему. Или может быть вот так, – снова поднявшись, Курт отошел чуть в сторону, ближе к краю первого ряда, и уселся на парту, упершись ногами в скамью. – Сейчас я

---

¹¹ Букв.: «под розой» (лат.). Роза в Древнем Риме считалась символом молчания: по легенде, богиня Венера подарила ее сыну Амуру, а тот посвятил Гарпократу, богу молчания, чтобы влюбленные хранили тайну своей любви. В Средние века роза зачастую изображалась на решетке исповедальни и на потолке комнат, где проходили важные совещания и переговоры.

¹² С кафедры (лат.).

вновь выше вас, но при этом попираю некие нормы благопристойности и проявляю почти развязность, что с понятием вышестоящего не клеится. Моя поза беспечна, непринужденна, вольна, в ней нет *officiosus*'а. И, как следствие, меняется ваше ко мне отношение, даже при том, что вы знаете, с какой целью я совершал все эти перемещения. А теперь поразмыслите, какое влияние такая мелочь, как ваше местоположение или поза, будет иметь на человека, который над этим не задумывается. Уже одно лишь это способно поворотить разговор в иное русло или вовсе заглушить его, расположить или вызвать отчуждение. Принудить говорить или подвигнуть к молчанию. Вы пришли к двери камеры и остановились на пороге; следовательно, скажет его подспудная мысль, не намерены уделять ему излишнее время, он для вас – мимолетное событие. Что ж, порой и это бывает нужно показать. Вы остановились на пороге, но прислонились к стене; стало быть, не расположены в любой миг, когда он этого не ждет, развернуться и уйти. Вошли в камеру и уселись перед ним, сидящим на полу, на принесенный с собою табурет; вы установили ту самую иерархию, недвусмысленно дали понять, что вы главный и разговор будет долгим и тяжелым. Вошли и присели перед ним на корточки; стало быть, готовы проявить покровительственность, в некотором роде сердечность. Вспомните, мы ведем себя так, когда говорим с детьми или ранеными, лежащими на земле; он этого не подумает, но бессознательно воспримет. Что лучше использовать, как и когда, решать придется по ситуации. Желаете запугать – возводите меж вами стену, отдаляйтесь. Взять на азарт – позвольте ему расслабиться. Хотите показать задушевность, чуткость, сострадание – не пожалейте штанов, сядьте на пол рядом с ним, и для него вы станете кем-то таким же, как он, сродни сокамернику, которому сам Бог велел выговариваться. Однако вы можете ошибиться и проявить одно там, где следовало бы выказать другое. И вместо вождьеленного «я все скажу» рискуете услышать «а не пошли б вы в задницу, майстер инквизитор».

– А вам доводилось такое слышать?

– И такое, – кивнул Курт, – и многое другое, чего я повторять не стану, иначе отец Бенедикт спустит меня с лестницы.

– И как вы исправляли ситуацию?

– Я ведь говорил – склонюсь перед следователем, который сумеет обойтись в своей работе лишь словами, – отозвался он, слезши с парты, и прошел обратно к кафедре. – Слова же – это все; это ваше самое главное оружие, когда между полным завершением дела и вами стоит только чье-то молчание. Одно лишь слово может поставить точку; даже просто тон, которым вы его произносите, громкость вашего голоса *et cetera, et cetera*. Но об этом уже после и, скорее всего, не со мною.

Аудитория разразилась всеобщим недовольным вздохом, и Курт выразительно постукал по давно опустевшей колбе часов, стоящих на кафедре:

– Я и без того превзошел отведенное мне время, ваши наставники того гляди примутся ломиться в дверь и уж точно никогда более меня не пригласят.

– *Id est*¹³, можно ожидать, что вы появитесь в академии снова?

– А к чему вам я? – возразил Курт. – Здесь вы слышите то же самое.

– Ну, не совсем, – вздохнул окончательно осмелевший курсант с последней скамьи. – Все же ваша лекция – это *practicum*, а тут как-то больше по теории.

– Желаете *practicum* – читайте Майнца. Уж его служба исчисляется годами куда более долгими, нежели моя.

– Вы ведь сами сказали – Майнц не идеал.

– Я тоже, – передернул плечами Курт. – И с чего бы тогда иметь ко мне больше доверия, чем к нему?.. В конце концов, будущие господа дознаватели, ведь воспитала академия меня, сумел же что-то вынести из здешнего обучения я, постиг же что-то сам, изучая труды тех,

---

¹³ То есть (лат.).

кто работал до меня. И это могут сказать многие и многие следователи, кому не посчастливилось прославиться так, как мне, но чья служба не менее значима. Поверьте, от безызвестного сельского священника вы можете услышать вещи, быть может, куда более мудрые. Или, – дополнил он, помедлив, – такую чушь, что разочаруетесь в разумности рода человеческого. Это уж как повезет... Нет, – повысил голос он и вскинул руку, предвворя дальнейшие реплики. – Не провоцируйте, не удастся. Время вышло. Кроме того, меня ждет отец Бенедикт.

Последний аргумент произвел, кажется, впечатление большее, нежели все прочие; внезапно понурившиеся лица стали серьезными и сумрачными, и Курт вздохнул, с сожалением разведя руками. *Alma mater* стояла вверх дном вот уже вторую неделю – ректор академии Святого Макария пребывал на одре болезни, восстать с которого, судя по пророчествам лекаря, ему едва ли доведется. Жизнь академии и судьба Конгрегации вполне могли с его последним вздохом перемениться разом и навсегда.

Наверняка такой молчаливой паники не царил даже в день, когда ослабевшее сердце внезапно оборвало земное бытие Альберта Майнца. Сей ученый муж, в лето 1358 *anno Domini* окончательно сменивший колдовские забавы на церковное служение, спустя год решился-таки приложить свои познания в известных вопросах к делу. Правду сказать, не совсем по собственной воле, а понуждаемый к тому своим духовным наставником, который, пусть и способами весьма неприятными, когда-то отвратил его душу от пути служения не тем силам. Познавший на собственном опыте, что такое инквизиторская задушевность, Майнец с рвением взялся за изменение дознавательской системы, что называется, изнутри; взялся с таким прилежанием, что сам же предстал перед хмурыми людьми в доминиканских хабитах¹⁴ еще не раз, дабы отразить нападки на собственную неповинность, нееретичность, католичность и благонадежность. Имеющий некоторые не вполне объяснимые способности, бывший малефик и чародей неведомым чутьем распознавал себе подобных, и порою одного лишь его присутствия было довольно для того, чтобы определить вину или невиновность задержанного по подозрению человека. Наверняка его служба так и осталась бы неким единичным светлым пятном в истории Инквизиции, если бы он не свел в одно прекрасное время знакомство с двумя людьми, перевернувшими в очередной раз его жизнь и жизнь всей Германии без преувеличения.

Первым из них был Гвидо Сфорца, младший сын в семье не слишком зажиточного миланского рыцаря. Вместо того, чтобы заниматься мирным выращиванием оливы, мужская часть семейства подалась в наемники, по вине чего женская вскоре стала над нею численно преобладать. Бытие синьора Сфорца, однако, сложилось несколько иначе. Свой жизненный путь он избрал поначалу в соответствии с семейной традицией, так же, как его предок и прочие сродственники, пойдя по стезе наемника, однако в поисках доходной работы забрел дальше них – в южную половину Италии, где и постиг некоторые небесполезные премудрости. «Эти бесчестные крысы» с Юга, в отличие от «этих туполобых ослов», обитающих на Севере, не полагали меч единственно верным помощником в столь сложной работе; кинжал, спрятанная в складках одежды петля или стальная спица, вовремя преподнесенный яд или попросту вовремя сказанное кому нужно слово на практике оказывались куда надежней. Со временем подле удачливого искателя приключений собралась относительно неизменная «*una banda di briganti*»¹⁵, не один год делившая с ним упомянутые приключения, опасность и добычу.

Однако, как известно, удача не имеет обыкновения подолгу пребывать в одном обиталище и может совершенно неожиданно, подобно дикой птице в открытой клетке, вспорхнуть

¹⁴ Свободная монашеская одежда, особого покроя и расцветки для каждого ордена.

¹⁵ «Шайка весельчаков» (итал.).

и исчезнуть. Фортуна покинула синьора Сфорца внезапно и беспощадно: очередное поручение, обещавшее завершиться легко и без особенного напряжения сил, оказалось работой сложной и даже (впервые!) неисполнимой. Противник был куда многочисленней, нежели ожидалось, гораздо лучше обучен, чем можно было предположить, и дело, которое должно было пройти тихо и быстро, обратилось затяжным, жестоким, кровавым побоищем, подобного которому выдавший виды наемник еще не знал. Потерявший всю группу, чудом возвратившийся к жизни после тяжелого ранения, но не оправившийся от душевного потрясения, Гвидо Сфорца решился покинуть грешный мир и удалиться в монастырь, дабы там залечивать духовные раны, хотя ради укрытия в каменных стенах пришлось выложить кругленькую сумму.

Время, однако, шло, волнения стерлись, душевная боль утихла, пережитое сгладилось в памяти сердца, и на смену жажде покоя пришло желание жизни, причем по возможности не хуже, чем у других. Проведший уже довольно внушительное время внутри церковной системы и кое-что в ней уразумевший, синьор Сфорца двинулся по скользкой дорожке духовной иерархии вверх, насколько позволяли его возможности, в том числе и приобретенные за годы беспокойного наемнического бытия. За устройство своей судьбы служитель Господень взялся с воодушевлением, щедро раздавая взятки, тумачи и отравленные вина, добросовестно замаливая после каждой стадии своего подъема все накопившиеся прегрешения, со вздохом припоминая прежнюю жизнь и внутренне разрываясь между мечом и крестом.

Обретя таким образом кардинальский чин, новоявленный пастырь в процессе своих карьерных восхождений постиг непреложную и неприятную истину, состоявшую в следующем: итальянское церковное сообщество явно отстоит далеко от идеала, каковым должно было бы являться. Невзирая на неотвратимо воскресающую память о былых приключениях и вновь пробуждающуюся тягу к оным, синьор Сфорца рисковал стать одним из самых благочестивых кардиналов, однако глубокая и темная змеиная яма, каковой являлось кардинальское сборище и папское окружение, не могло дать к этому ни условий, ни даже повода. Уйти от этого мира снова было идеей не лучшей, встать в своем смешном благочестии против всего высшего духовенства, давно по сути и крови французского и позабывшего о церковном единстве – глупо и опасно, провоцировать очередное восстание – бессмысленно, однако засидевшийся в покое дух требовал действия, а успевшая проникнуться верой душа – справедливости.

Исправить ситуацию в Италии не стоило и пытаться – оплот католичества пребывал в руинах духовных и, если говорить о Риме, вполне материальных. Франция, подмявшая под себя папский трон и прочно взявшая бразды правления подноготной католического мира, также была не лучшим полигоном для переворотных начинаний. Оставалась Германия. Германия, погрязшая в коррупции духовенства, политических дрязгах и злоупотреблениях тех, кто должен был бы надзирать за порядком прежде всего в сфере духовной. О неистовстве инквизиции в Германии ходили легенды.

Обнадеживающим же обстоятельством было то, что престол Священной Римской Империи занял молодой правитель Богемии Вацлав, ныне Карл IV фон Люксембург. Доходящие до куриальных вершин слухи, принесенные интересующимися людьми, говорили о том, что документ, закрепляющий личную власть на своей территории за поместными правителями, уже на столе у нового Императора, вносящего последние правки. Германия давно разделилась изнутри, императорские амбиции встречали на своем пути в лучшем случае равнодушие или прямое противодействие, и грядущее усугубление независимости курфюрстов было всего лишь последней попыткой соблюсти *status quo*, по сути своей лишь признанием свершившегося факта. Грядущий документ позволял Императору всего лишь сохранить хотя бы жалкие остатки своей репутации. Единственным существенным приобретением от будущей Буллы было то, что от участия в выборах Императора отстранялся пап-

ский престол. Приобретение важное и удачное, однако платить за него Карлу предстояло как вполне материально, то есть в денежном выражении, так и законодательно, закрепив некоторые вполне существенные поблажки за многими духовными лицами – в том числе князь-епископами, кое-кто из которых являлся курфюрстом, а значит, пусть и опосредованно, но Папа все же сохранял некоторое влияние. Донесения знающих людей, однако, говорили о том, что мириться со сложившейся ситуацией sitz-Император не намерен. Правду сказать, конкретных планов в венценосной главе не было, и собранные сведения выражали императорскую мысль словами «не знаю как, но не позволю».

Собрав воедино все ведомые ему данные и как следует поразмыслив, Гвидо Сфорца совершил правонарушение, поворотившее в иное русло судьбу великого множества людей, огромной устоявшейся системы и целого государства: очередная немалая взятка обеспечила ему должность папского нунция в Германии. Вовремя и в нужные уши сказанные слова подвигли понтифика снарядить в это государство делегацию, чьей обязанностью была ревизия компетентности зарвавшейся Инквизиции, деятельности церковных иерархов и вменяемости нижестоящей братии. Папа, наслаждающийся красотами французской природы в окружении французского синклита, в 1355 году отправил итальянца-кардинала с глаз долой без особых уговоров и даже с некоторым облегчением.

Непаханая целина, *terra incognita*, населенная прямодушными, не искушенными в интригах обитателями, приняла многоопытного в своем деле гостя с распростертыми объятьями. Никакие чины, звания, духовные или светские, никакая добродетель не могли устоять перед его натиском, и двери все более высоких палат распахивались перед ним одна за другой. За несколько месяцев пребывания в Германии даже при своем омерзительнейшем знании языка Сфорца узнал больше, чем за годы выведывания секретов от куриальных соглядатаев, – вероятно, просто потому, что захваченный собственными проблемами Папа давно махнул на неудобную державу рукой.

Именно об этом он и упомянул первым делом, в итоге своих стараний добившись, наконец, личной встречи с Императором: Папа поглощен иными заботами, и внутреннее устройство германских земель, как можно видеть на практике, тревожит его если не в последнюю очередь, то уж и не в первую наверняка. Беседа, однако, в тот день окончилась ничем; Карл высказывал почтение духовному лицу, Сфорца благословлял германский трон, обсуждены были местная погода, гостиничные цены и красоты соборов, но ключевой цели он таки достиг: вторая встреча была оговорена, назначена, а главное – состоялась. Император пытался говорить двусмысленности, вызывающие у искушенного интригана снисходительное умиление, и вычленив из его слов первостепенную мысль было несложно. В своих упованиях Сфорца не ошибся: престололюбитель был готов к сотрудничеству с кем угодно, кто окажет помощь в восстановлении тронной власти и наведении порядка в стране, если сие не ввергнет Империю тотчас и надолго в войну, на которую у Карла не было ни капиталов, ни верных людей, ни сил. Когда же Сфорца смог, наконец, после многочисленных блужданий вокруг да около, подвигнуть Императора на открытый и прямой разговор, он предложил *de facto* создание заговора против собственных подданных и церковного сообщества во благо и того, и другого.

Раздробленная на княжества и герцогства Германия, основа и фундамент Империи, даже невзирая на многочисленные в сравнении со многими европейскими державами или туманным Альбионом достижения в сфере социальной и правовой, все же не была заветной землей мечты. Убийца, осужденный на земле одного герцога, находил прибежище во владениях его соседа-противника; злоумышленник, перешагнувший границы епископства, исчезал с глаз блюстителей порядка, покуда утрясались *apices juris*¹⁶ с местной властью, и даже

¹⁶ Юридические тонкости. (Лат.).

преследование государственных преступников упиралось в высокомерие и упрямство не в меру принципиальных в своей независимости поместных правителей.

И не последней проблемой была Инквизиция, наделенная правом карать кого и где угодно и вместе с тем давно утратившая единство и зависимость от все тех же правящих епископов и даже порою от светских правителей, один из которых мог отменить приговор, вынесенный во владениях другого, и здесь значение имели не виновность или безвинность осужденных, а политические выгоды, финансовые резоны и откровенно силовые факторы. Карл не отличался особенным благочестием или заботливостью о страдающем простом люде, но одно осознавал четко: имперской казне охота на еретиков не приносит ничего хорошего. Только слепой и глухой мог не провести параллель между шансами на осуждение и размерами состояния обвиняемых – по городам и весям катились волны судебных процессов над теми, чье имущество, будучи конфискованным, могло пополнить кошельки ведущих дознавшие служителей Церкви, вьющихся подле них светских служб и, разумеется, властелинов тех земель. До государственной казны не доходило порою ни медяка; будучи же невинными, живыми и здоровыми, ныне осужденные подданные могли бы еще не одно десятилетие спокойно заниматься своим делом, уплачивая налог своему правителю, а тот – своему Императору.

Политическая сфера в свете этого оставалась для прямых перемен недостижимой – воздействовать на неугодных императорскому трону было попросту нечем, и единственное, что оставалось доступным для насаждения порядка, это *ager ideologicus*¹⁷. Все, что при этом требовалось от блюстителя германского трона, это не мешать – не препятствовать своему серому кардиналу претворять его проект в жизнь так, как он сочтет нужным.

Альберт Майнц стал частью плана, когда переговоры с Императором близились к завершению: в процессе длительной и осторожной переписки Сфорца и прославившийся в церковной среде раскаявшийся малефик сговорились о личной встрече, на которой и были определены планы на ближайшее и дальнее будущее. При всех своих достижениях, из священнического сообщества ушлый итальянец успел свести знакомство лишь с теми, кто отличался не слишком благим нравом и не страдал от излишнего благочестия. Майнц же, начав активную деятельность по оправданию неповинных и наказанию виновных, разъезжал по всей Германии, общаясь с монахами, мирянами, священством и светскими службами, состоял в переписке с такими же недовольными, знал многих, а главное – тех, чьи устремления не противоречили задуманному плану. За время своих многочисленных путешествий и обширной переписки Майнц приобрел, кроме подорванного здоровья, еще и глубокую депрессию, все отчетливее осознавая, что его силы не беспредельны, жизнь конечна, а влияние ничтожно, и посему предложение Сфорцы принял немедленно и с готовностью. Таким образом, спустя год после своего появления в Германии, кондотьер Гвидо Сфорца в возрасте тридцати четырех лет стал идеологом германской тайной духовной революции.

Первым, кого порекомендовал к сотрудничеству Майнц, был его единомышленник, доминиканец отец Альберт. Как и самого Майнца, его в некотором роде тоже можно было поименовать титулом «ученый муж», однако, в отличие от скромного профессора литературы, его изыскания лежали в иной области, не вполне посюсторонней. Отец Альберт, подкованный в демонологии, стал, строго говоря, первым в истории экспертом Конгрегации, а имеющиеся в его распоряжении труды – первым вкладом в будущую немалую библиотеку оной. Последним привлеченным к делу был еще один представитель доминиканского ордена, молодой и деятельный отец Бенедикт, в те годы подвизающийся на священническом поприще в одном из приходов в предместье Праги и состоящий с Майнцем в длительной, весьма любопытной, а оттого тайной переписке. В том году по стечению многообразных

---

¹⁷ Идеологическая нива (лат.).

обстоятельств он получил новое назначение в Германии, и состоявшееся вскоре эпохальное заседание заговорщиков проходило уже в составе четверки, в будущем обретшей наименование Совета Конгрегации.

В тайное тайных прочие участники завязавшегося действия не посвящались, в идущих внутри Совета дискуссиях и обсуждениях участия не принимали; все, что им было ведомо: Император удручен нынешним состоянием дел и всецело поддерживает их начинания. Упомянутые участники относились к различным сословиям, объединенные лишь одним – тщательно проверенным лично членами четверки моральным обликом. Монахи и священники, рекомендованные Майнцем, после душевного разговора с отцом Бенедиктом, имеющим несомненный талант к убеждению, покидали монастыри и волею папского нунция назначались на инквизиторские должности в особенно прославленных злоупотреблениями городах. Разумеется, не везде все проходило гладко, и кое-где приходилось идти на попятный, оставляя проблемную территорию до лучших времен. Имперские рыцари, согласно договоренности с Карлом, также вербовались на службу – в качестве телохранителей новых следователей, как правило, не обремененных воинскими умениями. Бродячие охотники на ведьм путем нескольких богословско-юридических ухищрений были объявлены вне закона; из немыслимой орды проходимцев, стяжателей и попросту мошенников за время долгой и довольно нудной работы были отобраны те, кто имел к сему делу подлинную склонность, талант и умение, а главное – нужный стимул в виде приверженности вере и правде. Тактовые, обработанные отцом Бенедиктом и снабженные лицензией, придавались поставленным на места бывшим монахам и священству для усиления их благочестия своими умениями и опытом, постигнутыми на практике. С парой таких мирян Курту доводилось служить вместе, и нельзя сказать, что их ревность о деле была слабей, нежели прилежание начальствующего над ними обер-инквизитора, в прошлом аббата далекого монастыря и конгрегатского дознавателя по совместительству.

Идея создания нарочитой академии для воспитания будущих служителей новой Конгрегации не родилась внезапно в один какой-то день – это подразумевалось изначально. От Императора, как и прежде, требовалось по-прежнему всего лишь не совать носа и поспособствовать в случае нужды улаживанию юридических вопросов, связанных с землей, недвижимостью и налоговыми послаблениями. Денег напрямую Сфорца благоразумно не просил, и вся эта немалая работа производилась исключительно на добытые им средства.

Еще во времена своей буйной юности он проявил дальновидность, обыкновенно не свойственную людям его возраста и рода занятий. Допустив как вероятность, что однажды может остаться без руки или ноги или просто без сил, когда в связи с немалыми летам не сможет соперничать с более молодыми и энергичными конкурентами, что его профессия может в конце концов приесться ему, Сфорца озаботился обеспечением своего будущего, причем вовсе не банальным закапыванием сундука с сокровищами на далеком острове.

Банковское дело, еще так слабо развитое в Германии, но набирающее обороты в Италии, требовало, кроме здравого смысла и изворотливости, еще и подобных Сфорце людей, которые могут взять на себя решение проблем с излишне упертыми партнерами или недругами. В отличие от своих собратьев по профессии, юный кондотьер порою предпочитал немедленной уплате наличностью долю в зарождающемся предприятии; не слишком крупную, дабы не возбудить недовольства, без особенной власти оказывать влияние на что бы то ни было, но достаточно существенную, чтобы иметь постоянный и вполне пристойный доход. С клиентами он изначально предпочитал строить отношения дружелюбные, недовольных им до того самого последнего дела не было, нажитые умения из памяти не стерлись, и когда Сфорца вновь связался с некоторыми из прежних знакомых, потребных им услуг оказалась масса – от посредничества в контрабанде до примитивной просьбы «замолвить словечко».

Из банков и торговых домов, участие в жизни которых он принимал во дни юности и уже будучи в духовном сане, разорились единицы – прочие поднялись, окрепли, порою благодаря его же помощи в виде правильных знакомств, и потому прибыль приносили пусть не баснословную, но довольно ощутимую. Германия, после опустошающей чумы переживающая один кризис за другим, с трудом, медленно и неохотно, но все же отходила от теперь практически невозможных земельно-натуральных понятий и взаиморасчетов, гильдии росли и объединялись в торговые союзы, и в отдельных городах уже вполне можно было озаботиться вложением средств, не боясь прогореть и даже рассчитывая на прибыль. Впоследствии, как Курту уже было известно достоверно, подобной деятельностью занялся не только неугомонный итальянец, и количество не совсем юридически оправданных доходов Конгрегации составляло теперь основную часть ее бюджета.

Создание академии святого Макария пришлось на первые месяцы правления императорского наследника, грянувшее в 1378 го-ду *ante Christum*. Император Рудольф II воссел на престол, получив от отца строжайшее указание беречь зарождающуюся Конгрегацию как зеницу ока. За время толком и не начавшейся еще работы удалось, однако, наглядно показать Карлу все плюсы новой структуры, от подлинных малефиков, изловленных и продемонстрированных довольно скептически настроенному правителю, до более насущного факта: не горящее повсеместно население медленно, но вполне уверенно вытягивало страну из финансовой ямы, благословляя своего владыку на каждом углу и косо поглядывая на курфюрстов и князь-епископов. Крестьянские и ремесленные бунты, разумеется, случались, но, как говорилось в старых сказках, это была уже совсем другая история...

По совету Сфорцы прекративший прямые и нарочные пререкания с папским престолом, Карл сумел добиться того, что Германия словно бы исчезла из поля зрения понтификов, в своих спорах и без того о ней подзабывших. По наущению все того же Сфорцы молодой Император не стал вмешиваться и в возникшее внезапно раздвоение Пап, не поддержав силой ни авиньонского, ни ватиканского, предоставив сие сомнительное удовольствие французской и итальянской знати и духовенству. Изменения в церковно-инквизиторской среде в дальнейшем шли исподволь и втихомолку, в обществе и политике – еще более ненавязчиво, отчеты об установлении добропорядочности на вверенной ему территории нунций составлял скучные и редкие, благодаря чему во всех сферах оставалась необходимая свобода действий. Оба Императора, и почивший, и ныне живущий, явно полагали Конгрегацию своей ручной Церковью; никто их в этом не разубеждал – выгоды были взаимными, и мутить воду понапрасну было ни к чему.

В создание академии было вброшено невероятное количество живых денег, невзирая на то, что многие ее зачинатели занимались этой нелегкой работой исключительно за идею. Мысль о том, что воспитанниками станут мальчишки не старше двенадцати, лучше всего сироты, выловленные на улицах или взятые из тюрем, порою, как и сам Курт, едва ли не из-под петли, была в некотором смысле новаторской, спорной и обсуждалась долго.

Причин к зарождению подобной идеи было несколько, и в первую очередь – отсутствие связи подобных воспитанников с внешним миром в виде родичей и покровителей. Несколько не сподобившихся осиротеть малолетних правонарушителей все же были взяты на перевоспитание, но эта практика вскоре сама себя изжила. Одиноким, никому не нужным мальчишкам не имели семьи, дома и вообще личной жизни, что сводило к минимуму возможность коррупции в будущем. Преступное бытие же изначально подготовило душу будущих воспитанников к предстоящим в их жизни трудностям и опасностям; а кроме того, в случае каких-либо неприятностей на службе, вроде гибели новоиспеченного инквизитора при исполнении своего долга, взбешенные родичи и рыдающие матери не станут осаждать стены академии.

Совещание на сию тему шло долго и жарко, однако в конце концов идея была признана достойной воплощения. Человеколюбие и сострадание тут отступали на дальний план;

основными требованиями к будущим курсантам были потенциальные умственные возможности, пустая в мировоззренческом смысле душа, поддающаяся корректированию, и воспитуемость, не переходящая во внушаемость. Отбором занимались отец Бенедикт и Сфорца лично, а также четверо тщательно проверенных ими инквизиторов новой волны, в чьих способностях распознавания человеческой сути существовала хоть какая-то уверенность. Майнц, к тому времени почивший, стал первой значимой фигурой новой Инквизиции, первой легендой, сознательно выпущенной «в народ» ради сотворения и укрепления надлежащей репутации.

Святой Макарий как покровитель академии был выбран, в общем, наобум. Критериев при избрании было два. Первое качество, которому должен был отвечать требуемый святой, – это его малоизвестность, дабы не привлечь к себе излишнего внимания ни Папы, ни не проникшихся еще переменами светских властей, ни священства. Сообщество, опекаемое Девой Марией, Иисусом лично либо святыми Петром-Павлом-Иоанном, вызвало бы немедленную заинтересованность. Второе свойство, коим должен был обладать избранный Совета, – это нужная биография, которая хоть мало-мальски была бы связана с целями и общими положениями новой организации. Святой Макарий, архиепископ Иерусалимский, кое-кому из мирян даже и неведомый, был широко известен в узких кругах тем фактом, что, занимаясь поисками утерянного Креста Господня, имел видение, в коем ему было сообщено местонахождение оногo. Для посторонних биография святого была связана с Конгрегацией образом явным – поиск Креста был отражением поиска Истины, Веры и спасения, что является, строго говоря, смыслом жизни любого верующего. Для самих членов Конгрегации, осознающих, что за события завязались вокруг, образ был несколько иным. Утраченный Крест символизировал собою потерянную связь существующей ныне Инквизиции – с Церковью, а Церкви – с Богом. Обретение вышеперечисленного, соответственно, ложилось на плечи будущей Конгрегации, чему и должны были обучаться курсанты академии.

Бюрократические дебри разрастались, отслеживались и упорядочивались. Возникло отделение, курирующее деятельность самих инквизиторов, возникли курьерская служба и архив с армией переписчиков, привлечены были талантливые эскулапы и бойцы, ученые и эксперты во всевозможных областях – от шифровальной науки до античной литературы. Некоторым из упомянутых экспертов еще несколько лет назад предстояло бы гореть заживо, однако девизом суда Конгрегации стало «по делам их», и теперь знахарь, излечивший головную боль движением рук, не бросался в костер тотчас же наравне с душегубом и злодеем. Правда, и не гулял в полном смысле свободно; однако, справедливости ради надо заметить, что мало кто особенно упирался, получив приглашение на службу. Пергаментные лицензии, выдаваемые служителям, сменили Знаки – медальоны, носимые на шее, помеченные личным порядковым номером и украшенные эмблемой академии, за руководством которой само собою закрепилось главенство в новой Конгрегации. Копия одной из сторон стальной бляхи выжигалась на плече, исключая проблемы, связанные с утерей или кражей *Signum*'а. Знаки за номерами со второго по пятый имели Сфорца, отец Бенедикт, Майнц и отец Альберт, Сигнума же «номер один» не существовало в природе – неким незримым и непостижимым образом номер первый был предоставлен Высшему Руководству. Остроты курсантов на тему того, как выглядит Иисус со Знаком поверх хитона, пресекались, но оставались неизменно живучими.

Для отслеживания финансовых перераспределений мало уже было усилий одного человека, посему к этому делу привлекли францисканцев, тут же обретших неблаговидное прозвище «церковных крыс» по причине данного ими обета бедности. Академия пережила уже шесть выпусков, пусть и не слишком многочисленных, и продолжала исправно действовать по сей день.

Большую часть этой громады по-прежнему удерживал на плечах Его Высокопреосвященство Гвидо Сфорца. Однако академия была целиком на попечительстве отца Бенедикта – он был главным ректором, вникающим во все вопросы, он был духовником курсантов, как нынешних, так и покинувших уже ее стены; отец Бенедикт был душой академии, и не только. Отец Альберт, порекомендованный некогда Майнцем эксперт, занимался неведомо чем и где; о нем ничего не было известно даже Курту, который к своему первому рангу обладал еще и припиской по поводу «особых полномочий» и имел доступ к тайнам, о самом наличии которых большинство служителей даже не подозревали.

В случае трений со светскими или церковными властями, в случае любых сложностей вмешивался все тот же отец Бенедикт, обросший связями, добрыми знакомствами и влиянием, и первый вопрос, занимающий умы, был о том, кто и как сумеет заменить его. Наверняка Совет позаботился об этом, но нарушение устоявшихся взаимоотношений всегда чревато проблемами; неизвестно, какие именно, но они будут. А второе, о чем невольно думалось в связи с не первым уже тяжелым недугом отца Бенедикта, это здоровье синьора кардинала, утрата которого вообще может поставить всю жизнь Конгрегации с ног на голову. Сфорца, ровесник отца Бенедикта, отличался при том здоровьем более крепким, быть может, переданным ему по наследству, а возможно – попросту по причине более свободного отношения к жизни и неприятностям; беспринципные сукины дети, как частенько говаривал он сам, живут долго и счастливо. Но одна из особых операций по задержанию опасного и сильного в своем деле чародея оставила Сфорцу с парализованной рукой, надсадила сердце, едва не отправив в тот же день на тот свет, и, в конце концов, годы все же брали свое, и до следующего, семьдесят шестого, лета он вполне мог не дожить. Об этом не говорили вслух, но не думать – не могли.

О неизбежном завтра не мог не думать и сам Сфорца – это было видно по его лицу, когда он попадался навстречу в коридорах академии; это отражалось во взгляде каждого, кто задумывался о грядущем хоть на миг. Или, мысленно уточнил Курт, увидев своего помощника под дверью больного, просто без умирающего в эти дни человека не мыслится уже собственная жизнь, а оттого кажется, что с его уходом рухнет Вселенная; так внезапно осиротевшему ребенку мнится, что и весь прочий мир теперь не может быть счастливо живущим. Курт же, как и прочие выпускники, сиротел уже во второй раз, и эта потеря воспринималась, наверное, еще тяжелее, чем первая.

Помощник, когда он приблизился и встал рядом, так же прислонясь к стене, к нему не обернулся и ничего не сказал, по-прежнему глядя в пол у своих ног. Говорить, собственно, было не о чем. Вопрос о состоянии болящего не имел смысла; свершись уже ожидаемое – и лицо Бруно было бы другим, да и подстерегал бы он свое начальство не здесь, а под дверью аудитории, где проходила лекция, а то и вовсе прервал бы ее. Судачить о том, кто именно сейчас уединился с отцом Бенедиктом, тоже не стоило: было около полудня, а стало быть, подле него нарочно вызванный в помощь академическому эскулапу лекарь, пытающийся какими-то неведомыми средствами продлить угасающую жизнь.

Готов ли Бруно к поездке, ожидающей их тотчас после, быть может, последней беседы с духовником, Курт видел и так: редко надеваемую, а оттого новенькую рясу, в которой помощник показывался на людях в нечастые дни спокойной жизни, тот уже сменил на дорожную, претерпевшую не одну чистку и штопку, и не по-монашески тяжелые подкованные сапоги были тщательно надраены. Единственное, о чем можно было спросить – для чего помощник делает это столь фанатично всякий раз перед дорогой, когда уже спустя четверть часа начищенная кожа покрывается слоем пыли или грязи, однако сейчас это была не самая уместная тема для разговора.

Можно было сказать о том, что уезжать из академии сейчас не хочется больше, чем когда-либо прежде, и услышать в ответ те же самые слова. Можно было поделиться своими

опасениями касательно того, что следующая встреча с наставником наверняка не состоится. Можно было, в конце концов, сказать все то же самое и самому отцу Бенедикту, откровенно наплевать на полученное указание, никуда не ехать и остаться здесь, рискуя обрести на свою голову строгий выговор, но зато получив возможность быть рядом, говорить еще не раз и, быть может, не два с тем, кто долгие годы был единственным настоящим отцом. Можно было. Ему спустили бы с рук и не такое. А еще его пример остался бы перед глазами курсантов, будущих следователей, которые вот так наглядно познали бы, что приказ начальства можно нарушить, старшему не подчиниться, требуемый порядок презреть – не ради дела, а по собственному произволению. Поэтому с помощником Курт не заговорил, оставшись стоять под дверью, глядя в стену напротив и припоминая все, что должен успеть сказать и спросить в предстоящем последнем разговоре.

* * *

*Несколько дней назад, академия святого
Макария Иерусалимского*

С детства родные стены сегодня выглядели мрачнее обыкновенного и казались почти гнетущими. Верхний этаж походил на главную улицу небольшого города – прежде безмолвные каменные коридоры были заполнены ровным гулом голосов, напряженным, но тихим и осторожным, дабы отзвуки шума не просочились за створку одной из дверей. Эскулап, затребованный на помощь лекарю академии, сказал, что отцу Бенедикту требуется покой и тишина, что, собственно, и без его наставлений прекрасно осознавал каждый. С приписанным целителем Курт повстречался как-то на лестнице; тот прошел мимо, не обратив никакого внимания на зацепившего его локтем майстера инквизитора, едва не столкнувшись с господином помощником, и заботился, кажется, всего более о том, как донести себя до подножья ступеней, не расшибив при том вдребезги. С отцом Бенедиктом, как сообщили Курту те, кто мялся под дверью болящего, остался лекарь святого Макария, почти никого к нему не допускающий, и, судя по его виду, дело идет к тому, что вскоре допускать будут всех – уже к телу.

Стремящихся попасть к еще живому было немало; все, кого смогли достичь сведения о состоянии здоровья духовника, кто сумел вырваться из власти начальства или обстоятельств, прибыли, как и сам Курт, сюда. С кем-то он, пройдя к двери, поздоровался, кого-то видел впервые, однако в его сторону обернулись все до единого. Издали, от самой лестницы, донеслось чуть слышное: «Гессе», и даже разговоры на мгновение стихли. Курт покривился, переглянувшись с помощником, и тот обреченно пожал плечами. Подобные сцены перестали уже быть редкостью, вот только наблюдались они прежде лишь в попутных трактирах и городах, куда его забрасывала начальственная воля – взгляды исподволь, шепот и поминание его имени, испуганное, порою уважительное или ненавидящее. Но чтобы здесь, в родной академии, среди своих... Внезапно свалившиеся на голову слава и известность за почти десять лет хоть и стали неотъемлемой частью собственной природы, хоть, надо признаться, в работе порою и оказывались к месту, в прочем бытии все же вызывали раздражение. Однако, если подумать, на их месте он и сам наверняка вел бы себя так же...

Отчего-то все происходящее напомнило давний, самый первый день в академии.

Но если задуматься, было вполне очевидно, что именно пробудило эти воспоминания. Примерно так же, расплзшись вдоль стен или сбившись маленькими кучками по двое-трое, косились друг на друга одиннадцати-двенадцатилетние мальчишки, которых свезли сюда из разных концов Германии. Курт, единственный кельнец, жался в тот день в угол, настороженно оглядывая своих собратьев по заточению и каменные стены высокого зала, где всем прибывшим было велено «сидеть тихо и ждать». Тишину обеспечивал крепкий мрачный

тип, препоясанный мечом, в присутствии коего мысли о неблагопристойном поведении как-то затухали сами собою.

Зал был пустым, если не считать нескольких скамей у стен, каким-то затхлым и походил на заброшенную комнату. Позже будущие курсанты узнали, что здание, давшее им приют, когда-то было вполне процветающим монастырем, славящимся своим благочестием, каковое его и сгубило: во время давней еще, первой волны чумы братия постановила принять больных, дабы вверить их заботам своего лекаря, отличавшегося крайней талантливостью в своем деле. Лекарь был убежден, что придумал лекарство от черной смерти... Лекарь ошибся.

После сожжения тел умерших больных, лекаря и братии последние двое выживших удалились в обители с более строгим уставом, видимо, дабы залечить там в духовных подвигах души, раненные этой трагедией, а в монастыре так и не появились новые насельники. До тех пор, пока Гвидо Сфорца не зафрахтовал, по его выражению, пустующую каменную громаду.

В тот, первый, день сам кардинал тоже произвел на маленького Курта впечатление каменной громады: в зал со сбившимися в кучки мальчишками он вошел тогда первым – вошел быстро, просто, словно в собственную комнату, где не было ни души и никто не смотрел на него враждебно и зло. И лишь вторым, медленно, словно двигаясь в похоронной процессии, следом за ним прошел священник с усталым морщинистым лицом. Один из духовных чад отца Бенедикта сказал когда-то, что взгляд наставника с первой же встречи заморозил его – пронизательный, всепонимающий, глубокий... Ничего этого Курт в ту, первую, встречу не увидел. Он видел просто священника и – странного человека в мирской одежде, но почему-то с тонзурой. «Ну что, чада? Добро пожаловать», – произнес тогда кардинал таким тоном, что именно в сей миг Курт и осознал наконец в полной мере, что попал он в очень, очень странное место, которое сулит ему очень странное будущее.

В тот день никто не ответил ни на какие вопросы, никто не дал никаких объяснений, на все недоумения было повторено лишь то, что сказал Курту человек, пришедший в его камеру в кельнской тюрьме: предстоит учеба либо, при ненадлежащем ее исполнении, прямой путь назад, в тюремные стены и оттуда к виселице. А дабы прибывшие не полагали, будто преступления, кои привели их сюда, им прощены, каждый получил свое воздаяние в той мере, в какой это было возможно, и – доходчиво. Потом, лежа в лазарете с исхлестанной спиной, Курт долго и бессильно крыл в мыслях всеми ведомыми ему срамными словами всех, кто только приходил ему на ум, и в первую очередь – тех четверых идиотов, которые вздумали быть убитыми кельнским оборванцем.

По выходе из лазарета, однако, никакой учебы в течение довольно продолжительного времени Курт так и не дождался. Мальчишек отмыли и переодели – в одинаковую и до предела простую одежду, накормили, и у помнящего свои трапезы в заброшенных подвалах Курта даже мелькнула мысль, что ради такого можно и смириться с любым будущим, ему уготованным. Новых монастырских обитателей развели по кельям, по четверо или трое в каждой, и около недели они вели бытие праздное, монотонное и безмятежное. Безделье нарушалось лишь всеобщими сборами на молитву в монастырском храме, всеобщими же посещениями трапезной, бесцельными прогулками по довольно захламленному внутреннему двору, охраняемому парой арбалетчиков на стенах. Собственно, время от времени попадавшиеся на глаза вооруженные люди убивали в зародыше мысли о возможном побеге, даже если б кто и решился покинуть эти стены и уйти неведомо куда из весьма отдаленного монастыря.

А еще мерное течение дней прерывалось непременно исповедями, которые Курт отработывал, как обязательную повинность. Исповеди же затягивались надолго, становясь все дольше с каждым разом, и состояли по большей части не из излишних воспитанника, а

из речей самого наставника. Всякий раз Курт ждал, когда же отец Бенедикт перейдет к проповеди смирения и незлобия, к порицаниям и поминанию невинно им убиенных, однако за долгие две недели так этого и не услышал. Хотя, надо сказать, он вообще мало что слышал – слова старого священника по большей части проходили мимо.

Сфорцу он видел множество раз, но все как-то мельком – тот вечно куда-то спешил, порой отзывал в сторонку отца Бенедикта и о чем-то с ним шептался, когда обрадованно, когда озабоченно, или же просто проходил мимо, поглощенный какими-то своими думами. Но однажды после трапезы, когда воспитанники после благодарственной молитвы собрались было расходиться, Сфорца вышел на середину и произнес краткую речь, смысл которой сводился к следующему. Праздная жизнь кончилась. Воспитанники, отдохнувшие от тягот беспризорной жизни и набравшиеся сил, должны сделать все, чтобы их бытие и впредь было столь же приятным, а посему с нынешнего дня на мальчишек ложатся некоторые обязанности, первой из которых была – одному из них направиться в монастырский двор и нарубить дров, необходимых для приготовления следующей трапезы и отопления, ибо затянувшаяся в том году зима проморозила монастырский корпус насквозь. Новость была встречена гробовым молчанием.

За время, прошедшее с первого дня, в каждой маленькой группе, живущей в своей келье, сложилась своя маленькая иерархия, бывшая, в свою очередь, частью иерархии большей, определившейся среди всех воспитанников вкупе. Авторитетной персоной, возвышающейся над всеми (в том числе и в буквальном смысле) был привезенный из Кобленца парнишка по имени Вим, завладевший вниманием и уважением всех с первых же дней, причем момента, когда произошло полное признание его авторитета, никто так и не мог вспомнить и осознать, но признание это никто и никогда не подвергал сомнению.

Кроме, разумеется, наставников. И в тот день именно в него Сфорца и ткнул пальцем, коротко пояснив: «Ты». Вим покривился в усмешке, оглядев притихших воспитанников, ждущих его реакции, и приосанился, пренебрежительно мотнув головой. Слова, коими он сопроводил свой отказ, были встречены одобрительным гулом со стороны сотоварищей и похолодевшим взглядом кардинала сквозь прищуренные глаза. Помедлив, Сфорца неспешно прошел вперед, приблизившись к Виму вплотную, и, улыбнувшись ему в ответ, неожиданно и резко ударил наотмашь так, что тот покатился в сторону, перевернувшись через скамью. «Встать, – коротко приказал Сфорца во всеобщей тишине, когда Вим с трудом приподнялся на четвереньки, растерянно хлюпая носом. – И слушай меня. С этого дня – никаких пререканий. За слушанием последует кара. Все помнят, почему половина из вас провела в лазарете первые дни здесь?.. Но за регулярные слушания вы не отделаетесь поркой. Вам всем говорили, что вы можете возвратиться туда, откуда были взяты, в любой момент. Тебя, – снова обращаясь к Виму, уточнил кардинал, – привезли сюда не из тюрьмы, а потому и возвращать тебя никуда никто не будет. Я выставлю тебя туда, где ты и был – на улицу. И так как одежда, что на тебе, принадлежит не тебе, то и ее ты оставишь здесь. И пойдешь до ближайшего города по морозу несколько миль, в сугробах, где твой маленький шванц станет маленькой синей сосулькой, которую можно будет просто за ненадобностью отломить – вот так», – и кардинал сжал пальцы столь выразительно, что кое-кто из воспитанников поморщился. Из-за чудовищного немецкого произношения все сказанное померещилось неким проклятьем, произнесенным на древнем языке, однако на Вима все же воздействовали вовсе не слова. Да и не для него они говорились, как понимал Курт уже тогда...

Вим...

Надо же, запомнилось имя того, кто пробыл в академии неполный год...

Спустя несколько месяцев, повздорив в трапезной с одним из соседей по келье, Вим ночью вскрыл мальчишке горло украденным из кухни ножом.

Отец Бенедикт призвал его к себе на беседу, после которой Вима больше не видели, а сам ректор еще не один день ходил молчаливым и хмурым, взглядывая на своих воспитанников с еще большей болью, нежели прежде...

– Курт!

Оклик, прозвучавший чуть громче прочих голосов, донесся от лестничного проема; на спешащего к нему человека все обернулись с укором, и тот отозвался извиняющейся гримасой, долженствующей изображать смущение.

– Франк, – поприветствовал Курт в ответ, когда окликнувший приблизился, и бывший сокурсник кивнул куда-то за спину, на кого-то неведомого, оставшегося в недрах главного корпуса:

– Мне сказали – ты только приехал, и я так подумал, что ты сразу сюда. Не пропустили?

– Я еще не просился, только пришел.

– Тебя впустят, – предрек Франк уверенно. – Кого-то из них, быть может, и через неделю, а ректорова любимчика наверняка сегодня. Похоже на воронье над трупом, – криво ухмыльнулся он, кивнув на собравшихся. – Только неясно, что за пожива это воронье ожидает.

Курт не ответил, исподволь бросив взгляд вокруг. Длиннополый фельдрук, прежде бывший лишь произвольно избранным по своей практичности одеянием, за последние годы стал фактически уставно утвержденной формой следователей Конгрегации, и сейчас те, кто, подобно ему самому, так же прямо с дороги поднялись к этой двери, и впрямь напоминали собравшуюся на пустыре стаю черных воронов.

– Не все собрались, – доверительно понизил голос Франк. – Ну, кто-то уже уехал – служба, мерзавка; кто-то подъедет, понятно, позже. А кого-то, быть может, и начальство не отпустило. Это до чего надо повернуться на службе, чтобы не дать подчиненному несколько дней попрощаться с духовником... Тебе-то, думаю, волю дали по первому слову?

– Я сейчас сам себе начальство, – передернул плечами Курт. – Там, куда меня отряжали последние пару лет, наших отделений не имеется, а при слове «Инквизиция» у обитателей случается нервный припадок. Курьер от академии меня вообще отыскал чудом.

– У этих парней нюх на места, которые никому не известны... Меня наш старик выпустил, надо отдать должное, стоило лишь заикнуться. Ведь духовники не каждый день умирают.

– Ты что – выпил? – потянув носом, уточнил Курт, и тот свел пальцы, изобразив нечто крошечное:

– Чуточку.

– И думаешь показаться отцу Бенедикту в таком виде?

– Уже показался, – покривился Франк. – Меня к нему допустили час назад.

– И как?

– Сказал, что ему любопытно знать, от избытка каких именно чувств я так набибедился. Если с горя, это вышибает из него слезу умиления, если на радостях, это «повод переосмотреть свой жизненный путь»... Отец Бенедикт в своем духе. Его ничто не проймет.

– Кроме смерти, – тихо закончил помощник, и Франк осекся, бросив угрюмый взгляд на Бруно.

– Да ты что, – выговорил он сухо и, помедлив, нахмурился еще больше. – Стой-ка, – проронил Франк напряженно. – А ведь я тебя помню. Ты же тот парень из Таннендорфа, который засунул вот его в горящий замок.

– Который меня из этого замка вытащил, – поправил Курт.

– Перед этим едва не отправив на тот свет. И что он тут делает?

– Желает, как и все, увидиться с духовником. За девять лет службы он к отцу Бенедикту уже как-то привык, знаешь ли.

– Службы? – с искренним изумлением переспросил Франк, весьма необходимо ткнув пальцем в помощника. – Этот?.. Врешь.

– Если помнишь, обвинения я с него снял, а больше предъявить ему было нечего. Вот уж несколько лет он помощник особо уполномоченного следователя первого ранга, действующий служитель Конгрегации, с Печатью и Знаком.

– *Mirabilia opera tua, Domine*¹⁸, – с заметной растерянностью хмыкнул тот. – Нет, я слышал, что у Молота Ведьм на побегушках конгрегатский священник, но не думал, что все так запущенно... Ну, отцу Бенедикту видней. Если тебя таки пустят сегодня – на потом какие планы?

– Еще не знаю, – вздохнул Курт, тяжело привалившись к стене; ноги после седла ныли, и составлять какие-то проекты сейчас хотелось меньше всего. – Быть может, вернусь туда, где был. Или, как знать, погонят куда-нибудь еще. Или позволят остаться. На какое-то время.

– Значит, не по пути, – подытожил Франк. – Жаль. Ну, а мое время выходит, посему завтра я в любом случае выдвигаюсь обратно.

– Ты все так же в Штутгарте и все так же помощником?

– И не жалуясь. Поначалу бывало порою обидно, что до следователя так и не дотянул, а потом... знаешь, помощником – оно неплохо. С меня не дерут семь шкур, не требуют невозможного, не орут за проваленные расследования, а главное – не валят на меня ответственность за других. Посему, если ты думал мне посочувствовать, прими мои искренние соболезнования в ответ... Ну, бывай, – несколько нетвердо сунув в его ладонь руку для пожатия, кивнул Франк. – Любопытно было увидиться спустя столько лет.

– И не говори, – уже вслед уходящему пробормотал Курт, и помощник вздохнул:

– И я его вспомнил. Совсем не изменился.

– В каком смысле?

– Ты за девять лет службы стал несносным и злобным мизантропом, а этот, похоже, на все превратности жизни плевал с кровли Штутгартского отделения. Хотя, быть может, дело все в том, что ты изначально был несносным и злобным мизантропом, с годами эти добродетели всего лишь усовершенствовал.

– Твоих терпимости и человеколюбия с лихвой хватает на двоих, – отозвался Курт рассеянно, сделав шаг вперед, когда дверь в комнату больного приоткрылась, выпустив в коридор понурого старика.

– Гессе, – констатировал старик, наткнувшись на него взглядом, и осторожно прикрыл створку за собою, подойдя к Курту ближе. – Вот и ты.

– «Вот и я»?

– Он ждет, – кивнув через плечо на дверь, пояснил лекарь академии. – Было велено направить тотчас же к нему, как только вы оба появитесь.

– К нему – обоих? – уточнил Бруно, и тот кивнул, с усилием потерев пальцами глаза:

– Обоих, посему, коли уж вы тут, идите... Только вот я вам, парни, что скажу. Если вы задержитесь у него дольше необходимого, если выведете его из равновесия, если утомите – клянусь, вырву кишки и размотаю по кухне для просушки. Этот даровитый юнец держит его в жизни исключительно чудом, и сам он сейчас в таком состоянии, что, того гляди, вот-вот сляжет тоже. Причем это не метафора.

– Знаю, – отозвался Курт. – Я его видел.

– Тогда должен понимать, насколько все нешуточно. Если сейчас отца Бенедикта придется снова откачивать, парень свалится, и уж тогда, случись что... Я ясно выразился?

---

¹⁸ Чудны дела твои, Господи (лат.).

– Ясно и недвусмысленно.

– Тогда идите, – вздохнул лекарь, отступив от порога. – Там мой *assistant*; если вдруг что – бегом его за мной.

Курт молча кивнул, открыв дверь; вокруг он не смотрел, но слышал, как снова на короткие мгновения повисла тишина – бывшие курсанты наверняка косились в его сторону, пытаясь понять, чем он, явившийся минутой назад, лучше всех их, дежурящих у этой комнаты так долго и неотступно. Франк оказался прав: любимчик ректора стоял вне всеобщих правил...

За порогом, в короткой комнатухе, со стоящей у стены скамьи навстречу поднялся молодой хмурый парень, и Курт, не дав ему разразиться гневной отповедью, коротко пояснил:

– Гессе.

Парень задумался лишь на миг, молча кивнув и отступив в сторону, дав пройти к двери за своей спиной, и, судя по брошенному им взгляду, помощник лекаря уже узнал пришедшего и сам. Курт тоже помнил этого сутулого худощавого парня; в день их знакомства, правда, спина была прямее, глаза – живее, да и худоба не бросалась столь явно в глаза. Тогда еще курсант, сидящий у постели умирающего обоженного следователя, смотрел на мир с надеждой на увлекательное, необыкновенное будущее, а на Курта – как на героя. Сейчас взгляд выражал только усталость и равнодушие. Оставалось лишь надеяться, что – временные, вызванные не слишком жизнеутверждающими обстоятельствами...

Пройдя в дверь, Курт замялся на пороге, шагнув снова, лишь когда идущий следом Бруно подтолкнул его в спину. В покоях отца Бенедикта было как-то неуместно светло и безмятежно – солнце врывается в распахнутые окна, наполняя комнату еще теплым свежим воздухом, гомоном птиц и солнцем.

– Вот и ты, – повторил за лекарем наставник, приподняв с постели руку, но так и не сумев приглашающе махнуть. – Вот и вы оба... Входите ж, наконец, не топчитесь у двери. Садитесь, – велел он, взглядом указав на два стула подле кровати, когда посетители приблизились.

Лицо духовника было тусклым и осунувшимся, и сейчас острее, чем прежде, стало заметно, насколько он постарел за последний десяток лет...

– Дабы не терять время на малозначащие вещи, – продолжил отец Бенедикт, когда оба уселись, – отвечу сразу на вопрос, который мне задают все, кто входят в эту дверь. Самочувствие отвратное. Нахожусь при последнем издыхании. Благодарствую за соболезнование.

– Я боялся не успеть, – отозвался Курт серьезно, и тот вздохнул.

– Видно, перейти к делам не сложится, покуда вы не выскажете все это сами...

– А вы другого ждали? – с укором выговорил Бруно. – Неужто вы думали, что мы, явившись сюда, первым делом станем обсуждать погоду?

– Да, погода... – скосившись в окно, тускло усмехнулся духовник. – В такой день умирать обидно... В солнечный день обидно, в дождливый противно, в морозный холодно. Единственный выход, чтобы быть довольным, – жить вечно.

– *Ad verbum*¹⁹, – заметил Курт тихо, на миг обернувшись к двери, за которой остался помощник лекаря. – Александер не появится здесь?

– Уже побывал.

– И уехал, – констатировал он с неудовольствием. – Не остался с вами. Хотя найти человека свободней и вольней в решениях, чем он, сложно; его бесчисленные торговые партнеры могли бы некоторое время прожить и без него.

– Давно вы виделись? – с явной укоризной уточнил отец Бенедикт, и Курт снова обернулся на дверь, ткнув в ее направлении пальцем:

---

¹⁹ К слову, кстати (лат).

– Вы уверены, что этому Гиппократу нас оттуда не услышать?

– Уверен, – с усмешкой кивнул наставник. – Наверное, уж я озабочен безопасностью и сокрытием обсуждаемых здесь тайн не менее тебя. Так что же?

– Полагаю, вы и сами это знаете, отец; около года назад – в учебке. Они с Альфредом пытались сделать из меня охотника на стригов. Если б все происходило по-настоящему, Александер имел бы все шансы упиться в хлам.

– У него и сейчас есть такая возможность, – тяжело вздохнул духовник, одарив его многозначным взглядом. – При том, каков в последние годы круг его общения. Понимаешь ведь, что я разумею вовсе не торгашей и менял. И, к слову, в Ульме он больше не живет. Сейчас Александер «в отъезде по делам», где задержится лет на двадцать: если мы желаем и впредь сохранить его легенду, он должен иметь возможность возвратиться в город как собственный сын, с сохранением всего имущества, прав и возможностей. И как ты полагаешь, где и с кем он проводит большую часть своего времени?.. Оперативная работа для него – не то же, что для тебя, – продолжил тот, когда Курт, поджав губы, умолк. – Вот уж который год ему приходится жить *de facto* под постоянным надзором своих сородичей и даже во сне следить за тем, какие мысли рождаются в его сознании. Любому своему длительному отсутствию он должен иметь объяснение, причем правдоподобное; порою это возможно, порою нет. Что бы он ни делал, они присматриваются к этому с особым тщанием – и без того у него довольно странностей в сравнении с прочими, а это не может не настораживать. В этот раз он всего лишь сумел появиться здесь на час в одну из ночей на минувшей неделе; это все, что сейчас в его силах.

– И долго, по-вашему, он так протянет? – мрачно уточнил Курт. – Не было ли ошибкой вот так швырнуть его в змеиную яму?

– В будущем, мой мальчик, – мягко возразил наставник, – тебе не раз придется посылать на риск и на смерть тех, кто тебе дорог. Но есть у меня твердое убеждение, что тебе это под силу.

– То есть, я – бессердечная сволочь, и это вас вдохновляет?

– Ты умеешь принимать тяжелые решения, – поправил отец Бенедикт, и он весьма непочтительно отмахнулся:

– Бог с ним, с моим нравом, отец; к чему вы это?

– Я должен был спросить об этом лишь через год, когда завершится десятилетие твоей обязательной службы, однако, как видишь, сие мне не суждено. Я не должен этого делать, и ты... вы оба, – уточнил он с нажимом, – это исключение из правил. Все прочие – они ответят на этот вопрос в установленное предписаниями время, но вас я хочу спросить сейчас; знаю, что за год может вдруг и многое измениться, однако же... Итак, Курт, Бруно. Что вы скажете следующей весной, когда вам зададут один из главных вопросов в вашей жизни?

– Я остаюсь, – просто отозвался помощник. – Не вижу иной дороги.

– Я говорил это уже не раз, – передернул плечами Курт. – Боюсь, для меня не будет никакой торжественности в этом моменте; простите, отец. Быть может, по важности это и сравнимо с обретением Печати и Знака, но... Я сказал это в двадцать один год, скажу и в тридцать один: оставлять службы я не намерен. Над этим вопросом я никогда и не размышлял, никогда не рассматривал возможности ни уйти в архив, как вы мне настойчиво предлагали, помнится, не один десяток раз, ни оставить службу вовсе. Для меня будущий год не станет годом судьбоносного решения – я все давно решил, что бы за этот оставшийся год ни произошло. Разве что, – криво усмехнулся он, – какой-нибудь особенно шустрый малефик отхватит мне обе руки и ноги, что сделает оперативную службу штукой сложной. Правда, и в архиве я в таком виде буду бесполезен.

– Я должен был спросить об этом, – вздохнул наставник, – хотя и знал ваш ответ загодя. Ради очистки совести. В моем нынешнем положении, дети мои, чистая совесть вещь нема-

ловажная... Я должен был слышать ваше решение не для того, чтобы спокойно уйти, зная, что в Конгрегации остаются два вот таких вот чудесных человека и хороших служителя, хотя и это тоже существенно. Я хотел, чтобы и я, и вы сами знали, с кем я сегодня буду говорить, потому что разговор у нас пойдет о вещах серьезных.

– И тайных, – закончил Бруно, и отец Бенедикт дрогнул губами в улыбке:

– А это уж как водится. Что ж еще можно услышать у постели умирающего члена Совета?.. К слову, Курт, был ты удивлен, когда узнал об этом?

– Нет, – отозвался он, не задумавшись, – это было логично.

– Еще одна твоя неплохая черта: ты не умеешь удивляться.

– Некоторые полагают, что это качество говорит о моей узколобости.

– Я сказал не так, – тихо возразил Бруно.

– Именно так. Ты сказал «ограниченность души и узость мышления».

– Это не одно и то же.

– Вы можете завершить все свои споры, – перебил их наставник, – когда я отойду к Господу. Надеюсь... Если же всерьез взглянуть на твои слова, Бруно, то ты в какой-то мере прав.

– *Et tu, Brute*²⁰, – пробормотал Курт недовольно; отец Бенедикт с усилием кивнул:

– И ты прав тоже. Прав, когда ждешь от мира всего – всего, чего угодно, о чем только можно помыслить. Ты не удивишься, если внезапно солнце повернет вспять и вздумает сесть на востоке, ты станешь думать, отчего так случилось, можно ли сделать что-то в связи с этим и надо ли делать вообще. Хотя, думаю, некоторое удивление вызовет у тебя человек, который, проходя мимо упавшего, остановится и подаст ему руку. Муж, проживший с супругой до конца жизни и ни разу не взглянувший на сторону.

– А вы такое видели? В смысле – не в Житиях?

– Видел, мой мальчик, всякое; вот тебе, к примеру, такой факт из обычной человеческой жизни: сорок с лишним лет назад приняв монашеский постриг, я ни разу не нарушил обета и не был близок с женщиной.

– Да бросьте, – довольно неучтиво усомнился Курт, и тот улыбнулся:

– Как я и говорил... Но ты прав. Всё, мной упомянутое, – исключения, правило – увы, все то, что есть вокруг и что ты привык видеть. И ты, Бруно, прав: душа его ограничена, а мысли все больше текут в узком русле. Широта души – для инквизитора даже не редкость, а недопустимая роскошь; стоит только лишиться этой ограды, что держит душу в загоне, и итог может быть печальным. Стоит лишь утратить узкую колею, по которой движется разум, привыкший всегда и во всем искать двусмысленность, подвох, ожидать любой неожиданности, – и приходит слабость, каковая фатальна.

– Почему я в окружающем мире вижу и честных людей, и благочестивых супругов, и нелицемерных монахов?

– И он видит. То, что он движется по своей колее, не означает, что ему не известно о том, что творится за ее пределами, попросту это не имеет для него значимости. Все, что за оградой, – не имеет касательства к его стремлениям, но вполне ему видимо и ведомо.

– Я стою за этими пределами, – возразил помощник убежденно. – И как-то жив до сих пор.

– Потому что рядом я, – хмуро отозвался Курт, и наставник вздохнул:

– И сейчас вы – каждый из вас – правы по-своему. Поэтому, Бруно, он – лучший следователь Конгрегации, каким тебе никогда не стать. К счастью для многих. Зато ему не суждено суметь того, что сможешь ты.

---

²⁰ И ты, Брут (лат.).

– Вы как-то слишком многозначительно это произнесли, – с настороженностью заметил помощник. – Полагаю, вы не имели в виду, что ему не быть святым.

– О, в святые за многие века было записано столько всевозможного сброда, что и это не невозможная вещь, однако – да, ты прав, я не о том. Я говорю о месте ректора академии, разумеется.

– *Verginita puttana Maria*... – начал Курт и, перехватив взгляд духовника, осекся. – Простите, отец. Просто сейчас – я удивился.

– Ой ли, – слабо отмахнулся наставник. – Ведь и это логично.

– Логично, – согласился он, – однако больно скоро. Предложите вы ему эту должность лет через десять – и я сказал бы, что вы с этим затянули, но теперь, сегодня, сейчас...

– Быть может, – с усталой язвительностью заметил отец Бенедикт, – все дело в том, что я лишен возможности делать какие бы то ни было предложения кому бы то ни было «лет через десять»?.. Самое время. Разумеется, тотчас по моей кончине его никто не возведет на место ректора, пока недостаточно умения и опыта, однако как раз те самые несколько лет спустя...

– Вы шутите, – уверенно предположил Бруно, и наставник коротко хмыкнул:

– Разумеется, мне сейчас самая пора шутить.

– Я не справлюсь, – твердо выговорил помощник. – Слишком много ответственности, слишком тяжелая ноша. Слишком много требований предъявляет этот пост.

– О некоторых вещах ты уже знаешь больше него, – кивнув на Курта, возразил наставник. – Попросту в силу того, что больше времени уделял теоретическим познаниям, какими он пренебрегал по недостатку времени. Скажи, бывало уже, что он обращался за советом к тебе в каком-либо вопросе, когда сведений, известных ему, не доставало для его заключений?

– Случалось, – нехотя признал тот.

– Любопытный факт, – заметил Курт многозначительно. – В свете этого – не будет ли дурной идеей вот так взять и лишиться меня такого *expertus*'а? Без дельного совета, когда он нужен...

– Брось, мальчик мой. Тебе никто не нужен.

– Вот как.

– Ты сам со всем можешь справиться, – пояснил отец Бенедикт мягко. – Ты не станешь изнывать, оставшись в одиночестве. Ты способен совладать с любой трудностью самостоятельно либо отыскать того, кто поможет тебе или вовсе сделает всё за тебя. Посему я говорю: тебе никто не нужен. Ты нуждаешься разве что в посыльном или носильщике. А академия нуждается в блюстителе, которому будущие курсанты смогут доверить свои души, а будущие следователи – свои тайны.

– А он нуждается в надзирателе, – качнул головой Бруно. – Вы сами же перечислили неимоверное количество его достоинств, главное из которых – делать жизнь окружающих невыносимой. И хорошо, если это касается лишь душевной стороны. Я ведь его алиби на Страшном Суде; возьму на себя смелость сказать, что на моей совести пара спасенных жизней. Вопрос же о его спасенной душе все еще стоит ребром.

– Как я и сказал, твое назначение состоится не сегодня. Слава Богу, сейчас еще есть кому присмотреть за академией и ее насельниками, есть кому окормлять мою весьма специфическую паству. Пока у тебя есть время на то, чтобы вникнуть в дела, набраться опыта, постигнуть всевозможные тонкости, какие должен знать будущий ректор. Разумеется, это означает, что времени в академии ты будешь проводить все больше, а в оперативной работе – все меньше, однако у тебя останется еще вполне довольно свободы, чтобы заняться его погибающей душой. Надеюсь, к той поре, когда ты оставишь службу и займешь пост ректора, он

научится самостоятельно существовать в людском сообществе, не порываясь ежеминутно отправить кого-нибудь на тот свет или одарить выразительными эпитетами.

– Послушать вас обоих – так я попросту буйнопомешанный, – покривился Курт, и помощник пожал плечами:

– Самокритика говорит в твою пользу; ты явно на пути исправления.

– Вот и займешься помощью ему в этом благом начинании, – кивнул отец Бенедикт, – каковое твоему грядущему ректорству отнюдь не воспрепятствует. Я ж ведь как-то ухитряюсь совмещать эти два занятия.

– Это вы к чему? – настороженно уточнил Курт, и наставник приподнял брови в показном удивлении:

– Я стал настолько косноязычен с этой болезнью?

– *Id est*... – проронил он, бросив взгляд на помощника. – Да вы точно шутите, отец. Его – мне в духовники?!

– Предпочтешь отца Альберта?

– Нет уж, благодарю.

– А что же ты станешь делать? Приходить для исповеди на мою могилу? Или после моей смерти ты намерен прекратить исповедоваться вовсе?

– *Id est*, я должен буду обращаться к этому недопырку «отче»?.. Что такого я вам сделал?

– *Id est*, – повторил за ним Бруно, – я буду обязан, кроме наблюдения за его непотребствами, еще и выслушивать все детали, каковые Господь в своей невероятной милости оставил для меня скрытыми? Я-то в чем провинился?

– Ты пытался убить инквизитора, – напомнил Курт, – посему с тобою как раз все ясно.

– Всего лишь дал тебе по макушке. После чего и вовсе спас твою тушку из огня; если уж к кому и иметь снисхождение, так это ко мне.

– И вы всерьез полагаете, отец, что из этого что-нибудь выйдет? – вновь обратясь к духовнику, спросил Курт с неприкрытым скепсисом. – Да у меня язык не повернется рассказать ему...

– О чем, к примеру? – не дав закончить, уточнил отец Бенедикт, и он замялся, умолкнув. – Что есть такого, чего бы он о тебе не знал?

– Пара вещей, – не сразу отозвался Курт уже серьезно. – Которые не известны, кроме вас, никому.

– Со временем сам решишь, следует ли открывать их своему новому душепечителю. Кроме того, даже если Бруно не знает чего-то достоверно, о многом он догадывается: кроме меня, лучше него тебя никто не знает. Согласись, пусть порою и через силу, пусть не сразу и не всегда легко, но только ему ты сможешь открыть душу. И только он достаточно видит тебя, чтобы дать правильный совет или просто молча выслушать. Ну и в конце концов, – закончил духовник строго, – это моя последняя воля, если уж на то пошло. Я сказал: с момента моей кончины твой духовник – вот этот священник, и точка.

– Какая потусторонняя тварь дернула меня тогда покровительствовать беглому бродяге? – буркнул Курт, бросив на помощника уничтожающий взгляд исподлобья. – Воистину, ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

– Любопытно знать, кого именно из потусторонних существ, могущих вкладывать мысли в разум человека, ты поименовал тварью? – переспросил Бруно и, помедлив, присовокупил: – Сын мой.

– Отвали-ка, отче, – проговорил Курт угрожающе, и наставник усмехнулся, ненадолго устало прикрыв глаза:

– Я вижу, все будет хорошо... А теперь призовите мне лекарского помощника.

– Бруно, – скомандовал Курт, и помощник подорвался с места, метнувшись к двери, едва не споткнувшись на ровном месте, когда отец Бенедикт договорил вслед:

– Да нет же, я в порядке, не суетитесь... Ну, – поправил он сам себя, когда Бруно остановился, глядя настороженно, – не совсем, быть может, в порядке, тем не менее немедленно преставиться я не намеревался. Попросту утомился. Однако прерывать разговор для отдыха, пусть и краткого, я не хочу – как знать, проснусь ли... Этот парнишка знает, что мне нужно; просто вели ему принести мой *stimulator*, и беседу мы продолжим. Я еще не сказал самого важного, с чего, быть может, следовало бы начать, – о твоём будущем, Курт.

– Предчувствую, эта часть будет любопытной, – не удержав облегченного вздоха, произнес он, кивком направив помощника за дверь. – Если сегодня вы поставили себе цель научить меня удивляться снова, отец, вам, боюсь, это начинает удаваться. Это пугает. Что-то еще будет.

– Вот именно, мой мальчик, – повторил наставник серьезно. – Что-то будет.

Глава 2

Сентябрь 1397 года, Богемия

Двадцать пятый Великий Магистр Тевтонского Ордена Конрад фон Юнгинген был произведен на свет в 1355 году, а стало быть, на данный момент он достиг своего сорок второго года от роду. Это обнадеживало.

Представители ордена, вообще говоря, никогда не были легкими собеседниками. Их устав подчеркнуто выпячивал собственную если не безгрешность, то уж во всяком случае возвышенность, и обсуждать с ними дела за трапезой, как это принято у всех нормальных людей, было просто невыносимо. Определить подобное заседание на среду или пятницу значило показать себя дурно, ибо соблюдение поста есть не только отказ от скоромной пищи, но и отрешение от удовольствий и излишеств, под категорию которых совершенно точно подпала бы любая снедь с императорского стола. Повара свое жалованье получали не за красивые глаза, и смена постных блюд могла затянуться в иные дни на час; развлекать же себя в течение разговора черствым хлебом с безвкусной водой не казалось хорошей идеей.

Пригласить Великого Магистра (или хоть командора) для какой-либо беседы в воскресный день также было немислимо: день этот должен быть посвящен размышлениям о высоком. Растолковать этим людям, что безопасность державы и трона, будущее той самой веры, которую они так блюдают, – все это возвышенной некуда, не представлялось возможным. Также, призывая кого-либо из них, надлежало свериться с календарем, испросить совета у капеллана и убедиться, что назначенный день не выпадает на праздник, память или какую-нибудь годовщину второго обретения пятой метлы третьего конюшего девятнадцатого Магистра, о чем подобает упомянуть прежде, нежели даже поприветствовать и пожелать здравия.

И, откровенно говоря, с людьми, которые добровольно отказываются от мирских благ в виде вкусной пищи, хотя бы редких увеселений и женщин, – совершенно точно что-то не так. Монастырские насельники в большей своей части избрали подобную жизнь либо по родительской воле, либо пресытившись всем упомянутым, либо, каковое явление встречается довольно часто, пережив в своем бытии какое-то событие, ранившее им душу. Тут, понятное дело, не до девок и пиров. Когда каждый день косишься на потолок и раздумываешь, как бы хорошо смотрелась петля под люстрой, или посматриваешь с верха часовой башни на камни внизу, просчитывая, сколько мгновений займет короткий полет к подножью, или, к примеру, подхватываешься ночами с постели в кошмарах, – не рехнуться бы, и то ладно. И главное – монахи, отрекаясь от мира, от него ограждаются; запираются за стенами, за дверями келий, не видят и не слышат искушений, разве что в собственном воображении. Эти же в мир погружаются с головой, и все равно блюдают свой статут. Путешествуют – и молятся, когда положено, без нагоняя от капеллана и косых взглядов сотоварищей. Останавливаются в трактирах – и не лапают разносчиц. Бывают на обедах у высокопоставленных особ – и не сметаю со стола все, до чего могут дотянуться. Даже инквизиторы, бывающие при дворе, столь бессовестной праведностью не отличаются; давят на мозги Писанием и Господней волей, куда без этого, но едят-пьют и косятся на прислугу и придворных дам с формами, как положено здоровым зрелым мужчинам. В присутствии же воинов Госпиталья чувствуешь себя треклятым язычником.

Разумеется, тевтонцы оставили себе одну отдушину, которая позволяет им выплеснуть ни на что иное не тратимую энергию, однако есть все же в этом что-то нездоровое, когда возможность развеяться в хорошей компании под хорошую закуску и расслабиться с хорошенькой девицей взрослые мужи в полной силе меняют на удовольствие размозжить кому-нибудь (а то и себе) череп. Когда – не совместить все упомянутое, а заместить. Нет, попенять не за что – и язычников в Самогитии пора, наконец, придавить, и полякам пояснить, в

чем они радикально неправы, и многие, многие еще дела не будут разрешены без участия Ордена, однако... Однако что-то у этих парней с головой все равно не в порядке.

С возрастом либо им вовсе сносит башню, либо же, перебесившись, вместе с привычкой к монашескому бытию они обретают и некоторую сдержанность. В первом случае они благополучно тонут в литовских болотах от избытка крестоносного рвения, во втором – с ними, наконец, становится возможным относительно плодотворно столкнуться хоть о чем-то. Конрад фон Юнгинген, достигший сорок второго года своей беспокойной жизни, производил впечатление человека, способного внятно воспринимать реальность, отстоящую в стороне от избиения язычников и казарменных будней, и вести переговоры, не порываясь ежеминутно поминать заслуги Ордена вкупе с порицаниями христианскому правителю за его отсутствие на восточном фронте Европы.

Тема для обсуждения намечалась нешуточная, и для предстоящего разговора требовалось все здравомыслие, что только есть в запасниках обоих собеседников. Без преувеличения можно сказать, что такого предмета рассмотрения не бывало еще никогда за всю историю сообщения Ордена с германским тронном. Сам вопрос затронут еще ни разу не был, несмотря на то, что в императорский замок Великий Магистр въехал еще вчера; Рудольф по сей момент ни разу даже не упоминал о самом важном, и фон Юнгинген, слава Богу, намек понял – не лез с разговорами, когда им изредка удавалось остаться наедине. Разумеется, безопасные места в Карлштейне были – отец, строивший замок, тоже был не блаженным и озабоченным наличием комнат, годящихся для тайных переговоров; разумеется, с собственными тайными соглядатаями, кляузниками и наушниками в этих комнатах проведена была уже не одна сотня бесед, и дальнейшая судьба обсуждаемых планов всегда выявляла, что подслушаны эти беседы не были, но... Но эту беседу Рудольф опасался доверить даже каменным стенам собственного родового гнезда.

К счастью, этим вооруженным монахам папой была дарована весьма удобная привилегия: им была разрешена охота. Дозволено было охотиться с собаками на волков, медведей, кабанов, вепрей и львов (исключительно ради необходимости, но не от скуки или для удовольствия), а без собак они могли охотиться, на кого им вздумается. Это кроме вышеупомянутых язычников. Приглашая фон Юнгингена, Рудольф рассчитывал именно на это, впервые решившись затеять совместную охоту с Великим Магистром Ордена, однако, выслушавши построенные на сегодня планы, тот от битья зверя вежливо отказался. Пропитания ему не требовалось, медведи не размахивали лапами в непосредственной близости от его головы, бешеные лисы не порывались укусить коня (такого, кстати, еще попробуй укуси), и принимать участие в развлекательном умерщвлении живого существа воин Господень не пожелал. Однако, поскольку оба понимали, что и самому Императору сегодня на древнюю благородную забаву глубоко чихать, фон Юнгинген милостиво согласился составить компанию престолодержцу и, разумеется, отведать добытую рукою того дичь. Там, в глухом лесу, подле костра на заранее присмотренной огромной поляне, где поблизости на расстоянии двадцати локтей не будет никого, уж точно не будет и подслушано ни единое сказанное ими слово.

В намеченный для охоты лес посему Великий Магистр въехал хоть и бок о бок с Рудольфом, но в подчеркнуто не охотничьем облике – никаких походных приспособлений или нарочитого вооружения. На миг где-то в глубине души Императора, у самого ее дна, трепыхнулось чувство невнятное и неприятное – то ли стыдливость, то ли ощущение собственной посредственности. О чем может думать человек, привыкший оружие поднимать не на животное, нарочно для него выслеженное, а на людей, которые, быть может, сами выследили его? Легенды о битвах с участием фон Юнгингена, прямо сказать, не ходили, однако слухи, пересуды и кое-какие достоверные сведения говорили все же о том, что под стенами Вильны он вовсе не почивал в отдаленном штабе, а при прусских сражениях – не отсиживался в обозе. Загубленных (или избавленных?) душ на его счету наверняка неисчислимо,

крови и потрохов видано предостаточно, и вся эта суета с предстоящей травлей зверя должна казаться ему чем-то сродни лицедейским кривляньям или детской игре.

Самому Рудольфу похвалиться в этом смысле почти нечем – вялые дипломатические перебрыкивания с австрийским герцогом (вот еще ложка суверенного дегтя в бочке единогерманского меда...) и редкие плевки друг другу в спину почитаться полноценной войной никак не могли. Соответственно, нельзя было назвать настоящим боевым опытом и обозревание границ неугомонного герцогства с порога императорского шатра. Разумеется, была еще война с хорватами, но это шествие по трупам подпадало скорее под определение «резня и грабеж». До и после вторжения в хорватские земли вся его жизнь текла до раздражения уныло – носить вплоть до тридцати четырех лет никому в Империи не нужное именованье «король Германии», купленное отцом ради того, чтобы курфюрсты уже зачислили его в наследники и имели в виду как будущего Императора – потом, когда придет время, может быть, при особенном везении, если так сложатся обстоятельства... Однажды, будучи после погребения отца изрядно под хмелем, Рудольф брякнул, что не умри тот сам, и он отравил бы старика – не из ненависти или зависти, а только лишь для того, чтобы неопределенность собственного положения, наконец, вылилась хоть в какую-нибудь четкую форму, и можно было бы либо на все плюнуть и жить для себя самого, либо заняться, наконец, делом. Слава Богу, слышано это было лишь одним человеком, который о доверенных ему тайнах распространяться не привык и высказанное сгоряча почел за мрачную шутку. Сам же Император в ту минуту не так уж был в этом уверен...

Однако трон ничего в этой тоскливой жизни не изменил, и к своим сорока семи годам Рудольф уже готовился со дня на день умереть от скуки. Разумеется, порою приходится засыпать после полуночи и вставать чуть свет, порою – так неделями; разумеется, бывает, что не имеется и минуты присесть, что забывается о пище и отдыхе совершенно – бывает всякое, однако занятость вовсе не означает увлекательности. Исключая, быть может, пару-другую занимательных моментов.

Возможно, и прав был покойный батюшка, не раз называвший своего наследного отпрыска хреновым политиком, и неправо всеобщее мнение, полагающее, что способность к правлению передается по наследованию крови. А ведь, судя по опыту общения с многочисленными особами, есть на белом свете люди, которые находят в этом удовольствие – не нужды ради строят козни, а потому, что любят это занятие. Эдакие поэты от секретной дипломатии. Вроде конгрегатского кардинала, который, если ему верить, в своем Императоре души не чаёт и полагает его лучшим престололюбостителем, какого можно желать. С другой стороны – отчего б не верить? Так оно и есть. Особенного дарования к управлению нет, воображение в этом смысле тоже не слишком изощренно, зато имеется четкое намерение слушать советы умных людей, которые знают, как и что надо делать.

Иными словами, столь разросшейся ныне Конгрегации он, Рудольф, выгоден и удобен, ибо подчиняется их указаниям. И что самое паршивое, ни разу о том не пожалел. Наверняка это означает, что когда-нибудь настанет время – и пожалеть придется, да так, что прежняя скучная жизнь станет казаться райским бытием, потому что ответить на вопрос, а что же, собственно, нужно этим ненормальным церковникам, не могли ни покойный батюшка, ни его советники, и не может сам Рудольф. В свете сегодняшней темы, в своем разговоре этот же вопрос уж точно затронет и фон Юнгинген. Хотя, быть может, глава Ордена как раз и воспримет на веру аргументы конгрегатов, звучащие как религиозно-патриотический бред, в силу специфики должности и убеждений.

Начать эту беседу, каковая явно будет тяжелой и местами, быть может, неприятной, Рудольфу не терпелось; Великий же Магистр никакого нетерпения въяве не выказывал, вид имел скучающий, под теплым сентябрьским солнцем шурился весьма безмятежно, а на толпу егерей, загонщиков, псов и свиту поглядывал равнодушно. Предварительная суматоха

затянулась, и непомерно развеселившихся придворных Рудольф уже готов был казнить на месте – каждого и собственноручно. Их присутствие вообще было ни к чему, лишь дань традиции, заведенному некогда порядку – во времена, когда добывание зверя и впрямь имело смысл, а сопровождающие монарха воины оправдывали свое существование содействием в этом нелегком деле. А теперь еще и эта французская новомодная блажь – женщины на охоте. Что дальше? Няньки с младенцами? В помощь загонщикам – для вящего шума...

Сейчас шум был ни к чему, и следопыты пытались восстановить тишину, призывая господ рыцарей уgomониться и урезонить сопровождавших их женщин; их было всего три, однако гвалт стоял просто невообразимый – женское внимание провоцировало молодежь на нездоровое бахвальство, кругом трещал валежник, фыркали и тихо ржали кони, принуждаемые совершать противоестественные ужимки и извороты, господа рыцари пытались остеречь, и тогда к хрусту, топоту и конскому пыхтению примешивался тоненький, противный, похожий на крысиный писк хохоток. Собаки, нетерпеливо ждущие свободы от поводков, косились на мельтешащие вокруг пышные одеяния, скалясь на слишком близко подступающих лошадей, однако сохраняли благородное молчание, зато взвять, кажется, уже готовы были егеря.

– Молчать!

От резкого голоса чуть в отдалении не вздрогнул, наверное, лишь Великий Магистр; молчание воцарилось разом, и удивленные лица обратились к источнику столь наглого распорядка.

– Прошу меня простить, Ваше Величество, – во всеобщей тишине сдержанно попросил самовольный распорядитель. – Но терпеть это и далее нет сил, полагаю, не только у меня.

Это было правдой; тем не менее не всякую правду возможно было высказывать вот так, начистоту, и главное – далеко не всем. Однако Рупрехт фон Люфтенхаймер негласное право на это имел – по многим причинам, среди которых его родовая история была обстоятельством далеко не последним. Его отец служил этому трону с юных лет, и служил верой и правдой, что в нынешние дни уже почти не случается, и, оказавшись в должности ландсфогта в отдаленном и довольно строптивом регионе, не залег на дно, состригая доходы с местных торгашей, а продолжил служить ревностно и, главное, рассудительно. Даже утрата дочери, единственного напоминания о покойной жене, его не сломила, не пошатнула ни его здравомыслия, ни преданности, хотя, если сказать самому себе откровенно, не будь фон Люфтенхаймер-старший определен на эту должность – и она была бы жива и здорова. Сын, судя по всему, намерен продолжить дело служения германскому трону; что ж, парню двадцать три, самая пора для начала тернистого пути имперского служителя, и как знать, быть может, он во всем пойдет по стопам отца... Еще одно наследство от покойного батюшки – семейство фон Люфтенхаймеров. Такие теперь на вес золота. Таких надо беречь и порою – баловать.

– Все верно, Рупрехт, – коротко одобрил Рудольф с благосклонным кивком, когда свита столь же синхронно повернулась в другую сторону, ожидая реакции Императора. – И впрямь, пора бы и начинать.

– Благодарю вас, Ваше Императорское Величество, – с чувством проговорил старший егерь под конфузливый ропот и, прокашлявшись, тоже повысил голос: – Господа... и в особенности дамы, прошу вас выслушать меня внимательно. Для новичков на охоте хочу сделать важное замечание: тишина должна быть полной, иначе вы спугнете зверя, и результатом сегодняшнего выезда может стать только разочарование и разве что прогулка по осеннему лесу. Также просьба ко всем, не имеющим опыта в этом деле: держитесь позади и будьте любезны слушать рекомендации ваших более сведущих сотоварищей и егерей. Это не только спасет саму охоту, но и избавит вас от возможных падений, переломов, а то и гибели. А теперь, повторяю, полная тишина и – да поможет нам Всевышний.

– Воистину, – пробормотал Рудольф, тронув коня.

Помощь Вседержителя ему сегодня и впрямь бы не помешала, и вовсе не в деле преследования вепря, чьи отметки накануне обнаружили следопыты. Фон Юнгинген промолчал, лишь двинувшись следом, и неизвестно, услышал ли; теперь безмолвие было почти совершенным – пристыженные господа рыцари помалкивали, женщины держались поодаль и тоже притихли, быть может, обдумывая сказанное егерем и с ужасом воображая себя на земле, под копытами гигантского кабана.

Лошадей и женщин покинули вскоре на заранее подготовленной стоянке, где остался также и кое-кто из прислуги и свиты, и далее, в глубь чащи, прочие шли уже в большей собранности и спокойствии. Возглавить охоту Рудольф передоверил юному фон Люфтенхаймеру, прежде уже отмеченному не раз охотничьей удачей, сам же остался в лагере, ибо просто обязан был уделить свое внимание высокому гостю, не принимающему участия во всеобщих забавах. Еще долго вновь возникшая суэта, созданная прислугой и привередничаящими дамами, не позволяла воцариться покою; лишь спустя четверть часа гомон стих, мельтешение прекратилось, и Рудольф смог, наконец, остаться с главой Ордена наедине, не опасаясь быть услышанным или прерванным неуместными беседами подданных.

– Весьма посчастливилось с погодой сегодня, – заметил он, когда оба расположились на толстом ковре, не пропускающем к телу холод остывающей земли, и фон Юнгинген укоризненно вздохнул:

– Бросьте, Ваше Императорское Величество. Разговоры о погоде – не та причина, по которой я притаился в такую даль, отбросив, замечу, немаловажные заботы. Мы с вами одни, и блюсти *officiosus* ни к чему. Я был бы крайне вам признателен, если бы вы перешли прямо к делу, которое свело нас вместе в этот дивный осенний день.

Мгновение Рудольф молчал, созерцая замысловатый узор ковра под собою. Удивительная вещь – этот узор и краски, чем больше ковер топчут и треплют, тем становятся лишь ярче. Вот если б такая же особенность прилагалась к императорскому титулу... Хотя все более хочется поименовать собственное положение в имеющемся политическом порядке должностью. Со всеми вытекающими, вроде выволочек и увольнения.

– Что же, стало быть – к делу, – отозвался Рудольф наконец. – Согласен, ни к чему наворачивать круги. Прежде всего хочу отметить не подлежащий сомнению факт: судя по тому, что вы все же сочли необходимым явиться лично, важность происходящего признается и вами тоже. Согласитесь, эта мутная переписка через вашего командора не могла решить нашей проблемы.

– «Нашей», – повторил тот с усмешкой, однако взгляд остался серьезным. – Проблема, Ваше Величество, только в одном: у вас во владении – собственность Ордена.

– Майстер фон Юнгинген, – укоризненно протянул он, – для чего же начинать нашу беседу столь... ультимативно? В ответ на подобное категоричное заявление я просто не смогу не возразить, что *manuscriptum*, и в самом деле пребывающий теперь в наших руках, был получен нами из рук арестованного год назад еретика и политического заговорщика.

– «В наших», – снова повторил за ним фон Юнгинген. – «Нами». Заметили, Ваше Величество, вы даже мыслите себя в единении с Конгрегацией?

– Не вижу в том ничего дурного, – изобразил беспечную улыбку Рудольф, с великим усилием не позволив себе запнуться. А ведь этот монашествующий вояка прав... – Как христианский правитель я и мысли не допускаю об отъединении себя от Церкви.

– Инквизиции, – поправил тот.

– Как ее части, – согласился Рудольф. – Потому – да, «в наших» руках. Находится документ, конфискованный нами при аресте преступника.

– Чье далеко не последнее преступление состоит в том, что сей документ был похищен из архивов Ордена.

– Именно это и стало ясно бесспорно, когда мы увидели пометки, оставленные вашей тайнописью – никто, кроме Ордена, таковых не использует. Сему факту мы были, откровенно говоря, удивлены: до сих пор мы пребывали в уверенности, что орденские архивы, а тем паче такой важности, защищены от подобных поползновений.

– Отличная шпилька, – отметил фон Юнгинген беззлобно. – И – да, вынужден признать факт, известный всем: человек несовершенен. Однако возможные лазейки в нашей безопасности не отменяют факта другого: то, чем вы обладаете, принадлежит нам.

– *Dominus sentit periculum*²¹, – столь же доброжелательно сообщил Рудольф. – Ну, а кроме того, коли уж мы решили говорить открыто и без ухищрений, именно так я и скажу. Вы утверждаете, что древняя карта викингов, оказавшаяся *voluntate Dei*²² в руках Конгрегации, а ныне пребывающая в моих, изначально принадлежала Ордену. Что ж, пусть так. Вы желаете получить ее обратно, майстер фон Юнгинген? Я готов передать ее вам. Собственно, сюда я пригласил вас именно для того, чтобы обсудить детали этого процесса. Однако же подумайте сами: что изменится, даже если б я сделал это безо всяких условий, без каких-либо уступок с вашей стороны? В архивах Конгрегации уже есть несколько копий, я тоже не терял времени даром, и когда я отдам вам оригинал, я ведь не останусь ни с чем, а стало быть – это ничего не изменит.

– Итак, – спустя два мгновения молчания подытожил фон Юнгинген, – в произнесенной вами речи мое внимание привлекли несколько ключевых слов. А именно: «процесс» возврата нам этого документа, и «даже если б» вы отдали его без торга. Первое означает, что это будет дело длительное, а второе говорит о том, что торг будет. Продолжу беседу так же откровенно и открыто и спрошу: каких услуг вы ждете от Ордена или меня лично? Каких выгод? Если речь снова пойдет о принятии стороны германского трона в дебатах с Авиньоном, то на этот вопрос мой ответ вами был получен уже не раз – и мой, и бывших до меня. Это не дело Ордена.

– Дебаты? – переспросил Рудольф. – Я бы не стал употреблять это слово применительно к политике, проводимой неправомочным блюстителем папского престола в отношении нашего государства. По моему скромному мнению, шпионы, наемные убийцы, провокаторы и тайные агенты не являются отличительными чертами «дебатов», «полемик» или «дискуссий»; здесь более подошло бы «тайная война» и «борьба за выживание». И, раз уж вы упомянули об этом, меня удивляет тот факт, что Тевтонский Орден полагает «не своим делом» безопасность Империи и чистоту веры населяющих ее христиан, души которых смущаются еретиком, незаконно возложившим на себя обязанности главы христианского мира. Для Ордена, чьей обязанностью провозглашена защита детей Церкви...

– ... от язычников, – подсказал Магистр услужливо. – Политические же прения мы оставляем тем, кто для этого рожден, – царям земным.

– То есть, если на ваших глазах некто будет дубасить монаха, вы вначале поинтересуетесь, еретиком ли является злодей, политическим преступником или язычником, и в случае неудовлетворительного ответа проедете мимо.

– Притчи – не самый верный способ отображения действительности, Ваше Величество, не надо сгущать краски, пытаюсь меня спровоцировать или устыдить, или что там за план созрел в вашей душе. Это, – помедлив, закончил фон Юнгинген многозначительно, – кроме того, что вторжение либо невмешательство в противостояние трона и престола (будем честны – не только авиньонского, Рим тоже не в восторге от происходящего) – не мое личное постановление. Есть вещи, которые не находятся во власти одного человека, даже если

---

²¹ Хозяин несет риск утраты [вещи] (лат.).

²² По Божьей воле (лат.).

он Магистр, даже если Великий. Влияния капитула на столь важные решения никто еще не отменял.

– Я осознаю это лучше, чем кто бы то ни было, майстер фон Юнгинген: юридически мое восшествие на трон также зависело не от меня, а от соборного курфюрстов, в чьей воле было избрать себе другого монарха. Собственно, и ныне моя власть немало ограничена их решениями. Юридически.

– Не думаю, что ваши методы привлечения нужного количества голосов годятся в моем случае, Ваше Величество, даже если вы сдадите мне в аренду вашего чудо-инквизитора, благодаря которому, если мне не изменяет память, в небытие ушли двое из вышеупомянутых курфюрстов.

– Вы на пороге заключения мира с Польшей и литовцами, – заметил Рудольф, – а это одно лишь говорит о ваших способностях дипломата и оратора, и это – в отношении людей, чье мышление извращено, а бытие чуждо. Неужто ваш дар убеждения отступит перед собраниями-христианами?

– Для того, чтобы убедить кого-либо в чем-либо, надо быть убежденным самому. А пока ни вы, Ваше Величество, ни руководство Конгрегации не сумели уверить меня в том, что выгода, обретенная от прямого вмешательства Ордена в происходящее, перевесит допустимый риск.

– Не воспримите это как неучтивость, майстер фон Юнгинген, однако же – с каких пор братья-тевтонцы боятся риска?

– Риска боюсь я, – отозвался тот по-прежнему незлобиво. – И, поверьте, вовсе не риска быть убитым или даже арестованным; я опасуюсь риска быть арестованным за ересь в очередное свое посещение Рима... или Авиньона. Что менее вероятно, но не невозможно. Я равнодушен к красоте Италии, так и Франции, а обозревать Авиньон или Рим из глухой повозки с решетками и, как следствие, с высоты помоста – тем паче не является моим заветным желанием. Но и здесь не в гибели дело; бойся я преждевременной смерти, я бы пошел в монахи. Я пекусь о благе Ордена, Ваше Величество, а Великий Магистр, арестованный и казненный как еретик, оному благу не способствует. Печальный тамплиерский опыт показывает, чем кончаются подобные casus'ы. Да, мы – не храмовники, нас не получится заставить врасплох, и это будет война. Но это будет конец Ордена. Во всех смыслах. Следом за мною мою участь разделят стоящие ниже меня, а после – и вся рядовая братия. Орден растопчут, и не только в бытовом, физическом смысле, нет, – Орден будет осрамлен, запятнан, погран. Раздавлен. Что там на самом деле было с храмовниками, вам известно? Нет. Никому не известно; думаю, даже в Инквизиции это знает не каждый, зато – каждый смерд думает, что знает. Что бы там ни было, а слава еретиков, колдунов и преступников за ними закрепится теперь уже навеки. Я такой судьбы Ордену не желаю. И то же самое вам скажет любой Великий Магистр – любой из тех, что придут после, и, полагаю, сказал бы любой, бывший до меня.

– Говорил, – согласился Рудольф нехотя; тот наставительно кивнул:

– Вот так-то. Хотя, – обмолвился фон Юнгинген, отведя взгляд в сторону и с интересом разглядывая топчущегося в стороне коня, – я полагаю, что истинных последователей Христа отличает единение перед лицом опасности, особенно когда угроза исходит от тех, кто не чтит Его и извращает Его учение. Посему – не тревожьтесь, Ваше Величество: если я увижу, что вас «дубасят», я не проеду мимо. И мои братья не останутся в стороне. Если, разумеется, все это будет явственно, несомненно доказано.

– Без риска, – уточнил Рудольф, и тот кивнул снова:

– Именно.

– При начале вашего поприща, – заметил Император неспешно, – я не слышал даже и таких слов. Наверное, я должен был испытать нечто вроде... если и не радости, то хотя бы

толику гордости: все же я подвиг вас хотя бы на такие, весьма смутные, обещания. Однако сие чувство не возникает во мне. Наверное, потому, что некоторое время назад вы уже посещали Германию, вот только в Богемию не завернули, визита в Карлштейн не наносили и говорили не со мною; думаю, если б не та встреча, ради которой вы тогда являлись, сегодня я снова услышал бы простое и безоговорочное «нет».

– Служители Конгрегации обладают несомненным даром убеждения, – согласился фон Юнгинген со вздохом.

– Я не мог вас убедить, но сумели они. Что есть у них, чего нет у меня?

– Вы задаете риторический вопрос, Ваше Величество; к чему? Дабы сверить собственные выводы с моим ответом?.. У них есть – они. Разросшаяся сеть всевозможных служителей и агентов, следователи и прочие личности, а главное – в их арсенале, в отличие от вашего, многообразные методы воздействия на общество в целом или на отдельные его слои. Включая методы, о которых нам с вами лучше было бы не рассуждать, дабы не отягощать собственную душу. От благих посулов до шантажа; а тайны, которыми можно манипулировать, есть у всякого.

– Неужто? – с подчеркнутой беспечностью уточнил Рудольф, и Великий Магистр бросил в его сторону короткий, как выстрел, взгляд.

– А еще, – продолжил фон Юнгинген, оставив сей неоднозначный вопрос без ответа, – у Конгрегации есть вы. Без них ваша власть под вопросом, но и без вас все их мечты о единой Империи неосуществимы.

– А вы, – осторожно уточнил Рудольф, – верите в то, что именно это и есть их мечты?

– Я не знаю, – пожал плечами тот, и по тому, что не случилось даже мгновенной заминки, стало ясно, что вопрос был ожидаем, а ответ не раз обдуман. – Мне, в отличие от большинства людей, вовсе не чужда мысль о всеместной власти закона, порядка и правды – Божеской и человеческой. Перед моими глазами пример сотен достойных мужей, которые искренне служат этой идее, не обращая внимания на то, что прочие, включая отдельных даже и правителей, полагают их людьми не в своем уме.

– Если вы имеете в виду...

– Я не намеревался обобщать, – оборвал Великий Магистр довольно резко, однако в этой встрече Рудольф решил не уделять внимания досадным мелочам: подобных бесед прежде не бывало и вряд ли теперь уже будет – всем людям свойственно жалеть о своей откровенности, и Великий Магистр не исключение. Как, собственно, и сам Император.

– Иными словами, – осторожно подытожил он, – вы полагаете, что они искренни?

– Я не знаю, – повторил фон Юнгинген. – Одну из сторон этой весьма ценной монеты я только что описал. Но, с другой стороны, перед глазами любого внимательного человека также и другие примеры, а именно – случаи, когда обретенная власть способна извратить сколь угодно добродетельную душу, вытравить из нее сколь угодно благие идеи. Конгрегация эту власть получила. И что теперь в умах руководящих ею – неведомо. Ко всему прочему, насколько я слышал, один из возглавляющих ее, один из ее основополагающих идеологов ныне находится при смерти, а другой уже в весьма преклонных летах; кто сменит их, какие цели будут иметь они – не знает никто. А учитывая, что лишь одному Господу известны цели тех, кто управляет Инквизицией теперь, все только будет усложняться с каждым годом и днем.

– Иными словами?..

– Иными словами, Ваше Величество, если говорить все так же прямо и откровенно – я надеюсь, что нас с вами отымеют не слишком жестко, да простит мне Господь такую вольность. Ясно несомненно, что и Орден, и трон, кто бы ни сидел на нем, намереваются просто и беззастенчиво использовать, и остается уповать лишь на то, чтобы, во-первых, использо-

вали во благо, а во-вторых, чтобы и нам тоже перепало хоть что-то. Вот вам моя позиция. Прямо скажем, позиция... гм... не слишком приятная.

– И нет искушения просто сказать им «нет» снова? Не верю, что им впрямь есть чем надавить на вас настолько, майстер фон Юнгинген.

– Благодарю, – усмехнулся тот, иронично склонившись, и тут же посерьезнел снова. – Искушение было. И есть. Но, помимо прочих причин, Ваше Величество, есть и еще одна, и звучит она так: «а вдруг». А вдруг Конгрегация чистосердечна? А вдруг ее Совет говорил нам с вами правду – все эти годы? А вдруг действительно – при некотором усилии – сильная держава, единая Империя, единая вера? Вдруг именно моих усилий однажды и будет недостаточно, чтобы все это – было? Я себе не прощу.

– И какую долю вы отводите на то, что все это так?

– Десятую, – вновь не задумавшись, отозвался Великий Магистр. – Еще одну малую часть я отдаю на самонадеянную мысль о том, что для достижения всего упомянутого, как знать, быть может, удастся не быть используемым, а использовать представившуюся возможность самому.

– И каким же образом? – осведомился Рудольф с неподдельным интересом.

– Пока не знаю. Для начала надо тщательнейше всё взвесить, все обдумать, пересмотреть заново все известные элементы того механизма, что начал создаваться с нашим участием.

– Ну что ж, – вздохнул Император, – механизм должен выйти довольно сложным. Тем паче, что к уже известным элементам внезапно прибавился еще один. Ваша карта.

– Стало быть, все же признаете, что документ принадлежит нам.

– Да полно вам, – весьма неучтиво поморщился Рудольф. – Не в том теперь главный вопрос, майстер фон Юнгинген; вы ведь не полагаете всерьез, что я пригласил вас в Прагу ради собственнических прений? Не это главное, не в том проблема и, без преувеличения, угроза – и вашим возможным планам, и моим, и инквизиторским.

– Я слушаю вас, – кивнул тот приглашающе, и Рудольф, кашлянув, отозвался благодарственным кивком:

– Так вот. Карта. Как вам уже известно, обретена она была при аресте заговорщика. Это был человек, мало и о малом знающий, и информация, от него полученная, вам не будет интересна.

– Ну, разумеется, – с плохо скрытым сарказмом согласился тот.

– В любом случае, это не имеет касательства к теме, – продолжил Рудольф уже много уверенней, нежели в начале этой беседы. – Главное состоит лишь в одном: он нес эту карту своему главарю, как вы это назвали – «идеологу», которого в крестьянском тайном сообществе знает каждая собака, не видя в лицо, но благоговей при одном лишь имени. Практика показала, что там, где появляется этот человек, ничего хорошего ждать не приходится.

– Знаменитый Каспар, если верны мои данные, – уточнил Великий Магистр вопросительно, и он болезненно и зло скривился.

– Каспар, – повторил Рудольф раздраженно. – Заноза в заднице. И мои люди, и, что главное, наша хваленая Конгрегация гоняются за ним девять лет; и это – с той поры, как о нем вообще стало известно, сколько же он вел свою преступную работу до тех пор, не может сказать никто. Никто не может предсказать, где он появится, никто не знает, где он теперь...

– Однако ведь человек с нашей картой...

– ... шел к нему на встречу, да. Вот только крестьяне – крепкие парни, майстер фон Юнгинген, и он сумел продержаться достаточно долго. Когда от него сумели добиться ответа на вопрос о месте встречи, назначенный Каспаром срок уже миновал, а опоздание посыльного означало следующее: он раскрыт. Разумеется, и место было проверено, и попытки вычислить его были, многое было и, как вы понимаете, без результата.

– И для чего же предводителю бунтующих крестьян древняя карта с неведомыми землями?

– А это, майстер фон Юнгинген, – не сдержал улыбки Рудольф, – как раз по вашей части. Каспар, сообщу вам, не просто политический заговорщик, не просто убийца, он даже не еретик, каковые повсеместно обнаруживаются в тайных сообществах, – он язычник. Безопасности ради прикидывающийся добрым христианином. Живя в Германии, – продолжил Рудольф, видя, как поджал губы Великий Магистр, – он посещает церковь вместе с прочими. Принимает Причастие; не знаю, что он делает с ним после. Выплевывает, быть может, или попросту выбрасывает в пыль или куда похуже, или использует для каких-нибудь своих языческих церемоний. Изображает исповедь, обманывая священников, искренне пытающихся исполнять свой долг. Сворачивает в свою языческую веру честных христиан, пользуясь их слабостью и своим умением влиять на людские души...

– Довольно, – оборвал Магистр строго. – Я уже понял, насколько кошмарно ужасен и страшно гнусен этот мерзкий злоумышленник. Не стоит вдаваться в дальнейшие подробности. Я изменю форму вопроса: для чего язычнику, живущему в сообществе христиан, древняя карта с неведомыми землями?

– Древняя карта викингов, майстер фон Юнгинген. Язычников.

– Карта Лейва Счастливого, – поправил тот. – Принявшего крещение и крестившего своих единоплеменников.

– Ай, бросьте, – покривился Рудольф, – что за ребячество. Орден уж сколько лет общается с литовскими князьями, и вы говорите такие речи? Когда есть выгода, все добрые католики. Напомню, отец его так и не отрекся от старой веры, да и не всякий из его семьи, и не всякий из его воинов; иными словами – как я и сказал: карта язычников.

– Положим, так, – поспешно согласился фон Юнгинген, – спорить сейчас о делах давно минувших дней не имеет смысла – нет достойных доверия свидетелей. Продолжайте, Ваше Величество. К чему этот упор на языческую подоплеку?

– Вначале – откровенность за откровенность, майстер фон Юнгинген. Я рассказал вам, как мы получили карту. Откуда она у вас?

– В свете последних событий, думаю, и впрямь нет необходимости делать из этого тайну, – кивнул Магистр, задумавшись, как и прежде, не более чем на мгновение. – Обитатели германских побережий у Восточного моря²³ сетовали на то, что некий варинг²⁴, пират наглее и отчаяннее прочих, не дает им покоя. Его корабль вставал на якорь на Рюгене, и его описание было известно, но сунуться на этот остров мы не могли: простой рейд по задержанию преступника мог перетечь в настоящую войну, а для этого не было требуемых условий, и в первую очередь, как легко понять, – согласия местных властей. Порою он сходил на берег и по нашу сторону, всегда в определенное время – здесь он сбывал товары и запасался. Наши братья прибыли прежде срока и вознамерились ждать, однако он внезапно явился во внеурочное время. Наши братья взяли его корабль легко, его самого – и того легче, вызнали о его перекупщиках и сообщниках среди тех, кто передавал за мзду сведения о предполагаемых маршрутах того или иного корабля... Словом, множество всего, вам не интересного. Карта была обнаружена среди нескольких других, явно оставленных им в своем владении после грабежей судов. Вначале братья не придали значения тому, что карты эти он взял с собою на берег...

– Понимаю, отсутствие опыта, – с подчеркнутым состраданием вздохнул Рудольф, и собеседник сурово покосился на него.

---

²³ Балтийское море.

²⁴ Варяг.

– Мы взяли пирата, – строго пояснил Великий Магистр. – Грабителя. Язычника, губящего христиан, которые занимались своим честным делом. Никаких указаний на возможную связь его с какими-либо организациями не было и в помине. Карты он вполне мог держать при себе, дабы уберечь столь дорогостоящие и сложные в изготовлении вещи от своей команды – как от их злых намерений, так и от обычной дурости.

– Однако же?..

– Однако же, когда карта уже через неделю после обретения была похищена, мы смогли понять, невольной препоной чему стал Орден. Этот человек, прибывший на германский берег столь внезапно, должен был передать кому-то этот документ.

– Вы... побеседовали с ним об этом?

– К тому времени его давно уже вздернули, – хмуро отозвался фон Юнгинген, стерпев очередную снисходительную улыбку Императора со стоическим спокойствием.

– И судя по тому, с какой готовностью вы вступили со мною в переписку по этому поводу, – подвел итог Рудольф, – я могу сказать, что сделать копию вы не успели. Верно?

– Наши братья не могли определить вот так, тотчас, всю важность этой находки, – с видимым усилием признал Великий Магистр. – За неделю, что карта была в наших руках, мы смогли лишь перевести руны – подпись, сделанную составителем, и кое-какие именованья, сопоставить некоторые узнаваемые местности, пометив спорные и неизвестные.

– Да, – наставительно поднял палец Рудольф. – Неизвестная земля. С неизвестным вам названием.

– А вам, стало быть, известным, – усомнился фон Юнгинген, и тот скромно пожал плечами:

– В общих чертах.

– Надо полагать, конгрегатские *exquisitores*²⁵ вас просветили.

– Да, – уже серьезно, без насмешки, вздохнул Рудольф. – Откровенно говоря, я древней историей дальних земель никогда не интересовался, а уж земель неведомых – тем паче. Посему, майстер фон Юнгинген, хоть сейчас я и стану просвещать вас, по большому счету, мы с вами на равном положении невежд в сравнении с инквизиторскими изыскателями. Одному Богу ведомо, откуда или от кого они получают всевозможные сведения.

– Что ж, просвещайте, Ваше Величество. Одно мне уже ясно: Лейв Счастливым, Лейв Эйрикссон, сын первооткрывателя Гренландии, составил карту неведомого берега. Неужто вам известно, с чьих слов?

– Лейв Счастливым побывал на тех землях, майстер фон Юнгинген, – отчего-то понизив голос, с невольной торжественностью сообщил Рудольф. – И доказательства тому – не только героические саги сомнительных авторов (о которых я, откровенно говоря, слышал мало). Есть еще один факт: в архивах Конгрегации отыскалось упоминание об одном старом деле – инквизиторы в Бремене выставили на костер какого-то торговца, и в числе предметов, упомянутых как предосудительные, было весьма древнее резное деревянное украшение, совершенно подлинно языческое. Торговец клялся, что не совершал никаких ритуалов, а просто его предок, тоже какой-то торгош, еще два века назад купил эту вещицу в Норвегии, лично у одного из родичей Лейва Эйрикссона, который столь же благополучно проплыл его путем и вернулся. Должен заметить, что *expertus*'ы Конгрегации заверили меня в следующем: ни к одному культу, известному на территории Империи или в ближайших к ней пределах, это украшение относиться не может. В Исландской традиции, в норвежской – ничего подобного также нет.

– Языческих верований без счета, – убежденно возразил Великий Магистр, и Рудольф кивнул:

---

²⁵ Исследователи (лат.).

– Согласен. Но есть еще один факт, и о нем вам должно быть известно; быть может, в отрыве от прочего вам и не приходило в голову расценить его должным образом... Как и мне самому, впрочем. Гренландия, майстер фон Юнгинген, ведь не была всегда пустынной, помните? Открывший ее Эйрик Рыжий основал на ее берегах поселение, привлек туда своих соотечественников с Исландии... И, как вы сами упомянули, его сын принял крещение, привез на остров епископа, и долгое время гренландцы платили десятину в папскую казну...

– Это мне известно, – подтвердил Великий Магистр, вновь не слишком обходительно оборвав собеседника. – Потом пересылка десятины внезапно оборвалась, и отправленный в Гренландию эмиссар понтифика обнаружил пустой остров и одичавший домашний скот.

– Это случилось лет полтора назад, спустя чуть более века после плаваний Лейва и его родичей к тем самым неведомым берегам. Вы сумели прочесть название на карте?

– Винланд, – кивнул фон Юнгинген. – Судя по названию, те края, если они не привиделись славным путешественникам в мухоморном угаре, должны быть богаты виноградными зарослями.

– Тексты саги о путешествии Лейва Счастливого говорят о том же самом: и он, и его последователи возвращались с грузом винограда и дерева. Так вот, майстер фон Юнгинген, что я хочу сказать: на Исландию пропавшие поселенцы не вернулись, убитыми их не нашли, да и не было следов битвы в брошенных поселениях. Предания о путешествии в дальние края, уже имеющийся (и доказанный, что главное) опыт в таких делах – открытие и переселение на гренландский остров... как небольшой довесок к этому – та деревянная вещица, купленная у одного из тех путешественников... Куда исчезли гренландцы? Вот так, разом, от мала до велика? Ни брошенных кораблей, разбитых прибоем, ни сгоревших или разрушенных домов, ни порубленных тел; где же они все?

– В Винланде? – со скептической усмешкой подсказал фон Юнгинген, и Рудольф пожал плечами:

– Чем такое объяснение хуже прочих? Не черт же их унес, прости Господи. В Исландию никто из них не возвращался – ни одного корабля, ни одного человека.

– Есть простое объяснение, Ваше Величество: эти корабли попали в шторм и потонули по пути туда.

– Или по пути в Винланд. Или не потонули. По пути в Винланд.

– Это уж кому какая мысль приятней.

– Да полно же вам, майстер фон Юнгинген, – с укором возразил Рудольф. – Да, я могу вас понять: и для меня самого все эти так называемые доказательства вначале не были столь уж очевидны, не были столь убедительны. Но посмотрите, как все повернулось: карта земли, куда, возможно, отправились потомки викингов (язычники по своей наследственной сути, как бы вас это ни коробило), была вами обнаружена у язычника при попытке передать ее ни много ни мало – языческому подполью в Империи, в Германии. Они не остереглись даже выкрасть ее, и причем, согласитесь, весьма спорно и ловко. И снова попытались это сделать – передать ее главарю заговорщиков. Язычнику. Уж они-то, по крайней мере, точно придают и этим легендам, и карте значение немалое, относясь к сему делу со всей серьезностью.

– И что же, по вашему мнению, задумал пресловутый Каспар? Отправиться в плавание в поисках Винланда? Для чего? Соблазнить живущих там потомков языческих мореплавателей богатствами Германии?

– А вы хотя бы на минуту оставьте насмешку, майстер фон Юнгинген, – предложил Рудольф серьезно. – Подумайте. По большому счету, ничего невообразимого в подобной мысли нет; есть что-то маловероятное, но не невозможное. Как вы сами сказали – «а вдруг». А вдруг правнуки Лейва Счастливого переселились на те самые берега, богатые лесами? Вдруг сумели обосноваться там? Расплодятся – перемешавшись с местными или нет, не суть важно... Вдруг мысль о путешествии к дальним землям воспримется ими с готовно-

стью? И, уж прошу прощения, наверняка прибывший в Винланд обнаружит там вовсе не ошетилившееся против окружающего мира сообщество верных христиан; полторы сотни лет прошло, и если гренландцы там – они давно забыли и Крест, и Христа, и молятся какому-нибудь местному кусту. Или, что более вероятно, припомнили своих старых богов – уж те ввелись в их кровь, в плоть, во всю сущность. А их старые боги любят помахать топором на досуге.

– И чего, по-вашему, надо ожидать? Явления флота викингов под предводительством вашего неуловимого бунтаря?

– Не знаю, как вы, майстер фон Юнгинген, а лично я проверять это не намерен. Да, согласен, все это весьма расплывчато, вся эта суета – стрельба навскидку...

– Я бы сказал – с завязанными глазами.

– Ну что ж, и такие есть мастера.

– К примеру, в Конгрегации, – подсказал Великий Магистр, и Рудольф тяжело вздохнул, неопределенно качнув головой. Фон Юнгинген повторил его вздох, отмахнувшись с видом почти обреченным: – Давайте, Ваше Величество. Говорите, что там высчитали ваши мастера-инквизиторы. Они в самом деле опасаются языческих захватчиков?

– А вы не опасаетесь однажды поутру увидеть пару сотен ладей с войском?

– Ну уж это вы хватили, Ваше Императорское Величество.

– Хорошо, – с готовностью поправился он, – пусть не пара сотен, пусть одна. Пусть пятьдесят. Однако уже здесь, в самой Германии, есть немало последователей древних верований, есть еретичествующие; и те и другие не преминут воспользоваться ситуацией и свергнуть ненавистного им правителя, действующего рука об руку с ненавистной им Конгрегацией. Есть и попросту *oppositio*, чьи цели лежат в сфере исключительно политической, и они также вполне могут вступить в союз с любым, способным если не пошатнуть сложившийся порядок, то хотя бы потревожить его. Есть еще герцог Австрийский, который легко перейдет от требований независимости к поползновениям на престол. Нужен он лично вам в таком качестве?.. Есть многие и многие, кто только и ждет нашего малейшего срыва.

– «Нашего».

– Нашего, – подтвердил Рудольф. – Никуда не денешься. Скажу вам откровенно: без Конгрегации о многом, что достигнуто теперь, я мог бы только мечтать. Причем отнюдь не сидя на императорском троне. До сей поры ни один их совет не оказался пустым. Ни одна их идея не оказалась тщетной. И когда конгрегатская верхушка настаивает на поиске и освоении неизвестных земель, я предпочитаю прислушаться и к этой их рекомендации.

– А на какие средства ваши германские язычники намерены снарядить такой поход? – усомнился фон Юнгинген. – И откуда? Это не провести втайне и на средства, вырученные при продаже капусты.

– В конце концов, – полусогласно кивнул Рудольф, – пусть даже потуги германских заговорщиков слишком самонадеянны, подумайте: если эта земля (пускай будет Винланд, как угодно) и вправду существует, неужто надо просто сидеть и ждать, пока иные державы наложат на нее руку? Быть может (отвечая на ваш вопрос), и в сообществе с пресловутыми германскими язычниками. Неужто нам не следует попытаться сделать это первыми? Пусть вы и сидите в Восточной Европе безвылазно, однако, полагаю, все же остались немцем, не так ли? Неужели ваш дух не восстает против подобной мысли? Я уж не говорю о том, что там наверняка отыщется немало язычников, которых можно будет вдоволь просвещать или убивать.

– Ваш последний аргумент, Ваше Величество... – начал Магистр оскорбленно, но тот отмахнулся:

– Да перестаньте. Когда вы заключите мир с поляками, когда прижмете Литву – что будет делать ваша разросшаяся армия? Неужели выращивать пресловутую капусту? Орден, о чьем благе вы так печетесь, зачахнет без возможности делать то, ради чего был создан.

– Итак, я вижу, мы перешли прямо к делу, – заметил фон Юнгинген, не ответив. – И, как я понимаю, вы предлагаете мне... Что вы мне предлагаете? Отправиться на север в компании инквизиторов в поисках Винланда?

– Если кратко и без обиняков – в целом да.

– В таком случае, Ваше Величество, попрошу подробностей, то есть ответов на некоторые вопросы. Почему именно Орден?

– Отвечу кратко и откровенно, – вздохнул Рудольф, перечислив на одном дыхании: – Обученные воины, умение действовать автономно, опыт переговоров и ведения военных действий в незнакомых местностях, принадлежность так или иначе к проимперским идеям, здоровое представление о происходящем – как в Германии, так и в мире вообще. И, наконец, флот.

– Однако, – с усмешкой констатировал фон Юнгинген. – Иными словами, от Ордена требуется: корабли, бойцы, осуществление разведки, создание первых укреплений... А что же даете вы?

– Карту.

– Карту, украденную у Ордена!

– Не мною, – невинно отозвался Рудольф. – И, коли уж на то пошло, если бы не Конгрегация, прямиком из ваших закровов эта карта направилась бы в руки наших врагов. Не сочтите за попрек.

– Именно попреком это и является, – хмуро возразил тот. – Однако я повторю вопрос: чем, кроме карты, вы можете заинтересовать меня? Почему вы полагаете, что я соглашусь идти на немалые жертвы, чтобы воплотить в жизнь ваши чаяния? Чем надеетесь меня заставить?

– Господь с вами, майстер фон Юнгинген, я не хочу никого заставлять. Да, у меня самого неостанет ни людей, ни судов, ни опыта для такой экспедиции... Что ж, с моей стороны будет просто преступно хранить этот документ в тайне, препятствуя прочим христианским правителям принести, возможно, свет Христовой веры иноземным язычникам, погибающим во тьме своего невежества. Если я не услышу от вас согласия, я предам огласке как сам факт наличия этой карты, так и, собственно, ее саму. Просто разошлю моим братьям-королям по копии. Даже если среди них будут враги трона, будут и союзники или просто нейтральные; и пускай Винланд достанется тому, кто сумеет им овладеть. А следом потянутся прочие, в том числе и Империя, посему хоть что-то, но достанется и нам. Правда, тогда уже не будут иметь смысла размышления над тем, что сумеет урвать себе Орден. Увы, европейские короли – люди, не склонные делиться своим добром. А главное – папский престол не отличается подобными благими стремлениями, что гораздо хуже. И хуже не мне одному.

– Это шантаж, Ваше Величество? – уточнил фон Юнгинген заинтересованно, и себе-себе дернул плечами:

– Просто некий вариант будущего. Если такое грядущее вам не по душе, давайте вместе попытаемся изменить его.

– То есть взвалим на Орден все тяготы и опасности этого путешествия.

– Пригласим Орден к сотрудничеству, – поправил Рудольф, и Великий Магистр пренебрежительно фыркнул:

– Чушь. От вас – наша же карта, от нас – всё. В чем выгода?

– А какой выгоды вы бы желали?

– Не рассыпайтесь передо мною в высокопарных рассуждениях о сотрудничестве, поступите, как все правители поступали до сего дня, – пригласите Орден на службу.

– На каких условиях?
– На тех же, что и всегда: земли, которые мы освоим, остаются в орденской собственности.

– И вы не сделаете исключения для Императора?

– Это ведь снова был риторический вопрос, верно?

– Ну, полно вам, майстер фон Юнгинген, – укоризненно выговорил Рудольф, – что за грешное стяжательство?

– Флот, – напомнил Великий Магистр. – Воины. Опыт. Вы знаете кого-то, кто может предложить больше?

– Давайте-ка для начала подведем первый итог: вы согласны? В общем и целом?

– Полагаю, если вам не удастся убедить меня, в дело вступят конгрегатские краснобаи?.. К слову – а что от этого им? Вам – колония, Ордену – земля... бросьте, рано или поздно мы придем к согласию... Но что с этого будет иметь Конгрегация?

– Просвещение народов? – предположил Рудольф, и Великий Магистр поморщился. Он отмахнулся: – Не знаю. Думаю, первая причина – они, как и я, всерьез опасаются удара в спину.

– А вторая?

– Да не имею я ни малейшего представления, майстер фон Юнгинген, чего они хотят и о чем думают, – выговорил он решительно. – Просто не знаю. От меня карта, сказали вы... Карта получена ими. Ими прочитана. Ими собрана информация, подтверждающая ее подлинность. Конгрегация готова выделить средства. Поверьте, немалые. Я не знаю и, вообще говоря, не желаю знать, откуда у них такие финансовые резервы. И не знаю, чего они хотят. Какие-то планы у них есть, не знаю какие. На что-то они полагаются, не знаю на что. Знаю одно: впустую Инквизиция не станет тратить ни время, ни средства, а стало быть, у них есть на что предъявить счет, причем на что-то вполне существенное.

– Это и пугает, – серьезно заметил фон Юнгинген. – И если сейчас мы с вами ввяжемся во все это – помоги нам Господь, когда придет время платить по их счетам.

– Но ведь нельзя не ввязаться, – произнес Рудольф настоятельно. – Вы ведь не можете этого не понимать. Неведомая земля, неисследованная – это словно комната в собственном доме, в которой никогда не бывал и о которой ничего не известно. Не знаю, впрямь ли земля эта богата лесом, или плодами, или серебром, или язычниками, – ни малейшего представления, но если это не узнаем мы, узнает кто-то другой. Согласитесь, майстер фон Юнгинген, в свете происходящего в мире эта мысль не слишком мила и вашему сердцу тоже.

– Эта мысль стоит того, чтобы ее обдумать, – не сразу отозвался Великий Магистр и умолк снова, когда вблизи лагеря послышался шум и треск, ясно свидетельствующий о возвращении охотников и, судя по радостным возгласам, с добычей.

На поляну вывалились придворные в окружении двух егерей – вострянные и осыпанные сухой листвой; на плечах двоих из сопровождающих слуг возлежал олень с окровавленной шеей. Фон Люфтенхаймера-младшего среди них не было.

– А где же Рупрехт? – осведомился Рудольф, когда остатки свиты приблизились и убитый олень шлепнулся на траву.

– Двинулся дальше, Ваше Величество, – с явственной насмешкой отозвался один из столь же юных рыцарей. – Ведь шли на кабана. Следопыты видят след, собаки рвутся, и – он ушел по тропе. Наш герой не уймется, пока не найдет зверюгу.

– Или пока зверюга не найдет его, – хмыкнул его приятель, и тот шлепнул его по плечу:

– Ставлю на кабана.

– Пожалуй, я все же дам парню шанс. Ставлю на фон Люфтенхаймера.

– Принимаю.

– Отлично. Тебе сегодня не везет.

– Это тебе не везет, – возмутился тот, – и оленя подстрелил я.

– Стрела была моя!

– Свою стрелу можешь поискать в кустах на той полянке.

– Господа рыцари, – с холодной любезностью окликнул их Рудольф, и те, запнувшись, коротко и мимоходом склонились в его сторону:

– Простите, Ваше Величество.

Спор продолжился в отдалении, однако шум, уже прочно водворившийся вокруг, все равно сделал дальнейшее мало-мальски конструктивное обсуждение столь важных вопросов невозможным.

– Дождемся, когда все уляжется, – предложил Рудольф со вздохом. – Да и у вас будет время все обдумать, а под добрый завтрак и беседа будет приятней.

– Я вижу, вольность поощряется при богемском дворе, – заметил Великий Магистр, одарив дискутирующее рыцарство насмешливым взглядом, и Рудольф отмахнулся:

– Эти двое – в некотором роде приятели моего сына, отсюда и воцарившиеся в их умах иллюзии вседозволенности. Бездельники, повесы и кутилы, но зато им я доверяю. Прочие – либо конгрегатские агенты, которые не упускают случая влезть ему в мозги со своими наставлениями, либо шпионы, шпионящие друг для друга, либо стяжатели, готовые продать все и всех. Эти, по крайней мере, не скрывают того факта, что от своей службы при дворе хотят только денег и легкой жизни, и теперь, обретя то и другое, не желают от бытия большего. Им хватает на хороший стол и женщин – и они довольны.

– Не опасаетесь дурного влияния на наследника?

– Ему не помешает, – возразил Рудольф убежденно. – Проще, когда придет время, исправить раздолбая, чем святошу. Не примите на свой счет.

– Свой счет я вам предъявлю несколько позже, – подчеркнуто дружественно улыбнулся Великий Магистр. – Вы правы – я использую это сомнительное затишье, дабы все как следует обдумать... Однако ж, я слышал, вы на три месяца отослали своего сына как раз в монастырь за какую-то провинность. Не опасаетесь сотворить из него святошу?

– И это ему не помешает тоже, – натянуто улыбнулся Рудольф.

* * *

«Сердце Карлштейна», часовня Святого Креста в центре Большой башни, в общем, и не задумывалось как место проведения регулярных богослужений – отец, никогда не живший в замке подолгу, перевез сюда коронационные регалии, на чем и посчитал миссию этого места исполненной. Сам Рудольф, избравший-таки родовое гнездо своей постоянной резиденцией, все же не стал ничего менять, и символы императорской власти по-прежнему хранились здесь, напоминая о величии титула и ничтожности судьбы человеческого существа, им обладающего.

Разумеется, возводилась часовня с учетом всех тех требований, что предъявлялись ко всем зданиям подобного рода, а именно – в том числе и отличной акустики, в свете чего для тайных бесед и секретных переговоров сие место, казалось бы, подходило слабо. Однако предполагалось, что здесь же Карлу или его потомкам может прийти в голову облегчить душу, посему все-таки были отдельные уголки, в которых венценосный грешник мог говорить свободно, не опасаясь того, что рассказы о его провинностях достигнут ушей кого-то, кроме его духовника.

Посему часовня использовалась Рудольфом почти по назначению. Почти – ибо речь здесь шла, как правило, о грехах не прошлых, но лишь грядущих, еще зреющих в его голове или голове собеседника в виде замыслов и планов, имеющих, быть может, и благие цели, но порою не слишком праведные способы их достижения. Здесь, под бесчисленными ликами

святых, взирающих на мир, было вынесено больше смертных приговоров, нежели в императорских покоях или канцелярии, здесь обсуждались дела, не предаваемые огласке на райхстагах, здесь вершились судьбы многих, здесь многие обретали счастье или навеки прощались с ним. Здесь потрясались основы королевств и самой Империи. Здесь созидалась История.

О том, что молится (от всего сердца, со смущением и искренностью) всякий раз, как входит под эти золоченые своды, Рудольф не признался бы никому и никогда. Мимо образов кисти великого Теодорика он проходил всегда медленно, оглядывая ряды ликов и замечая с внутренней дрожью, что выражение глаз святых и праведников порою меняется, становясь то благостным, то порицающим. Наверняка дело было в собственном душевном равновесии, порою нарушаемом и колеблемом, однако никак не выходило отделаться от нехорошего чувства, что в этом недоступном для чужих глаз и ушей убежище за ним все-таки следят. От перенесения обсуждаемых тайн в иное место Рудольфа удерживали и здравый смысл, и иррациональное упрямство. Разум говорил, что Сердце Карлштейна подходит для этих целей лучше всего – только здесь постороннему негде спрятаться и неоткуда подсмотреть, здесь нет потайных дверей и окошек, здесь всё на виду. Упрямство же, при всем том трепете, что зарождался при входе в часовню, при некотором смятении перед взирающими на него ликами, призывало настоять на своем, доказать им, что, в конце концов, он и только он хозяин в этом замке.

Сегодня святые смотрели без укора и даже, кажется, с сочувствием. Встреча сейчас ожидалась важная и, можно сказать, в некотором смысле судьбоносная, однако рассудок по большей части занимала не она, не государственные дела, не интриги и козни, а чувства нехитрые и простые, знакомые любому зверю, от мыши до пустынного льва – тревога за свое потомство. До сих пор верилось с трудом в то, что вот так просто отпустил единственное чадо неведомо куда, почти без охраны и без возможности самому контролировать происходящее. Да, разумеется, отсылались с гонцами письма – частью написанные личным телохранителем, частью составленные рукою самого наследника, со всеми оговоренными заранее тайными словами, долженствующими подать не понятный иным сигнал о грозящей или свершившейся опасности. Да, разумеется, письма доставлялись каждую неделю. Да, разумеется, охрана была наилучшей. Да, разумеется, и Конгрегация вывернется наизнанку, но наследника оберегать будет как зеницу ока. Им он нужен так же, как и сам Рудольф. Точнее – они попытаются сберечь его, насколько хватит их сил.

Только вот силы человеческие, как видно из многих примеров, не беспредельны. И из далекого прошлого тянулись тонкие ниточки, связующие минувшее с настоящим, приводя на память уподобления печальные и унылые. Зигмунд, младший брат, еще в малолетстве наделенный титулом Бранденбургского маркграфа и курфюрста, на шестом году жизни был просватан за дочку польского короля, и на тринадцатом – вот так же, под бдительной охраной – послан когда-то в Краков. Тогда это казалось решением верным. Выучит язык, притерпится к местным, вживется в порядки и обычаи и – получит польскую и венгерскую корону; к сознательным годам на стороне императорского трона было бы два поместных правителя в одном лице, свой выборщик в Германии и король-союзник у приграничья.

Отличный был план. И охрана – тоже была отменная. И вся эта отборная стража полегла, когда план показался не таким уж хорошим этим турецким подпевалам в Венгрии. Засаду устроили, когда до цели оставалась пара дней пути – хорватские заговорщики в союзе с венгерскими и боснийскими наемниками. Им, раболепно смотрящим на Турцию, не желалось иметь такого короля, за которого, случись что, встанет вся Империя его брата. Единственный выживший из сопровождения, поминутно сотрясаясь от ужаса, рассказывал потом, как внезапно заартачились идти, а после совершенно взбесились кони, как разум сильных и обученных воинов затуманился и отказалось служить тело, о том, как все было

после. А после была резня. Кто-то, у кого еще хватило душевных и физических сил, еще пытался сопротивляться, кто-то пытался сражаться, все больше с видимыми им призраками, а не с подлинными врагами, окружившими обоз. Кто-то пытался. А тринадцатилетний мальчишка просто сидел и ждал смерти – от того, что случилось там, никакие титулы и императорское покровительство спасти не могли.

Подробности того, как убивали брата, Рудольф выслушал дважды. В деталях. Запомнив каждое слово. Ради удостоверения в правдивости всего сказанного, разумеется, выживший был допрошен еще не раз, допрошен так, чтобы не осталось возможности и силы солгать или утаить что-то, а сам он тогда, в лето 1381 *ante Christum*, впервые попрал завещание отца, поучавшего советоваться с конгрегатами по любому поводу, каковой затрагивает интересы Империи и может повлиять на ее судьбу.

Поход на хорватов, вне всяких сомнений, оных интересов касался как нельзя ближе, но решение было принято единолично, ничьи советы и наставления этого решения переменить не могли, и в хорватские земли он вломился, как насильник в девичью спальню, – стремительно, грубо, жестоко. Его войска провели в этой стране шесть лет, избивая людей, громя селения и сокрушая города; время от времени под руку попадались разрозненные отряды турок и венгров, которые отправлялись вослед своим убитым союзникам. Порою попадались люди, наделенные неведомой силой, и Рудольф, не обременяя себя инквизиторскими умствованиями, убивал каждого, кого удавалось захватить, представляя себе в мыслях, что кто-то из них, быть может, тогда, в тот самый день, был на той дороге.

Когда спустя шесть лет он решил, что настала пора возвратиться домой, захваченная земля лежала перед ним, как та самая девица в одинокой и никем не защищаемой спальне, – обнаженная, обесславленная, растерзанная. С годами праведный гнев, порожденный убийством брата, не исчез, но все же угас, священный обычай мести за кровь не отменял реалий вполне приземленных, и проблемы мирские требовали своего решения. Война всегда была затратным делом, а тем паче война затяжная; невзирая на дозволение грабить все, до чего дотянется рука, рыцарство, делившее с ним военные тяготы, требовало полагающихся по всем правилам компенсаций, да и собственная казна, разоряемая в том числе ради взяток строптивым курфюрстам, нуждалась в пополнении. Прикинув все «за» и «против», Рудольф выставил на продажу захваченную Далмацию, каковую с великой охотой, даже лежащую в руинах, купила Венеция.

Сто тысяч. Сто тысяч полновесных дукатов... После не раз приходило в голову, что в эту цену он определил братскую жизнь. Не раз думал о том, не была ли его смерть лишь предлогом. *Historia modum conjunctivum ignorat*²⁶, это верно, но думать воспретить себе невозможно.

Эти сто тысяч, столь цинично обретенные после войны мщения, повернули в иное русло пусть не судьбу государства, но многое в его устройстве.

Еще при отце мелкая серебряная монета, выходящая из-под штампа здесь, в Богемии, была самой востребованной по всей Империи и даже за ее пределами. Пражский грош был удобен в обращении и ценился много выше куттенбергского серебра, из которого был произведен. Но рудник Куттенберга обеспечивал стоимость гроша самим собою – фактически залогом его ценности была сама Богемия, чем не раз и не десять тыкали в нос местные патриоты, обвиняя его едва ли не в попытке распродать собственную державу. И оставалось закрепленное за поместными правителями право чеканить свою монету, что давило не только на доходы казны, это подрывало столь тяжело строящееся имперское единство – отчаянная и упрямая *idea fix* и отца, и самого Рудольфа. И вот – произошли почти одновре-

---

²⁶ История не знает сослагательного наклонения (лат.).

менно два события: в паре десятков миль от Карлсбада²⁷, в долине святого Йоахима, открыли новый серебряный рудник и – возникли те самые сто тысяч дукатов. Именно тогда Рудольф смог действовать – так же, как в войне с хорватами, быстро и четко, не давая противнику времени опомниться. Правом Императора выпускать свою собственную монету не пользовался до сей поры ни один из занимающих престол, хотя в соответствии со всеми договорами, буллами, законами и прочим это запрещено не было. А если не запрещено...

Быть может, отец и был прав, быть может, в большой политике Рудольф был не особенно даровит, но кое в чем и он смыслил неплохо. Первым делом провозгласив, что многочисленные жалобы торговцев, путающихся в курсе поместных денежных знаков, требуют удовлетворения, он объявил о начале штамповки собственной, императорской монеты, получившей название по монетному двору, установленному рядом с месторождением серебра в Йоахимстале, – «талер».

По особому указу монету обязаны были принимать в любой точке Империи, от Бжега до Франкфурта. Серебряный имперский талер вмещал в себя вполне определенное, четко установленное количество грошей и в обращении оказался еще более удобным: постепенно развивающаяся торгово-банковская жизнь Германии требовала введения монеты большего достоинства, нежели повсеместная разменная мелочь, но меньшего, чем золотые средства обращения. Талер приобрел популярность быстро, и не только потому, что деньги своих конкурентов Рудольф потихоньку, негласно и порою не слишком законно, выводил из обращения. Вполне легитимно он разошелся по всей Империи, к нынешнему времени выйдя и за ее пределы: кто-то из весьма популярных в вольных торговых городах иностранных дельцов назвал талер в своем годовом обозрении «долгожданной монетой среднего класса».

Наряду с этим, все так же не давая своим мелким королькам и курфюрстам времени на то, чтобы прийти в себя и среагировать вовремя, Рудольф выпустил и золотую имперскую марку, обеспечив ее полученными за Далмацию дукатами и также строго обозначив количество составляющих ее талеров. Правду сказать, здесь все же пришлось вступить в союз с Конгрегацией: те самые сто тысяч были размещены в одном из итальянских банков – размещены только и исключительно на неприкосновенное хранение, с запретом на их использование в сделках. То, что таким образом убирает баснословную массу золота с международного рынка, Рудольф, разумеется, понимал и сам, но без участия Конгрегации, а точнее своего серого кардинала, было бы много сложнее отыскать надежный банк, желающий иметь дело с изменчивым и непостоянным тронем германского государства. Без Сфорцы сложно было бы получить гарантии того, что полновесные золотые дукаты действительно будут лежать без движения. Благодаря Сфорце процент за хранение золота был назначен смехотворный. Благодаря Сфорце колоссальный денежный груз был перевезен быстро, тайно и безопасно. Благодаря Сфорце...

Сфорцу он отблагодарил двумя черно-белыми щенками из своры, вывезенной в качестве трофея из Далмации, – от иных способов изъявления благодарности пройдошливый кардинал отказался. Щенков, однако, принял, прельстившись необычным окрасом далматинцев, заметив, что для инквизитора-доминиканца лучшего сопровождения не придумаешь. Само собою, Рудольф был далек от мысли о том, что таким способом расплатился с нунцием, и лишь внес в список своих долгов перед Конгрегацией еще один пункт.

Имперская марка по весовому и стоимостному index'у приравнивалась к венецианскому дукату; любой желающий мог потребовать обмена имеющихся у него марок на дукаты, однако же до сих пор ни одного подобного случая зафиксировано не было. Использовалась новая золотая монета для крупных, в основном международных, сделок; внедрить же ее, подобно талеру, повсеместно не представлялось возможным – золото было редким, по

²⁷ Карловы Вары.

большей части привозным, в пределах отечества почти не попадалось, в свете чего зальцбургские золотые рудники являлись еще одной причиной, по которой австрийские земли во что бы то ни стало должны быть неотъемлемой и полноценной частью Империи.

Теперь редкие сделки на территории Империи проходили с использованием каких-либо иных денег, кроме талеров и грошей, курфюрсты и короли запоздало и безысходно жаловались, но зато опора, на которую Рудольф сделал ставку – вольные города и торговые союзы – крепла.

Во дни назревшего было конфликта между городскими союзами и курфюрстами он встал на сторону городов, и уже готовившаяся вспыхнуть война после нескольких весьма показательных сражений сама собою сошла на нет, что упомянутые союзы, разумеется, запомнили и оценили. Хотя, если верить собственной разведке и конгрегатским следователям, благодарность населения могла бы быть и побольше. Зато контролировать денежную массу, вращающуюся в государстве, стало куда проще, да и процесс сбора налогов изрядно упростился. И теперь стало возможным выпускать имперские монеты, не обеспеченные золотым запасом дукатов, не опасаясь последствий вроде массовых требований обмена. И добиваться независимости с прежней горячностью стало невыгодно, ибо талер при таком повороте дела превращался для поместного управителя в иностранную денежную единицу, чей обменный курс убил бы его собственные капиталы. И появилось хоть что-то, говорящее о единстве этой территории, что до сей поры лишь документально звалась единой Империей.

Historia modum conjunctivum ignorat...

Что было бы, если бы – Если б не проданная Далмация. Если б не ограбленная Хорватия. Если б не смерть брата. Что было бы? Так ли уж легко прошло бы все задуманное?

Одно Рудольф знал точно: какие угодно выгодные государственные перемены будут слабым утешением, если что-то случится с Фридрихом. Именно потому к своим пятнадцати годам наследник до сей поры не был наделен никаким титулом, кроме обретенного по рождению, никакой властью, не был поставлен ни на одно из многих хлебных мест в государстве. Нет определенности – нет угрозы. Разумеется, у сына есть враги лишь потому, что он сын Императора, но так опасность все же много меньше.

Многие из тех, кто пытается показать себя преданным служителем трона, все эти два месяца не перестают твердить, что полугодовое пребывание принца в монастырских стенах есть наказание для него чрезмерное и бессмысленное; хотя после того, что он выкинул, Рудольф с великим удовольствием месяца на два-три запер бы его и в самом деле в монастыре – настоящем. Однако, если верить кардиналу и шарфюреру конгрегатской зондергруппы, там, где он сейчас, в смысле внедрения в голову элементарных понятий дисциплины дело обстоит куда лучше. Те же, кому известно, чем сейчас действительно занимается Фридрих, так же без умолку говорят о том, что умения наемника не являются самыми важными в арсенале навыков будущего Императора и вообще предосудительны. Наверное, по их мнению, именно так будущий Император должен будет сказать подосланному убийце, столкнувшись с ним в пустом коридоре без стражи...

В пустой часовне без единого стража на шаги за спиной правитель Империи обернулся не сразу, не вздрогнул, не насторожился. Во-первых, стража была у входа в Большую башню и неподалеку от входа в часовню. Во-вторых, три пса, коим не возбранялось бегать по Карлштейну фактически там, где им вздумается, лежащие сейчас по ту сторону порога, не подали признаков агрессии или хотя бы раздражения. Ну а в-третьих – именно звука этих легких, едва слышимых шагов Рудольф и ждал последние полчаса. И увидеть ожидал именно то, что увидел, обернувшись, – женщину в довольно смелом, по последним веяниям моды, платье, в столь же вольном головном уборе, каковой представлял собою лишь некоторую весьма номинальную конструкцию из серебряного гребня и шелковой ткани, что позволяло черным волосам почти свободно представлять окружающему миру. Многие сказали бы,

что вдове, сколько бы времени ни минуло, приличествовал бы несколько иной туалет, однако благопристойность наряда Адельхайды фон Рихтхофен – это последнее, что тревожило его в данный момент. Ну, быть может, не совсем последнее, однако далеко не первостепенное.

Полагающихся обычно и прилюдно исполняемых приветствий он также не ожидал и даже поднялся навстречу, не успев лишь первым произнести приветствие.

– Ваше Величество, – с короткой улыбкой промолвила она, остановившись в двух шагах. – Я снова заставила вас ждать?

– Я уже к этому привык, – отозвался Рудольф без малейшего упрека и, указав своей гостье на скамью, уселся первым. – Прошу вас.

Адельхайда опустила на узорчатую скамейку достаточно близко, чтобы не повышать голоса, но и на расстоянии, довольном для того, чтобы ясно обозначить дистанцию. Стало быть, настрой у нее сегодня сугубо деловой. Выражение лица было неопределенно-приветливым, безмятежным, из чего Рудольф сделал вывод о том, что плохих новостей, скорее всего, не будет.

– Вы не вздыхаете, – высказал он свою мысль вслух, – не опускаете глаза в печали, не изъясняетесь грустным голосом; словом, не совершаете ничего из множества ухищрений, призванных подготовить человека к неприятному. Кроме того, за сегодняшним обедом вы мне весьма многозначительно улыбнулись. Полагаю, это вовсе не от радости лицезрения меня.

– Неужто вы настолько скромны в собственной оценке, Ваше Величество? – уточнила та с улыбкой, и Рудольф нетерпеливо потребовал:

– Да не томите же. И без того я весь этот день, с той минуты, как вы прибыли, гадаю, чего мне ждать и что готовиться услышать. Скажите, что вы привезли мне хорошие вести.

– Я привезла вам хорошие вести, – подтвердила Адельхайда подчеркнуто торжественно. – Можете поставить еще один «*plus*» в списке. Он ваш.

– *Dei gratia*... – проговорил Рудольф с облегчением и запнулся, исподволь бросив взгляд на взвешивающие со стены лики. Достоин ли сего славословия все происходящее, еще было неведомо, а потому продолжать он остерегся. – Превосходно, – отметил он чуть спокойнее. – Но – он сказал это? Поручился? Не пойдет на попятный?

– Не сможет, – снова улыбнулась Адельхайда. – Если б и захотел.

– Это обнадеживает, – кивнул Император и, медленно переведя дыхание, приглашающе кивнул: – Теперь, госпожа фон Рихтхофен, когда главное вами уже сказано, я готов выслушать всё – с начала и до конца. Судя по тому, сколько вы отсутствовали, история должна выйти долгой и занимательной.

– Все нет, Ваше Величество. Большую часть моего времени поглотила рутина, утомительная, унылая и скучная рутина. За это время я вынужденно изучила Майнц вдоль и поперек и могла бы, наверное, остаться я без титула и имения, порядочно зарабатывать на жизнь сопровождением приезжих по этому городу. Я отобедала во всех заведениях, войти в которые приличному человеку было не стыдно, посетила службы во всех церквях, узнала имена, мелочи личной жизни и проблемы в семье всех, кто имеет хоть какое-то касательство к управлению деловыми сферами, и еще половины городского населения. Была, – усмехнулась она вскользь, – и реальная возможность приобрести по сносной цене славный домик недалеко от центрального района города. Невзирая на отсутствие *status*'а горожанки, вопреки городскому законодательству. О котором, собственно, и пойдет речь.

– Новопосаженный архиепископ Майнцкий замечен в нарушении законов вольного города? – уточнил Рудольф со скепсисом.

– Ну, чему же вы удивляетесь, Ваше Величество, – передернула плечами Адельхайда. – Люди не меняются с веками. Это было исстари: новый управитель, придя на назначенное ему

место, первым делом собирает себе сокровища, путями праведными или, что чаще, неправедными, – и так любой, от деревенского старосты до Императора.

– Даже так, – произнес он многозначительно, и та улыбнулась:

– Именно так. Однако погружаться в философию, полагаю, мы далее не станем.

– Будьте так любезны, – согласился Рудольф. – Вернемся к делу. Итак, как я понимаю, ваши прогулки по достопримечательностям Майнца все-таки завершились чем-то более существенным, нежели постижение архитектуры и поварских изысков.

– О да. Господин архиепископ въехал в город накануне праздника Преображения Господня, в каковой присутствовал на мессе – как прихожанин. Его собственное служение было запланировано на Успение, посему у меня была еще неделя с небольшим на то, чтобы испытать различные подходы и проверить некоторые версии. Был слух о не вполне естественных постельных наклонностях господина фон Нассау, однако на провокации он не среагировал, и если судить по отзывам моего агента (а глаз у него наметан), сей слух напрасен. Архиепископ не имеет тяги к наследию Содома. Основывать же шантаж на фундаменте, состоящем из его любовниц, смысла нет – не столь уж это сильный аргумент, да и не такая уж тайна.

– Судя по всему, для всех, кроме меня, – отметил Рудольф с недовольством и уточнил: – Любовниц?

– Ему тридцать семь, и он одинок, – напомнила Адельхайда. – Разве богатый и не такой уж еще старый мужчина удовлетворится одной? Это несолидно. Засмеют собратья по сану... Как бы там ни было, в личной жизни не было обнаружено никаких деталей, порочащих господина архиепископа более, нежели каждого пятого обитателя Империи...

– ...включая Императора, – докончил за нее Рудольф, – я в курсе. Почему я прощаю вам подобные высказывания, госпожа фон Рихтхофен?

– Я незаменима? – предположила та серьезно, и он вздохнул:

– Судя по всему, меня ожидает очередное тому подтверждение... Итак, к чему же вы в конце концов пришли?

– Все оказалось просто и даже как-то тривиально. Господин фон Нассау пожелал приобрести в Майнце недвижимость, причем не просто домик или лавочку, а одну из гостиниц не самой последней репутации с хорошим годовым доходом. Владелец оной артачился, что вполне понятно – заключать такие договоры он не имеет права согласно законам вольных городов, архиепископ терялся в догадках относительно того, как бы проверить подобную сделку, не попавшись, и так удачно вышло, что в городе оказалась я.

– Пытаюсь вообразить себе, – заметил Рудольф, – что было бы, если б дамам дозволялось заниматься тем, чем занимаетесь вы, *de jure*. Деловая женщина. Как и в бытии – цепкая, изобретательная и непредсказуемая. Страшный сон любого дельца.

– Бросьте, Ваше Величество, – отмахнулась Адельхайда, – женщины именно что непредсказуемы, а еще они неумны, легкомысленны и слишком много значимости придают эмоциям, а точнее – собственному сиюминутному настроению. Ничего серьезней управления прачечной из двух работниц им доверить нельзя.

– А вы – счастливое исключение.

– Невероятное исключение. Думаю, таких на свете немного, посему мужская часть человечества может спать спокойно.

– Кроме архиепископа Майнцкого.

– Увы, – притворно вздохнула Адельхайда. – По эту сторону бытия невозможно достичь счастья для каждого – кто-то непременно останется внакладе... Не стану утомлять вас подробностями, Ваше Величество, сообщу результат: сделка была заключена. И, разумеется, наличествуют документы, включая расписку с подписью и печатью архиепископа, свидетельствующие о подлоге, совершенном ради приобретения доходного заведения на при-

надлежащей вольному городу земле. Известны все звенья цепи, включая подставное лицо, на которое была оформлена собственность, поручители и прочее.

– И документы?..

– ... при мне. Второй экземпляр, разумеется; первый находится у господина фон Нассау. Подводя итог, скажу так: вообразите, с каким позорным треском архиепископ вылетит из городских пределов, если все это вскроется. Здесь дело даже не в каре за нарушение законов, здесь проблема в потере авторитета и необходимости в подобном случае прогнуться под «низкорожденное быдло».

– Полагаю, это было бы до чрезвычайности неприятным развитием событий для Его Преосвященства, – согласился Рудольф с недоброй усмешкой. – Что же, улов неплохой. Однако я, признаюсь, ожидал от вас большего, госпожа фон Рихтхофен. Урон авторитету? Да, это ему грозит. Непомерный штраф? Да, будет. Да, недовольство, насмешки... Но есть два возражения. Первое. Это не смертельно. Не подорвет его репутацию фатально, не скажется на дальнейшей жизни и, главное, *status*'е – то есть все это не будет иметь последствий в виде потери чина архиепископа и звания курфюрста. Второе. Даже если сия проблема его особенно беспокоит, и Иоанн фон Нассау постановит, что она требует решения, – решение будет простым. Бумаги – в печь, владельца гостиницы – под нож, посредника и поручителя – в речку. Тяжкий вздох над понапрасну затраченным серебром, и жизнь снова входит в прежнее русло. Неужто он настолько труслив или глуп, что сдался под давлением таких обстоятельств?

– Для начала, – возразила Адельхайда подчеркнуто неспешно, – о том, что эта сделка может явиться предметом давления, архиепископ не осведомлен и пребывает в уверенности, что сумел ухватить себе тучный кусок пирога.

– Вот как, – с легкой растерянностью проговорил Рудольф. – Так стало быть, не этим вы сумели его прижать.

– Разумеется, нет. Как вы сами заметили, это улов неплохой, однако столь мелкая рыбешка – на один зуб. Это, Ваше Величество, была лишь легкая закуска. Небольшое дополнение к основному блюду, дабы оно стало еще приятней.

– Сложно свыкнуться с вашей манерой затягивать кульминацию, – заметил Рудольф и, лишь перехватив укоризненный взгляд напротив, осознал двусмысленность сказанного.

– До сей поры выражений недовольства этим я от вас не слышала, – благодушно, однако без единого намека на улыбку, отозвалась Адельхайда, продолжив в прежнем тоне: – Не стану более вас томить, Ваше Величество, приступлю к главному. Как я уже говорила, за время своего пребывания в Майнце я узнала многое и о многих, даже то, что мало кому ведомо, и, разумеется, мимо моего слуха не прошло то, что было ведомо всем, то есть события громкие и известные. Среди таких событий была и казнь одного горожанина. Гравера. По поступившему на него доносу было проведено городскими властями расследование, включая обыск его жилища и мастерской, где и обнаружили почти законченную форму оттиска, позволяющего чеканить монеты. Талеры.

– Сукин сын, – проронил Рудольф возмущенно, и она улыбнулась снова:

– Это повод гордиться, Ваше Величество: денег, которые не имеют признания и веса, не подделывают.

– Мне от этой мысли стало много легче, – покривился он, уточнив: – Так значит, мерзавца казнили?

– О да, – подтвердила Адельхайда с какой-то пренебрежительной усмешкой. – Как и принято по закону: сварили в кипящем масле... К слову, Ваше Величество, по моему личному мнению, это бессмысленное расточительство – человека, нанесшего ущерб государственной казне, казнить способом, столь разорительным для региональной казны, платящей налоги в казну государства.

– Коли уж региональные власти не уследили за преступником в собственных владениях – пусть за это расплачиваются, – отмахнулся Рудольф нетерпеливо. – Так к чему в вашем повествовании сей гравер?

– Сей гравер, мерзавец, как рассказывали мне горожане, присутствовавшие на казни, до последнего кричал о том, что его подставили.

– Не вижу ничего удивительного.

– Разумеется, это не редкость, – согласилась та, – однако же, он не утверждал, что полностью неповинен, что оттиска не делал, что его подбросили или нечто в таком духе; он, Ваше Величество, всего лишь говорил, что виновен не один он. Что работа была им выполнена не по собственному почину, а по указанию некой личности, за эту работу ему заплатившей. Дальнейшие расспросы показали следующее. Со слов гравера, с ним связался некто, за весьма солидную плату сделавший этот противозаконный заказ. Причем, когда оттиск был почти уже готов, заказчик заплатил вторично и велел сделать еще один. Закончив первый, гравер получил свои деньги и приступил ко второму, и вот тут-то на него и был написан донос. Власти Майнца махнули на его слова рукой, но, по моему мнению, складывается следующая картина, Ваше Величество: вторая форма была заказана лишь для того, чтобы над ее изготовлением его и застигли, дабы был повод избавиться от соучастника. Насильственная смерть – штука в любом случае подозрительная, да и в исполнении сложная, а городские власти сделали всю работу сами, причем явно, открыто и легитимно.

– Боюсь предположить, – проговорил он мрачно, – однако, раз уж речь у нас с вами, госпожа фон Рихтхофен, идет о тайных грешках Его Преосвященства фон Нассау, логика подсказывает, что заказчиком, по вашему мнению, был архиепископ. Я верно понял ваш «*Exordium*»?²⁸

– Вполне, – кивнула Адельхайда серьезно; он нахмурился:

– Доказательства этому у вас имеются? Не скажу, что меня подобная новость ошеломила бы, что в моих интересах ратовать за обеление доброго имени сего священнослужителя, однако подобное обвинение – не шутка, и свидетельства должны быть вескими.

– Я не стала бы с таким победоносным видом сообщать вам о своих достижениях, не будь у меня таковых, Ваше Величество. Разумеется, доказательства у меня есть, и весьма убедительные. И это – кроме его собственного признания.

– Вот она, кульминация, – напряженно констатировал Рудольф. – Я бы сказал, что у меня захватывает дух от услышанного. Архиепископ Майнца – фальшивомонетчик! Господи, какой шикарный получился бы судебный процесс... Продолжайте, я слушаю вас, госпожа фон Рихтхофен. Как вы его раскрыли?

– Откровенно говоря, это было несложно, – передернула плечами та. – В своем поместье Его Преосвященство возжелали выстроить вторую кузню, причем, по слухам, в отдалении от прочих хозяйственных построек. Работа в ней не кипит днем и ночью, лишь несколько часов пару раз в пару недель, и кузнец был привезен им нарочно для работ именно в этой второй кузне. Для чего она понадобилась ему, если даже и первая дымит лишь от случая к случаю, а торговлей кузнечными товарами архиепископ не занимается?

– Как вы все это узнали?

– Выпить и поболтать, Ваше Величество, любят не только суровые наемники и обшарпанные конюхи – женская часть замковой обслуги также не прочь провести свободный день в трактире в компании такой же отдыхающей. Особенно когда платит отдыхающая.

– Кузня... – повторил Рудольф задумчиво. – И все? Это единственные найденные вами следы совершенного им... м-м... преступления?

---

²⁸ Вступление, начало речи (лат.).

– *Expressa sceleris vestigia*²⁹, – возразила она. – И не забывайте о признании. И в конце концов, ведь я сказала же вам, что он готов к сотрудничеству? Неужто господин архиепископ сдался бы, если б против него не было собрано доказательств явных и неоспоримых?.. Да, Ваше Величество, кузня. Я осмотрела ее. В ней все необходимые приспособления для печати талеров, включая довольно мастерски сооруженный пресс, где и укреплена изготовленная майнцским гравером форма.

– Любопытно было бы узнать, сколько фальшивых талеров этот пройдоха успел выбросить в обращение.

– Строго говоря, – возразила Адельхайда, – изготавливаемые им талеры не являются в полной мере фальшивыми. Серебро в монетах настоящее и даже ничем не разбавленное. Он просто преобразовывал одни денежные знаки в другие, подгоняя по размеру и весу и меняя оттиск.

– В таком случае не наградить ли мне его в довесок? – мрачно усмехнулся Рудольф. – Он избавил меня от расходов, связанных с печатанием очередной партии. Даже взял на себя обеспечение материалом... Вы сказали – кузня была вами обыскана? Как?

– О, Ваше Величество, – улыбнулась та легкомысленно, – замковые стены вовсе не столь неприступны, как предполагается, и проникнуть за них – задача вполне исполнимая.

– Вы тайно пробрались в охраняемое имение архиепископа? – недоверчиво уточнил он. – Я ко многому в вас привык, однако...

– Я, – вздохнула Адельхайда снисходительно, – могу войти и в Карлштейн так, что ни ваша стража, ни вы меня не увидите, и, поверьте, это не так уж сложно.

– Верю, – с внезапным унынием согласился Рудольф, припомнив вдруг, что, помимо морального облика майнцкого архиепископа, намеревался обсудить по завершении ее доклада. – Как я понимаю, получив доказательства его вины, вы пришли к нему уже открыто, припугнув оглаской?

– Ну что вы, Ваше Величество, я не имею к этой истории с шантажом никакого отношения. Я милая и общительная вдова со связями, доставшимися от покойного супруга, способная оказать помощь в покупке домика или продаже земли. Господин фон Нассау благоволит ко мне и уже полагает меня своей доброй знакомой... Нет. У меня есть особый человек для подобных дел – мое недавнее приобретение. Милый юноша представительной внешности, способный говорить обо всем и со всеми. Невероятный талант. Если вы просветите его в некоторых вопросах, связанных с обсуждаемым предметом, он будет не менее часу поддерживать с вами разговор на эту тему, не имея о ней тем не менее ни малейшего понятия – всего лишь путем перефразирования ваших высказываний или перевода их же в вопросительную или восклицательную форму. Родись он в ином сословии, из него вышел бы превосходный политик... Сей юноша и был послан к Его Преосвященству. На разговор ушло, замечу, куда меньше часа – господин архиепископ сдался на первых же минутах, когда ему внятно разъяснили, что убиением гостя проблемы не решить и сотрудничество с блюстителем трона Империи на благо оной есть наилучший выход. Тем паче что человек, работающий с прессом в его кузне, без вести пропал в надежное тайное место, вкупе с серебряными заготовками и еще кое-какими мелочами из упомянутой кузни.

– Свидетельство какого-то ремесленника против слова архиепископа... – с сожалением проговорил Рудольф, вздохнув. – Увы, имперский суд состоит не из одного только Императора, и прочим его заседателям понадобится нечто более весомое. Равный свидетельствует о равном, и преступить это уложение до сей поры редко удавалось, разве что в случаях чрезвычайных.

---

²⁹ Очевиднейшие следы преступления (лат.).

– Вроде подделки имперских денег, – подсказала Адельхайда услужливо. – Да, возможно, подобных процессов еще не бывало, однако и такого понятия, как государственная монета, тоже не существовало прежде. Отличный повод издать новый закон, Ваше Величество. Тем паче что Его Преосвященство полагает, будто законопроект у вас уже в активной разработке. Думаю, это легко будет сделать, не вступая в противоречие с положениями уже изданных законов, указов, булл или хартий вас самого или ваших предшественников, – напротив, это будет логичным их продолжением.

– Ваш свидетель впрямь в надежном месте, госпожа фон Рихтхофен? Не исчезнет, не отдаст внезапно Богу душу по неясным причинам?

– Если желаете, могу передать его на хранение вам, – предложила она, и Рудольф качнул головой:

– Скверная идея. Если вы и в самом деле способны спрятать вот так человека – не желаю даже знать, где именно, а уж тем более брать его под собственный надзор. Здесь я не верю никому.

– Все настолько плохо? – с сочувствием уточнила та, и он вздохнул снова:

– Увы.

– Он в надежном месте, – кивнула Адельхайда уверенно. – И может быть предоставлен вам по первому слову, на доставку потребуется несколько дней. Давать показания он будет искренне и без препирательств – казнь гравера он видел тоже, и решение при выборе между такой судьбой и хотя бы виселицей кажется ему очевидным... Что-то не так? – уловив на себе его пристальный, изучающий взгляд, поинтересовалась она, и Рудольф невесело усмехнулся:

– Нет, госпожа фон Рихтхофен. Все так. Как и всегда, если за дело беретесь вы. Просто вдруг пришла в голову мысль – а не мало ли я вам плачу?

– Мне хватает, – коротко улыбнулась Адельхайда. – Но если вы опасаетесь, что я могу продать вас вашим злобным тайным недругам, Ваше Величество, и, по вашему мнению, вас обезопасит увеличение моего финансирования, я, наверное, возражать не стану. Эти портнихи в последнее время до чрезвычайности обнаглели с расценками.

– В одном вы правы, оплата ваших услуг – это лишь пара новых платьев. Или хорошо выполненное украшение... Вы не вышли замуж вторично, не обзавелись семьей, и сколотить состояние на такой службе вам не удастся. Вы посвятили мне десять лет жизни; почему?

– С вашего позволения – не вам, Ваше Величество, – возразила та уже серьезно. – А вашей Империи. Моей Империи. Я желаю жить во вполне определенном государстве, и мое о нем представление соответствует вашему. Я лишь прилагаю все возможные усилия к тому, чтобы мое желание исполнилось.

– Такой патриотизм пугает, – заметил Рудольф. – А если, по вашему мнению, я задумаю сделать что-то, противоречащее благу Империи и ее будущему, каким вы его видите? Что будет тогда?

– Ничего подобного вы не сделаете, – убежденно вымолвила Адельхайда. – Нарочно – никогда. А если в вашу голову вдруг взбредет какая-нибудь глупость, вас переубедят – не конгрегаты, так я.

– Вы само очарование, госпожа фон Рихтхофен, – усмехнулся он. – Даже воображать не хочу, каково мне было бы, будь вы на другой стороне... Хорошо, – подытожил Рудольф, вновь посерьезнев. – Майнцкий курфюрст – это большая победа: на любых выборах именно его голос решающий, и теперь голос этот – мой. Стало быть, руки у меня уже много свободней, и против меня лишь двое – саксонский герцог и архиепископ Трира. Но неизвестно, какое место занимает темная лошадка – бранденбургский маркграф...

– Он же ваш брат, Ваше Величество. И без вашего покровительства он не получил бы ни пяди земли, не говоря о курфюршестве...

– ...какое было ему дано лишь для того, чтоб в нужный час иметь в нем союзника, – отмахнулся Рудольф. – Он не имеет на сей счет никаких иллюзий – у нас с Йоханом никогда не было семейной теплоты в отношениях. Остается надеяться на то, что у него хватит ума не выставляться, не в его это интересах: стоит лишь императорскому престолу перейти в иные руки – и он вылетит из Бранденбурга со свистом. Хорошо, если живым.

– Полагаю, он должен это понимать.

– Что он может понимать; ему двадцать три – мальчишка! – и я не знаю, чего ждать от него. Почти уверен, что удара в спину.

– Отчего же столь мрачно, Ваше Величество?

– Есть причины так думать, – отозвался он хмуро и, помедлив, нехотя закончил: – Они с Зигмундом от одной матери... Йохан полагает, что это я повинен в его гибели. Он ни разу этого не сказал прямо, но я знаю, что это так, и боюсь, что в решающий момент эмоции и желание свести счеты могут перевесить доводы разума. Кроме того, он боготворит отца и тихо презирает меня за доставшуюся мне немалую часть немецкой крови. Смешно, – сумрачно усмехнулся Рудольф. – Здесь мне каждый ставит на вид мать-немку, в Германии – отца-богемца. Знаете, «Саксонское зеркало» вообще отказывало богемскому королю в праве голоса при выборах Императора – «потому что он не немец»?

– Знаю, Ваше Величество.

– Всего-то сто с небольшим лет назад. И вот – богемец на троне; какой удар по самолюбию... К слову, вам-то самой не претит служба «ннемец»?

– Хоть мавру, – фыркнула она. – Если он будет царствовать во благо моей страны. Если же чистокровный германец станет вытворять что-то, что пойдет ей во вред, – я же первая создам заговор с целью его устранения. Управление государством – не собачья случка, и чистота породы здесь не самый важный *factor*.

– Всем бы такую терпимость... – буркнул Рудольф тихо. – Надеюсь, когда придет время Фридриха, все мои злопыхатели запутаются в кровавых подсчетах и наконец махнут рукой. Главное здесь не ошибиться в выборе невесты; уж это должен быть самый немецкий род на белом свете. И влиятельный.

– Как успехи Его Высочества? – мягко поинтересовалась Адельхайда, и Рудольф, помедлив, вздохнул, неопределенно поведя плечами:

– Жив. И здоров. По крайней мере – был жив и здоров четыре дня назад, когда было написано последнее письмо. И, что самое удивительное, ему там даже как будто нравится...

– Вы осунулись, – заметила она, и Рудольф поморщился:

– Благодарю за откровенность.

– Тревожитесь, – констатировала Адельхайда убежденно. – Хотя и прежде вы расставались, и надолго.

– Да, приходилось, – согласился он с неудовольствием. – Я в последнее время все больше в разъездах – вы же сами приносили мне слухи, что мое соседство не приведет к добру. Кажется, меня намеревались вовсе сместить за долгое непосещение германских земель, если я не ошибаюсь?... Посему и Фридрих не постоянно в Карлштейне; боюсь, но отпускаю. Должен же он видеть и знать страну, которой, если Бог даст, доведется править, иначе он так и останется чужаком со славянских окраин. Приходится отпускать. И, думаю, еще не раз придется.

– Так в чем же дело на сей раз?

– На сей раз я не знаю, где он. На сей раз он в руках людей, которые не подчиняются мне; пяток телохранителей не в счет.

– Но вы же выбрали лучших, верно?

– Ульбрехт со своими людьми, – коротко пояснил Рудольф, и та понимающе и одобрительно кивнула. – Но все-таки душа не на месте.

– Многие знают о том, где Его Высочество на самом деле?

– Кое-кто, – неохотно отозвался он, и Адельхайда укоризненно качнула головой:

– Напрасно. Не стоило бы говорить никому.

– Быть может, и вам? – усмехнулся Рудольф; та пожала плечами:

– Быть может, и мне, хуже бы не стало. *Nulli tacuisse nocet*, Ваше Величество, *nocet esse locutum*³⁰.

– Такие сборы не проведешь всецело в тайне, – возразил Рудольф. – Кого-то приходится посвящать в происходящее; но это самые доверенные.

– Вы, как будто, сказали, что не верите здесь никому, – напомнила она строго. – Выходит так, что вы опасаетесь препоручить вашим придворным тайну майнцского архиепископа, но не побоялись доверить жизнь Его Высочества.

– А вы не боитесь меня отчитывать, – чуть оскорбленно заметил Рудольф, и она, не запнувшись, кивнула:

– Так ведь больше некому. А без конструктивной критики правитель теряет зубы, чахнет и слабеет, как старый волк, посему, Ваше Величество, повторю еще раз: напрасно. Сколько точно человек знают о его пребывании там?

– А не последовать ли мне вашей рекомендации, госпожа фон Рихтхофен, и не отказать ли вам в ответе?

– А правитель, идущий на поводу у чувств, слабеет и того скорее.

– Я это заметил, – пробормотал он чуть слышно и, помешкав, выговорил: – Трое. И, разумеется, Ульбрехт. То есть, если с Фридрихом что-то случится, я буду знать, с кого снимать головы... Однако ж хорошо, что сейчас его нет здесь, – кивнул Рудольф, встряхнувшись, словно сбросив что-то холодное и мерзкое, прилипшее к спине. – У Фридриха есть скверная привычка вмешиваться в мои дела; похвальная тяга к государственной деятельности, тем не менее в эти дни она была бы некстати. Если бы конгрегаты не подвернулись так вовремя, я снова отправил бы его прочь, куда-нибудь в Центральную Германию в какой-нибудь пфальц.

– Итак, – осторожно констатировала та, – судя по всему, меня ожидает очередное дело. И, похоже, сложное?

– Причем весьма, госпожа фон Рихтхофен.

– Я видела Великого Магистра уезжающим; не в нем ли дело?

– О нет, как раз здесь все прошло гладко, я даже, признаюсь, не ожидал столь простого разрешения. Он согласился на все. Почти без дискуссий. Однако событие, из-за которого я хотел бы задержать вас в Карлштейне, связано с делом, и очень тесно... Карта, – понизив голос еще больше, пояснил Рудольф. – Оригинал карты Винланда, хранящийся у меня.

– Неужто похищен? – тоже внезапно заговорив тише, переспросила Адельхайда, и он нервно дернул плечом:

– Вы почти попали в точку. Карта была бы похищена, если бы я не сохранял ее в месте, неведомом никому, кроме меня самого; о том, где она, я не говорил ни одной живой душе – в полном соответствии с вашими воззрениями, даже вам.

– И не говорите, – согласилась Адельхайда. – Впредь тоже. Итак, была попытка похищения. Кто совершил ее?

– А вот этого я не знаю, – хмуро отозвался Император. – Кто-то вошел в замок, как вы в архиепископское имение, – так, что никто его не видел, не слышал, не заметил. Кто-то прошел мимо стражи по коридорам. Кто-то перерыл сокровищницу, ничего не взяв.

---

³⁰ Никому не вредит молчание, вредит болтливость (лат.).

– Здесь, в Большой башне? – недоверчиво уточнила она. – Вскрыв четыре железные двери с мудреными замками? Напрасно вы сравнили это деяние с моим походом в замок фон Нассау. Такое, думаю, не под силу даже мне... Неужели стража не заметила совсем ничего?

– Те, кто выжил, – нет. А у тех двоих, что остались лежать заколотыми, спросить теперь уже не сложится. Я не обучался у конгрегатских наставников ведению дознаний, однако ведь я не мальчик и убитых видел много, по-всякому принявших смерть, посему могу вам сказать точно, госпожа фон Рихтхофен: тот, кто убивал их, стоял рядом, и они не оборонялись. Вывод относительно всего сказанного я тоже могу сделать сам: действовал кто-то свой. Кто-то, кого они знали. Кому верили. Или...

– Да, Ваше Величество? – поторопила она осторожно, когда Рудольф запнулся, и он договорил не слишком уверенно:

– Или были задействованы для проникновения люди, способные отвести глаза. В дословном смысле. В том самом, какой подразумевают наши конгрегатские друзья. Стража императорского замка, госпожа фон Рихтхофен, – это не городская солдатня, и я просто не могу себе представить, чтобы сколь угодно тренированный шпион мог вот так просто пройти по коридорам мимо них. Разумеется, они не стоят на каждом повороте, однако ведь Большая башня – это не пустынный лес, и попасть к сокровищнице, обойдя охрану, просто невозможно. Физически невозможно.

– Боюсь, я соглашусь с вами, – задумчиво вымолвила Адельхайда. – Вам не приходило в голову попросить у Конгрегации помощи? Ведь это по их части.

– Нет, – довольно резко отозвался он. – Это исключено.

– И тому есть причины, как я понимаю?

– Что-то в этом роде. При нашей недавней беседе с кардиналом мы с ним... – Рудольф замялся снова, подбирая слова, и не сразу закончил: – слегка повздорили. Я не сдержался и высказал многое из того, что накопело. В частности, обвинил Конгрегацию в попытке сделать из меня безвольную марионетку.

– О.

– Да, – скривился он. – Именно. Предполагаю – оригинал, а не копию карты конгрегаты отдали мне именно для того, чтобы показать, что доверяют мне и ставят все-таки чуть выше куклы. И, быть может, проверки ради. И что же теперь выходит? Выходит, что я не способен самостоятельно справиться с такой задачей, как сохранение в неприкосновенности клочка пергамента. Что при малейшем затруднении побегу к ним с просьбами о помощи. Кроме того, история вдвойне щекотливая: я могу оказаться в положении не слишком приятном, если выяснится, что малефики здесь ни при чем. Поднять шум, жалуюсь на происки колдунов и ведьм, а в результате узнать, что все просто и примитивно – измена близких, и ничего более... Еще не позор, но точно унижение. А в глазах конгрегатов – так еще и слабость.

– Понимаю, – согласилась Адельхайда со вздохом. – Но если здесь замешано нечто сверхобычное... Я не склонна недооценивать себя, однако и переоценка своих сил также может выйти боком; и я не уверена, что сумею одна противостоять таким людям.

– Если выяснится достоверно, что мы имеем дело с ними – я обращусь в Инквизицию, для того они, вы правы, и существуют на свете, – кивнул Рудольф. – Но я должен точно знать, что не окажусь в положении мальчика, кричащего о волке. Понимаю, что на сей раз я прошу вас связаться в предприятие, опасное для жизни, но более мне довериться некому.

– А наследника доверили, – снова упрекнула она и, не дав ему возмутиться, кивнула: – Хорошо, Ваше Величество. Я останусь в Карлштейне и постараюсь разобраться с этой проблемой. Если это предательство простого смертного, я найду его вам...

– ...и наши внутренние проблемы мы разрешим спокойно и без лишнего шума. Думаю, в этом случае Конгрегации знать о происшествии будет вовсе ни к чему.

Глава 3

Сентябрь 1397 года, Германия

Альфред Хауэр встретил их во внешнем дворе, у самых ворот. Такого прежде не бывало; прежде Курт, прибывая в учебку, миновал пустое пространство меж наружной и внутренней стеной под взором привратного стража и лишь там, за вторыми воротами, старший инструктор выходил к нему с видом совершаемого им великого одолжения. Сегодня же Хауэр вышел навстречу с нетерпением, которое даже не тщился скрывать, и уточнил, пытаясь увидеть ответ в лицах заранее:

– Как он?

– Плохо, – коротко отозвался Бруно.

Наверное, редко случались в лекарской практике ситуации, когда откликом на такие слова был облегченный вздох; быть может, за исключением обстоятельств, при коих вопрошающий являлся единственным наследником состоятельного родича. При всей парадоксальности подобной реакции, в настоящем случае все же была вполне понятная логика: человек, который может еще иметь хоть какое-то самочувствие, вполне определенно жив.

– Ясно, – кивнул Хауэр и встряхнулся, словно оказавшийся под внезапным дождем пса, кивком призвав идти за собою. – Теперь к делу.

Этого тоже не случалось до сего дня. Старший инструктор конвоировал Курта в выделенную ему комнату на втором этаже каменного строения лишь в его первое появление в тренировочном лагере. Впоследствии после краткого приветствия раздавалось столь же краткое напутствие – как правило, нехитрое «пошел», сопровождаемое тычком в спину, – и Курт направлялся в уже привычное обиталище один. Об этом не говорилось явно, но *de facto* это было жестом крайнего доверия: кому попало разгуливать по корпусу бывшего монастыря не дозволялось. Майстер инквизитор, надо сказать, доверием не злоупотреблял, в попадающиеся на пути лестничные извивы не сворачивал и в темные недра сторонних коридоров не заглядывал. Наверняка вздумай он напрямую попросить, Хауэр дозволил бы ему и это, однако основательных причин к тому пока не возникало, а любопытство, как и многие человеческие чувства, уже через сутки пребывания в этих стенах улетучивалось без остатка.

Сегодня Хауэр, все так же впереди, не оборачиваясь, дошел с вновь прибывшими до самой двери комнаты и, ступив внутрь, остановился, всем своим видом говоря, что распрощаться и уйти не намерен. Собственно, чего-то подобного Курт и ожидал, однако привычно недовольное, но непривычно серьезное лицо инструктора пробуждало к жизни мысли настоящие и неприятные.

– Что-то произошло, – подсказал Бруно, когда молчание затянулось, а попытки Хауэра заговорить стали вызывать почти сострадание.

– Типун тебе на язык, святой отец, – огрызнулся тот, опустившись на нехитрый трехногий табурет у пустого стола, и Курт с помощником, помедлив, уселись напротив. – Я полагаю, вам загодя растолковали, что к чему.

– В общих чертах – да, – согласился Курт, гадая, чем может обернуться очередное заурядное командирование в учебку. – Отец Бенедикт не позволил нам остаться в академии подле него, потому что, по его мнению, мы должны быть здесь. Насколько мне известно, в лагере находится кто-то, с кем мы непременно должны свести знакомство. Кто, для чего и чем это грозит – нам не известно. Что – очередной дознаватель, жаждущий совместного расследования, или какое-нибудь ценное юное дарование?

– Что-то вроде, – хмуро согласился Хауэр и, вздохнув, пожал плечами: – Ну, в этом, пожалуй, есть свой резон: одному Богу известно, что могло приключиться в дороге, посему чем меньше знаешь, тем лучше.

– В целом мир стабилен, – отметил помощник. – Ваше основное *credo* неизменно. Это обнадеживает.

– *Credo* при службе в Конгрегации наилучшее. В идеале, даже представ перед Господом на последнем суде, на любой Его вопрос тебе лучше иметь только один ответ: «понятия не имею».

– Как тебя начальство терпит по сию пору? – усмехнулся Курт. – С кой-какими твоими сентенциями тебе бы прямая дорога к покаянному столбу *ad minimum*. Даже предположить боюсь, встречу с кем ты нам уготовил; воображение рисует картины одна другой еретичнее.

– Единственный сын главного еретика Германии; как тебе такая встреча?

– Отыскалось его внебрачное чадо? – кивнув на свое начальство, уточнил Бруно; Курт покривился:

– Очень смешно.

– Я мог бы зайти издалека, – продолжил Хауэр, – ошарашив вас внезапной новостью в итоге своего повествования, но каким образом доставить себе удовольствие увидеть ваши ошалевшие физиономии, я еще придумаю. Наследный принц Фридрих фон Люксембург изволил посетить тренировочный лагерь Конгрегации.

– Иными словами, – закончил Курт спустя недолгое молчание, – Император как дальновидный правитель не захотел упустить возможность увидеть тайное учреждение его сособравных союзников изнутри. Хоть бы и глазами сына... А также своих людей?

– Разумеется, – с недовольством, которого даже не пытался скрыть, кивнул инструктор. – С ним прибыла пятерка бойцов. Из личной стражи, лично отобранные доверенным лицом Его Величества.

– И вы впустили сюда чужих? – усомнился Бруно.

Хауэр бросил в его сторону взгляд, весьма далекий от благожелательного:

– А у меня был выбор? И без того торг шел беспощадный, и пятеро – тот предел, которого я сумел-таки достичь. А ты, Гессе, я смотрю, не удивлен.

– Не слишком, – согласился Курт, монотонно перечислив: – Здоровьем отца Бенедикта ты был озабочен не более минуты. Дозорный у ворот выглядит так, словно ты лишил его завтрака, ужина и сна. Примерно то же выражение лиц у кое-кого из братии внизу, в основном лагере... Да, можно сказать, что нечто подобное я и ожидал услышать. Кому принадлежала идея прислать сюда наследника?

– О, это история увлекательная... – не сдержал ухмылки Хауэр. – На одной из императорских пирушек юный Фридрих надрался до потери разума, вывалил блюдо с горячим на вельможу не последнего ранга, ухватил за непотребное место его дражайшую дочь и вообще устроил из унылых посиделок развеселое гулянье. Наутро Император высказал отпрыску все, что он думает о моральном облике онога, а вскоре во всеуслышание приговорил его к полугодовому покаянию в отдаленном монастыре. Двор впервые за долгие годы был со своим правителем почти всецело единодушен. Но самое любопытное заключается не в этом. Мысль о посещении нашей учебки созрела в голове и самого наследника – еще до означенного пиршества. Знал он также и о том, насколько она засекречена. Понимал, что объявить о своем туда отъезде он не может, так же как и не может наследник трона просто неведомо куда исчезнуть на неведомое время.

– Полагаете, – предположил Бруно, – что непотребство на пирушке было им разыграно? Прикрытия ради?

– Он почти что сказал мне это открыто, – многозначительно кивнул инструктор; Курт недоверчиво хмыкнул:

– Eia³¹.

---

³¹ Ого (вот как; ух ты и пр.) (лат.).

– Кроме того, как вы думаете, откуда я, безвылазно сидящий в этом монастыре уже несколько лет, знаю эти подробности? Откуда бы мне знать, что мысли эти в нем возникли после бесед с придворным капелланом, очень уж тепло отзывающимся о Конгрегации?

– Парень или полный идиот, – качнул головой Бруно, – или весьма неглуп. Или честно не соображает, что творится вокруг него, или норовит играть.

– И что, по-твоему, ближе к истине?.. Вот так-то. Учтите это на будущее.

– Ну, – передернул плечами Курт, – мы ведь именно на это его и натаскивали – думать. В правильном направлении.

– Дельное замечание, – усмехнулся Хауэр и вздохнул уже серьезно: – Парню пятнадцать. Кто угодно другой в таких летах может пребывать в невежестве и беспечности, но будущему Императору – зазорно. Ему предстоит управлять огромной страной и кодой рыцарей, а еще держать спину прямой перед немалой оравой конгрегатских служителей, которым уже теперь многие из господ рыцарей и хваленой личной стражи в подметки не годятся. Ему в недалеком будущем вести в бой свои войска; а только слепой и глухой не понимает, что этим все и должно кончиться рано или поздно – и скорее рано. У него впереди жизнь, в которой надо будет уметь не только правильно кланяться и в нужной пропорции отмерять почтение в тоне при словах «многоуважаемый собрат король».

– Остается надеяться, – заметил помощник многозначительно, – что он руководствовался именно этими соображениями, напрашиваясь сюда, а не его венценосный батюшка перехватил его у нас, покуда мы тешили себя горделивыми помыслами о том, как удачно и успешно взрастили змею на императорской груди.

– И это при беседах с ним тоже надо учитывать.

– А какова наша роль в этих беседах? – с неудовольствием осведомился Курт. – Мы здесь к чему? Кто-то решил, что у нас нет иных дел?

– Ну, полагаю, скажи я, что пара некромантов подняла Альберта Майнца, ты наверняка рванул бы через всю Германию, бросив дела, дабы это увидеть.

– С парой ордеров в сумке, – согласился он; Хауэр снисходительно отмахнулся:

– Брось. Некромантов, само собою, воздвиг бы на костер, а вот оживленному вцепился бы в глотку и не упокоил бы, доколе вдоволь не насладился б обществом своего кумира... Помнишь, Гессе, несколько лет назад я сказал тебе, что ты становишься не последним человеком в Конгрегации? Так вот тебе новость, Молот Ведьм: ты им стал. Наследник – неглупый парень, придворная жизнь вбила в него толику смышленности, а мы – разумности, но ему всего лишь пятнадцать, он в душе всего лишь мальчишка, и его знакомство с тобой – использование им своего служебного положения в личных целях. Думаю, если б Конгрегация наладила выпуск гобеленов с твоим ликом, один такой точно висел бы в его покоях. Где-нибудь между изображениями царя Ирода и Александра Великого.

– Ну а я-то на что? – вздохнул помощник.

– А ты, Хоффмайер – где-то между Блаженным Августином и Христом. И ты – следи за тем, что говоришь, даже больше, чем Гессе. Пусть ты к блюду «легенда Конгрегации» лишь приправа, на твоём месте я был бы готов к сердечным беседам о вере, святости... и ненароком – о секретах твоего начальства; ты служишь с ним вместе почти девять лет, и кого надо разводить на задушевность, дабы вызнать его тайны? Будь в его биографических откровениях осмотрительней.

– Я уж поберегу неокрепшую юношескую психику, – кивнул Бруно с усмешкой. – По сану полагается.

– Предписания сверху есть? – уточнил Курт. – Я должен сделать, сказать, добиться чего-то конкретного?

– Ничего. Судя по всему, руководство полагает, что твои скромные мыслительные способности вполне могут совладать с ситуацией самостоятельно. От себя могу сказать – не

напирай. Направлением парня на верный путь занимаются люди потолковей тебя; отвечай на вопросы, будь приветлив, учтив и приятен в общении.

– Вы ни с кем его не спутали? – усомнился Бруно; инструктор нахмурился:

– Без шуток. Если он разочаруется в тебе, Гессе... Разочарования в Конгрегации, само собою, не совершится, однако общее представление будет несколько подпорчено. Вывернись через задницу, но наследник должен влюбиться в тебя всеми фибрами души. Боготворить. Обожать, как родного отца.

– Вот это как раз и было бы нежелательно... Да я как будто не умственно убогий, – заметил Курт, когда инструктор еще суровой сдвинул брови. – Уж по меньшей мере способен отличить допрос от беседы с наследным принцем.

– Надеюсь, – с нескрываемым скепсисом отозвался Хауэр. – Переведите дух. Отдышитесь с пути; даю полчаса.

– А кормить нас сегодня не намерены?

– Кормежка – в обществе наследника, в его комнате. Не делай мечтательные глаза, Гессе: в пищу наш гость употребляет все то же, что и мои парни, и ты, и я сам; никаких изысков ради его появления не предусмотрено. Он желал испытать бытие лагеря зондергрупп – он его получил. И к слову. Эта твоя поездка сюда задумана по большей части именно ради того, чтобы показать тебя наследнику, и основное время вы, разумеется, будете проводить подле него, за его столом или где ему вздумается – словом, там, где этого будет требовать дело. Но. Не думайте, что я вот так просто позволю вам прохладиться. Закончив разговоры, вы будете уходить на плац, отобедав с ним – растрясать жирок на пробежке. Это не мешает ни тебе, Гессе, ни в особенности святому отцу, который по году не кажет сюда своего ученого носа. Бездельничать вы не будете.

– Не сомневаюсь, – вздохнул помощник, и Курт чуть повысил голос, помешав инструктору высказать свое мнение относительно подобных сетований:

– А что наследник? Его ты и впрямь намерен ознакомить со всеми теми прелестями жизни, что выпадают на долю твоих воспитуемых? Ты ж убьешь парня.

– И медяк ему тогда цена как будущему главному воину державы, – буркнул Хауэр, тут же отмахнувшись: – Нет, само собою. Для него я продумал распорядок попроще, учитывая возраст, степень его умений и прочее... Должен сказать, за те два месяца, что он провел здесь, успехи он сделал весьма внушительные; я, разумеется, не говорил этого ему, но скажу тебе. В одном парню не откажешь: распоряжения он исполняет четко, с указаниями не имеет дурной привычки спорить, выкладывается, как может, и старается искренне. Какие бы планы ни роились в его голове, наши, императорские или его собственные, одно точно: пребывание здесь он использует не только для любования альпийскими красотами и услаждения горным воздухом, но и по прямому назначению в первую очередь.

– Это повод.

– Какой?

– Гордиться будущим Императором, – пожал плечами Курт. – Или насторожиться. Собственно, одно другому не мешает... Я, несомненно, рад успехам юного наследника, однако меня более тревожит другой вопрос: ты уверен, что удалось сохранить нужную степень закрытости при исполнении всей этой суеи? Пойми правильно, Альфред, до сего дня даже о самом существовании этого лагеря не знала ни одна живая душа из посторонних, и...

– Это просто-таки плевок мне в морду, – оборвал Хауэр. – Полно тебе, Гессе, неужто ты думаешь, что старший инструктор зондергрупп озабочен этим вопросом менее тебя?

– Нет, я думаю, что твоя обеспокоенность любыми проблемами сдаст позиции перед императорским напором – потому что, как ты сам заметил, у тебя просто не будет выбора. В моем воображении рисуется ужасающая картина: толпа оруженосцев и дядек в сопровождении грохочущего рыцарского воинства, окруженного глашатаями и музыкантами. Вколо-

титель в мозги некоторых личностей мысль о том, что нечто подобное вовсе не означает «скрытое перемещение», порой бывает весьма сложно.

– Мы были в шаге от этого, – покривился Хауэр. – Но тут, Гессе, ты плюешь уже в морду руководству. Наверху, чай, сидят люди не глупей тебя, и кому урезонить императорские замашки – тоже нашлось... Да, увы, сохранить полную секретность не удалось; не знаю деталей, но уверен, что это так. После тех посиделок и устроенной принцу взбучки наш капеллан высказал мысль о том, что пребывание наследника в учебке Конгрегации пойдет ему на пользу как в смысле духовном, так и в физическом. Император поначалу уперся – наверное, не сразу сообразил, куда его приглашают и что он с этого мог бы иметь.

– То, что ты говоришь сейчас, известно уже не со слов парня?

– Это уже наша информация, – кивнул тот. – Кое-что мне все-таки вкратце изложили, дабы я был в курсе сложившихся обстоятельств.

– И? – поторопил его Бруно. – Что же или кто убедил его?

– Чудо, – просто отозвался Хауэр. – Была устроена демонстрация навыков, которые предлагалось постичь царственному отпрыску – совершенно случайно неподалеку как раз оказалась зондергруппа, буквально в дне пути.

– Случайно, – повторил Курт. – И в самом деле, не иначе как чудо Господне.

– Промысел Божий, – согласился инструктор, не дрогнув лицом. – Зрелище было на уровне лучших рыцарских сказаний. Келлер предложил выставить пару любых мордворотов из императорских вояк на выбор, с которыми в бою сойдется даже не он (к лицу ли такая ерунда шарфюреру? *Aquila non captat muscas*³²), а рядовой боец, состоящий в зондергруппе чуть более пары лет.

– Мордвороты целы? Или хотя бы живы?

– Не возводи поклеп, Хоффмайер, уж за этим следили с тщанием; не хватало еще заводить врагов среди императорской стражи... Живы. И при конечностях. Ну, морально попораны и, возможно, не вполне здоровы, но они парни крепкие, не страшно. Главное заключается в том, что цель была достигнута. То ли Его Величество заинтересовался явленными умениями, то ли до него с запозданием дошло, наконец, в какое святая святых приглашают его чадо, то ли иное что, но – вот, принц здесь. Поначалу – да, ты прав, предполагалось, что он направится в нашу тайную обитель едва ль не под фанфары, в окружении штата охраны, прислуги и Бог знает кого еще, быть может, и обозных девок, не знаю, что там пришло в голову нашему правителю; и здесь сил и велеречия пришлось приложить уже поболее. В идеале – полагалось бы отослать парня в сопровождении пары зондеров и не мозолить людям глаза; но кто же отпустит единственного престолонаследника в неведомые дали в компании двух головорезов? Император и не отпустил.

– И его сложно не понять, – заметил Бруно. – Если с принцем приключится несчастье... Он вдовец, других сыновей нет; нет даже, на худой конец, дочери, дабы продолжить укрепление его начинаний хотя бы так, *indirecte*. Это – даже если не допускать в Императоре элементарных человеческих чувств, среди которых не последнее место занимает странное нежелание видеть свое потомство убитым.

– Он прекрасно знает, – хмуро возразил Хауэр, – что для Конгрегации его детище не менее ценно, чем для него самого. Если какая напасть – Келлер, не задумавшись, положит половину группы, но сохранит ему жизнь, и для того, чтобы понять это, не надо иметь простодушного доверия и упования на благочестие конгрегатских служб, для этого надо осознать простую вещь: нам нужна благосклонная императорская династия не меньше, чем ей – лояльная Церковь... Ну, да Бог с ним. Образумить его в некотором роде все же удалось, и мы нашли некий *compromissum*. Наше предложение он оспорил, но и задуманное им обозное

---

³² Орел не ловит мух (лат.).

путешествие тоже к рассмотрению не было принято. Перевозили парня на перекладных от лагеря к лагерю, не светясь в крупных городах, в простом платье, в сопровождении нескольких телохранителей. Вперед высылалась вторая группа, осматривалась местность, обследовалась на предмет безопасности, и лишь после этого там появлялся наследник. Схему действий разработал Келлер лично и контролировал тоже сам. И обоз все-таки снарядили. Честь честью, как и планировалось, с поварами и походным лупанарием, при охране и с прислугой. Никто не говорил, что в нем будет наследник, но никто и не отрицал – просто в противоположную сторону направился целый караван, по коему видно было, что едет не рыбак и не золотарь.

– А кого увидели бы вздумавшие проверить, кто именно прибыл в конечный пункт?

– Какого-нибудь придворного казначея, отряженного в N-бург считать императорский налог с особым тщанием; не знаю. Не могу также представить, насколько это помогло. Император божился, что о маневре с обозом никому не обмолвился, но что-то меня одолевают сильные сомнения по этому поводу. Разумеется, следом за принцем с охраной шли несколько наших парней – присматривали за всей этой братией; так, по-тихому, дабы не провоцировать недовольства... Уж в том, что касается местоположения учебки, за секретность могу поручиться головой. Никто посторонний ничего не видел и не знал.

– Кроме тех, кому обо всей этой затее наш Император успел по секрету растрезвонить при дворе, – уточнил Курт; Хауэр развел руками:

– Думаю, не без этого. Я ведь сказал сразу: полную закрытость соблюсти наверняка не удалось. Мы друг другу не верим, он пытается следить за нами, мы шпионим за ним, а при таком подходе рано или поздно кто-то из нас попадет впросак. Поскольку отбором наших агентов занимаются знающие люди, этим «кем-то», скорее всего, будет Император.

– Иными словами, – подвел итог помощник, – вы полагаете, что по всем тайным сообществам, от политических до малефических, уже брошен клич соглядатаями при дворе? Путешествие сюда, замечу, закончилось без происшествий. А покушение в стенах этого лагеря – вещь невероятная.

– *Nil ardui est*³³.

– Принц здесь уже два месяца, сказали вы.

– И это, Хоффмайер, самый крепкий аргумент к тому, чтобы остерегаться с каждым днем все более, – возразил инструктор, – особенно когда наши противники – это люди и нелюди, имеющие в своем арсенале многочисленные способы воздействия, среди которых болт промеж глаз – не самый опасный. На месте злоумышленника я бы выждал. Или подловил бы свою цель на обратном пути.

– Меры предосторожности? – уточнил Курт; Хауэр вздохнул:

– Кое-что. Сам понимаешь, нагнать сюда армию – это тоже не дело. Собственно, лишними бойцами я особенно не запасался – все та же стража, что и прежде, только смотрят внимательней; из новых людей – исключительно принцевы телохранители. Их, как я уже говорил, пятеро. Двое всегда в его комнате, трое всегда при нем, куда бы он ни шел.

– И на тренировках?

– Там в первую очередь.

– Опасаются, что ты ненароком свернешь парню шею?

– Если ты намеревался породить остроту, Гессе, попытка была неудачной, – серьезно ответил инструктор. – Мне попросту сказали это открыто. Среди тех троих неизменно наличествует их старший, и он следит за мною так, словно я любую минуту только и думаю, как бы этак посподручней выпустить наследнику кишки. После первых пары недель меж нами едва не дошло до рукоприкладства – он дергался и кидался на меня с порицаниями

---

³³ Нет ничего невозможного (лат.).

всякий раз, как августейшему отпрыску перепадало по августейшей макушке или по иной какой августейшей части тела. Едва сумели уладить миром; но и по сю пору, стоит лишь мне замахнуться сильней обыкновенного или угодить по драгоценному господину принцу крепче, нежели обычно, – он дергается, будто укушенный. У меня от его содроганий у самого *neurostenia* развилась, веришь...

– Не верю, – отозвался Курт убежденно. – Тебя к нервному срыву может привести разве что внезапный апокалипсис, да и то лишь в случае, если кто-то из всадников будет сидеть в седле не по уставу... Имя.

– Ульбрехт фон унд цу Редер. Барон.

– «Унд цу», – повторил Курт, покривившись. – Самомнение наверняка выше Вавилонской башни... Еще одна проблема. Господа рыцари – народ в общении пренеприятный.

– И вы бесспорно правы, господин фон Вайденхорст, – с подчеркнутой едкостью подтвердил Хауэр. – Думаю, со мною согласятся еще многие.

– Мой чудный характер есть последствие общения с добрыми христианами, населяющими нашу державу, а мое внезапное рыцарство – лишь императорская прихоть. А вот наследные титулоносцы – это, как правило, заносчивые сукины дети. Наверняка еще возьмется учить тебя, как правильно махать мечом, а меня – как держать факел.

– А неплохо б, – заметил инструктор. – Я уж отчаялся одолеть твою треклятую пиробфию; и, боюсь, вскоре готов буду принять помощь в этом деле хоть от самого Вельзевула...

– Ай, – проговорил помощник многозначительно, и Хауэр беспечно передернул плечами:

– Ну так прикончить его после этого никто не помешает.

– Вы знаете, как убить военачальника демонов?

– Я – нет, но ты наверняка что-нибудь порекомендуешь, иначе какого рожна ты торчишь в тайных макаритских библиотеках месяцами? Должен же быть от этого хоть какой-то прок... Нет, Гессе, – уже серьезно возразил инструктор. – Чего нет, того нет. В мою работу он не лезет, с советами не пристаёт и титулом перед носом не размахивает.

– Уже легче.

– Сможешь оценить это сегодня же, – улыбнулся Хауэр столь приветливо, что противно заныли зубы. – Ближе к полудню у меня намечено плановое избиение наследника на плацу; и я буду не я, если он не захочет перед тобою выставиться, показав, чему сумел научиться. И наверняка пожелает увидеть в действии тебя.

– Альфред, я не нянька, – поморщился Курт раздраженно. – И не придворный лицедей.

– Если Конгрегация прикажет – станешь бабкой-повитухой. Всё, Гессе. Можешь почитать, что это очередная система тренировок, измышленная моим воспаленным извращенным рассудком; будешь обучаться тому, как взять себя в руки, не переломить хребет императорскому телохранителю и не послать к драной матери императорского наследника... Я зайду через полчаса, – сообщил Хауэр непререкаемо, поднявшись и мельком бросив взгляд в окно. – Оба должны быть бодры, веселы и преисполнены радушия.

* * *

На всем пути до комнаты наследника Хауэр говорил, не умолкая, тихо, но четко перечисляя все то, чего в присутствии Фридриха фон Люксембурга и его телохранителей не следует делать. Не задаваться... не нарываться... не фамильярничать... не выражаться... не говорить, не смотреть, не дышать. Бруно молча внимал, лишь порою вздыхая и послушно кивая; Курт же, хотя и касалось все это в первую очередь именно его, слушал рассеянно, решая довольно серьезную для него внутреннюю проблему.

Угодив в академию из рядов немалой армии беспризорников, вместе с требуемыми идеями, знаниями и умениями будущий майстер инквизитор впитал и мысль о том, что прежняя его жизнь была греховной, а вечная злоба на мир – ложной. Сейчас он даже мог сказать, когда именно пришло это осознание – пришло вдруг, разом. Курт не помнил в какой именно день месяца это случилось, однако все события того вечера помнились четко.

Это был субботний вечер – тихий весенний вечер, и только келья, где обитал Курт, была шумной и запыленной гамом: вертлявый, как уж, мальчишка по имени Франк, как и почти всякий вечер, травил байки, которых знал, кажется, нескончаемое количество. Отбой был уже давно, свет в келье не горел, сон уже мало-помалу одолевал всех, но уснуть никто не мог: Франк пересказывал бесхитростную, опошленную народной фантазией историю о Райнхарде – одну из многих; ничего в ней не было особенного, однако в изложении соседа по келье довольно затасканная байка звучала увлекательно и до колик смешно.

Поначалу Франк говорил шепотом, потом все громче, чтобы перекрыть прысканья и смешки воспитанников, а потом в келье прочно установился галдеж, столь громкий, что просто не мог не привлечь к себе внимания. Разумеется, вскоре дверь распахнулась, и строгий голос повелел всем прекратить шум и спать, и, разумеется, все разом уткнулись в подушки, стихнув, слушая удаляющиеся по коридору шаги. «Ушел, – констатировал третий сосед по келье, Йохан, за коим закрепилось старшинство в их маленькой компании. – Давай дальше». – «Давай завтра, – шепотом отозвался Франк. – Накостыляют еще». – «Давай! – повторил Йохан. – Я эту историю знаю, осталось чуть». – «Так если знаешь, к чему тебе рассказывать?» – хмыкнул Франк, и тот приподнялся на своей лежанке, повысив голос: «Ты со мной еще умничать взялся?» Несколько мгновений в келье было тихо, и наконец Франк неуверенно отозвался: «У меня теперь настроения нет рассказывать». – «Да ладно, – осторожно вклинился Курт, – завтра ж ни свет ни заря на литургию воскресную погонят, выспаться бы. Спать уже хочется». – «Не лезь не в свое дело!» – угрожающе осадил его Йохан.

Обыкновенно, слыша эти слова, он и в самом деле не лез. Не выделяясь среди сверстников ни сложением, ни особым мастерством по части нанесения увечий, исключая разве тех, что пробыли на улицах меньше него или взяты были из чуть более мирного сословья карманников и мелких воришек, Курт предпочитал в крупные ссоры не ввязываться и лишнего внимания к себе не привлекать. Однако сегодня что-то вдруг нашло на него, и он ответил Йохану – ответил так, как отвечать был не должен и, в общем, не хотел.

Разнимать их пришлось стражу, которого позвал Франк. Да, это не отвечало негласным правилам поведения, принятым среди воспитанников, но Курт был бы последним, кто попенял ему за это: если бы не ворвавшийся в келью солдат, Йохан наверняка придушил бы его или разбил голову об пол. Потом были долгие разбирательства, сонный отец Бенедикт, глядящий укоризненно и печально, злой, как сам Сатана, Сфорца, выкрики, обвинения, вопросы, объяснения... И когда Курту с Франком кардинал велел убираться обратно и расходиться по постелям, заперев в карцере одного лишь Йохана, в келье долго еще висела тишина, хотя совершенно очевидно было, что никто из двоих не спал. Лишь спустя долгие несколько минут Франк произнес тихо и нерешительно: «Ты это... спасибо. Он бы меня отметелил, мало б не показалось». – «Да, – отозвался Курт, – зато теперь, когда выйдет, отметелит обоих». Тот смятенно притих, несколько мгновений лежал неподвижно и молча, и спросил все так же шепотом: «Тогда зачем ты влез?». – «Не твое дело», – огрызнулся Курт, завернувшись в одеяло, и отвернулся к стене.

Франк ничего больше не спрашивал и не пытался продолжить разговор, и в келье вновь надолго стало тихо, будто в могиле. Уснуть Курт все не мог, и слышно было, что сосед тоже ворочается под одеялом, пытается поудобнее улечься... «Я когда в шайке был, – вдруг для самого себя неожиданно пояснил Курт, не оборачиваясь, – меня там тоже все шпынять пыта-

лись. Я там был самый младший». Франк перестал ерзать, однако ни слова не произнес и лишь молча ждал. «И был у меня там приятель, – продолжил Курт, уже жалея, что заговорил. – Он меня прикрывал все время. Если б не он, может, прибили бы уже давно. Такие вот дела. А ты... Ты вообще сопля. И тебя даже я пальцем перешибу. Если тебя прикрыть будет некому, тебя рано или поздно приберет кто-нибудь. Так что вот так. А теперь спать давай», – попыток Курт, демонстративно натянув одеяло на голову, и замер, всем своим видом говоря, что продолжать беседы не намерен. Франк тоже лежал, не шевелясь, – со стороны его кровати не доносилось ни звука; и только когда уже сон стал подкрадываться, отяжеляя веки, сквозь легкую дрему послышалось: «Я подумал вот что: это и есть то, что отец Бенедикт говорил».

Курт не ответил, еле сдержавшись, чтобы не рывкнуть на парня и не послать его куда подальше, но прикусил язык, припомнив, за что сам же ринулся бить личину Йохану... «Я подумал, – продолжал меж тем Франк чуть слышно, – что это было бы правильно. Ну, если бы все так жили. Вот как отец Бенедикт говорил: другому не надо делать таких гадостей, которых себе не хочешь, и надо делать такое, что хочешь, чтобы тебе сделали. Вот я сейчас кому спасибо должен сказать? Получается, что тому парню, который за тебя когда-то заступился. Хотя он меня не знает, и я его не знаю, и заступился за меня ты, а выходит, что благодарить мне его надо. А завтра, может, я заступлюсь за кого-то, кто слабей меня. Ну... может же такое быть... А потом он, может, что-то хорошее сделает или мне, или тебе, или даже тому парню, что сделал что-то хорошее для тебя. Вот так оно получается. Вот если бы все так делали...» – повторил Франк со вздохом, и Курт, помедлив, так же тихо отозвался: «Но все делают не так». Еще минуту вокруг стояло молчание, неотвязное, словно часовой, пристально надзирающий за ними, и наконец Франк робко вымолвил: «Но хотя бы мы ведь можем, чтобы так».

Они тогда смогли. Йохан, спустя два дня покинувший карцер, возвратит себе место признанного вожака в их тройке уже не сумел: против двоих, даже когда каждый в отдельности был слабее него, он сделать уже ничего не мог. А тот вечер Курту запомнился навсегда – именно в ту беспокойную ночь щелкнуло что-то внутри, и многое, что прежде проходило мимо, стало теперь мало-помалу водворяться в памяти и в разуме.

Однако выпускник номер тысяча двадцать один, обретя Знак и Печать и выйдя в мир с готовностью *servire et tueri*³⁴, обнаружил для себя неожиданно, что христианские добродетели, о коих говорилось в академии и каковы, как ему когда-то казалось, куда проще него должны были усвоить законопослушные граждане, затерялись где-то под толстым налетом фальши, стяжательства, жестокосердия в их душах. Мир оказался таким же, как некогда покинутая им улица: выживал сильнейший, наглейший, бесстыднейший.

Разочарование в человеке, столь явственно и внезапно постигшее мастера инквизитора, на многое заставило взглянуть иначе, нежели в первый день выхода из стен академии; в том числе и на собственное служение, которое становилось еще более нужным, чем ему думалось, еще более необходимым – именно потому, что сами по себе, без помощи, без его службы, люди, как оказалось, попросту не способны выжить. Трусость, предательство, глупость, злоба людская – явно не были теми достоинствами, которые способствовали бы восстановлению в подлунном мире хотя бы милосердия, не говоря уже о справедливости. В необходимости своего служения, несмотря ни на что, мастер инквизитор ни разу не усомнился, однако возлюбить объект приложения сил так и не смог. Бруно мог призывать к снисходительности и смирению сколько ему было угодно, мог читать наставления и выносить порицания, однако это уже не могло ничего изменить.

³⁴ Служить и защищать (лат.).

Головных уборов Курт не признавал давно – никаких, даже в самую отвратительную погоду: отсутствие шапки лишало необходимости снимать ее при приближении тех, кто привык видеть именно и только такое приветствие и признание своего *status*'а. Стальная бляха, на первых порах носимая под курткой, теперь не извлекалась при необходимости, а висела всегда поверх, на виду, если обстоятельства не требовали сокрытия своей должности. Взгляд давно не опускался ни перед кем, когда осознал тот факт, что никто не может повесить на него голос, высказать дерзость, а тот, кто рискнет это сделать, ставится на место двумя словами или одним движением. Уже не только в рассудке, но и в каждом нерве осталась привычка к тому, что должностных лиц можно попросту игнорировать, с правящим герцогом коротко поздороваться, а любому духовному лицу – в лучшем случае мимоходом кивнуть.

Сегодня, однако, речь шла не о магистратском канцлере и не о графе с многомильной родословной, сегодня, сейчас, спустя пару минут, предстояло войти в комнату, где будет необходимо должным образом поприветствовать наследного принца Империи. При мысли о том, как это полагалось бы сделать по всем правилам этикета, относился ли он к рыцарю фон Вайденхорсту или же следователю Гессе, пусть и первого ранга, пусть и Конгрегации, шея каменела, колени начинало ломить, и сгибаться они отказывались даже для того, чтобы сделать следующий шаг. Разумеется, были на свете люди, и кое-кого он знал лично, кто сумел бы проделать все это свободно, хладнокровно и даже сохранив при том нисколько не поколебавшееся достоинство, не только внутреннее, но и вполне отчетливо выказанное внешнее. А вот у него самого с этим явно наблюдались проблемы.

За многие годы службы играть доводилось, и играть многие образы, и вполне успешно, однако исполнить роль майстера инквизитора Гессе, себя самого, с искренним смирением и добровольно гнувшего спину, не говоря уж о коленях, и воспринимающего сие как должное... Это просто невозможно. По крайней мере, когда речь идет о зеленом юнце, мальчишке, ничем с прочими не разнящемся, кроме принадлежности к определенному семейству и некоторой смышленности, что, впрочем, особенной похвалы и не заслуживало, ибо оставаться идиотом в пятнадцать лет было бы *ad minimum* странно. Некоторого одобрения этот малолеток, конечно, был достоин, ибо сумел вытерпеть два месяца опекунства Хауэра и не запроситься домой со слезами и плачем, однако между одобрением и преклонением различие имелось весьма существенное. Тех, перед кем Курт (и то в душе) преклонялся, можно было пересчитать по пальцам одной руки. И августейшее дитяtko в их число уж точно не входило.

Разумеется, как упомянул уже все тот же Хауэр, если это потребует Конгрегации – всенародная знаменитость и известный спесивец Курт Гессе станет и бабкой-повитухой, и придворным лицедеем, и даже смиренным верноподданным. Однако у личностей вроде майстера инквизитора, как не раз уже с недовольством отмечали его многочисленные начальники, зачастую имелось собственное мнение о том, что именно пойдет на пользу делу и Конгрегации вообще. Проблема заключалась в том, что на данный момент он этого все еще не решил, хотя от его поведения сейчас будет зависеть многое, и далеко не только лишь отношение принца в предстоящие недели, а именно то самое благо Конгрегации.

– Ждать, – потребовал Хауэр, остановившись перед закрытой тяжелой дверью в одном из коридоров, заставив и без того сумрачные мысли сгуститься тяжелыми тучами. – И, Бога ради, Гессе... – начал он и, не докончив, просто погрозил кулаком, им же стукнув в доски двери. – Словом, ты меня понял.

– А то, – отозвался Курт вполне безмятежно, сумев даже одарить инструктора подчеркнуто дипломатичной улыбкой.

«Осталось понять себя самого», – докончил Курт мысленно, ощущая на себе косою взгляд Бруно, подозревающий в половине смертных грехов по меньшей мере. В том, что тот видит его насквозь, Курт никогда не сомневался; быть может, именно по этой причине

напарник никогда даже не заикнулся о том, чтобы, приняв монашеское звание, а после – и священническое, проследовать по этому логическому пути и далее, уйдя с оперативной службы. Бруно, говоря, что опасается оставить его в одиночестве во благо окружающего мира и его самого, беспечно ухмылялся, однако что-то подсказывало, что шутки в этих словах всегда было маловато.

На стук Хауэра отперли не сразу, а лишь после краткой, но вдумчивой переключки из-за закрытой створы, и после недолгого гроыхания засова дверь приоткрылась, обнаружив на пороге зрелище вполне ожидаемое. Быть может, несколько лет назад Курт ждал бы увидеть среди телохранителей столь высокой персоны тех, кого представители всех сословий без исключения кличут одним и тем же именованием «мордovorот из стражи», однако долгий опыт общения как с мордovorотами, так и со стражами несколько исправил сложившийся образ. Человек на пороге вполне соответствовал его ожиданиям: не коротышка, однако и не верзила, не упирающийся в косяки плечами, хотя кольчуга на нем и не висела. Принадлежности к неким высшим сферам не выдавали ни украшенные накидки, ни гербовый камзол; о важной службе и как следствие – хорошей постоянной оплате говорило качество выделки любой кожаной детали его одежды, от ворота до сапог, а также то, что кольчуга явно была тонкой и легкой, а стало быть – дорогостоящей. Было множество и множество мелочей, демонстрировавших, что не простой боец стоит сейчас на пороге, оглядывая гостей. О качестве же самого бойца позволяло судить не только то, что на подобную службу его приняли, но и нечто трудноуловимое в его лице, из-за чего даже обыватель с ходу отличает «мордovorотов из стражи» от тех, кого принято величать «бандитскими рожами». Оставалось только гадать, где именно и как «доверенный человек Императора» нашел столь любопытных телохранителей для будущего престолодержца.

Подобных личностей внутри небольшой комнаты, почти во всем сходной с его собственной, оказалось еще четыре. И так, приветствовать гостей вышло все сообщество. Вряд ли это означает, что торжественное вкушение каши (или что там за изыски сегодня на обед по плану Хауэра) будет проходить при всем этом собрании: стол, отстоящий чуть в стороне от окна, мог вместить не более четверых, зато в стене слева темнела дверь, явно ведущая в смежную комнату, куда наверняка и удалятся все лишние.

– Особо уполномоченный следователь первого ранга Курт Игнациус Гессе фон Вайденхорст, – оповестил Хауэр безо всякой торжественности и как-то походя, словно сообщив окружающим, как зовут его малолетнего сына, по глупости вбежавшего в зал, где собрались взрослые. – *Superadjutor inquisitoris*³⁵, отец Бруно Хоффмайер. Его Высочество принц Фридрих фон Люксембург, – прибавил он тоном уже другим, в котором сквозило все то, что уже было высказано им по дороге к этой комнате.

– *Benedictio Domini sit vobiscum*³⁶, – глядя в пол перед собою, а оттого словно обратившись ко всем разом, отозвался Бруно, и возникло острое желание со всей дури ткнуть напарника кулаком в ребра. Выкрутился, монашья душа...

– Мое почтение, – ляпнул Курт, уже не думая, и так же неожиданно для самого себя изобразил в сторону юнца, стоящего за спинами вооруженных людей, короткий приветственный кивок.

Хауэр тихо втянул воздух, словно боясь задохнуться, и один из телохранителей, нахмурившись, поджал губы, пронзив пришельца взглядом, похожим на ледяной отточенный клинок. Судя по некоторым деталям в одежде и вооружении, блюстителем нравов был барон Ульбрехт фон унд цу Редер. А судя по этому взгляду, сейчас Курт стоял в шаге от обретения злейшего врага на всю оставшуюся жизнь.

---

³⁵ Старший (главный) помощник дознавателя (лат.).

³⁶ Да пребудет с вами благословение Господне (лат.).

– Майстер Гессе, – столь же коротко кивнув в ответ, подчеркнуто благосклонно отозвался Фридрих и приостановил взгляд на Бруно. – Святой отец.

Барон не изменился в лице, не произнес ни слова, взгляд не потеплел и не стал менее пронзительным, из чего Курт сделал вывод, что пусть не злейший враг, но, по меньшей мере, недоброжелатель им все же в этот момент обретен был. Что ж, если верить Бруно, это всегда являлось едва ли не его наибольшим талантом...

Хауэр заметно расслабился, медленно переведя дыхание, осознав, видимо, что его высокий гость не намерен немедленно отдавать приказы о рубке голов и пребывает в благостном расположении духа. Одному из телохранителей инструктор махнул рукой молча, и тот, так же безгласно кивнув, двинулся к двери.

– Даю Вашему Высочеству... – Хауэр замялся, бросив взгляд на Курта, и закончил: – Даю полчаса, учтя ситуацию. Через полчаса, после трапезы, я поднимусь за вами, и – милости прошу на плац. Свою нынешнюю норму вы, мягко скажем, еще не отработали.

Неведомо, как именно опозорился на сегодняшней тренировке императорский наследник, но взгляд на миг опустил.

– Да, – с усмешкой согласился Фридрих. – Вынужден признать. Эта наука впрямь нелегко дается, – вздохнул он, когда дверь за спинами ушедших вновь заперли, и повел рукой, пригласив мастера инквизитора с помощником сесть.

На сей раз Курт не стал шокировать общественность и дождался, пока наследник усядется первым. Прочие телохранители тихо и беззвучно исчезли в соседней комнате, оставив, однако, дверь приоткрытой; барон не двинулся с места и все так же стоял у стены чуть в отдалении, следя за происходящим с откровенно неприязненной тенью в глазах.

– О том, что здесь придется несладко, – продолжил Фридрих, – меня предупреждали, тем не менее действительность превзошла все мои ожидания. Боюсь, превзойти ожидания мастера Хауэра мне не удастся.

– Тех, кому это удалось, не существует в природе, – утешил его Курт, присев напротив, и Бруно, помявшись, выбрал место слева от наследника. – Единственный, кто регулярно превосходит ожидания Альфреда, – это он сам.

– Он говорит так же о вас, майстер Гессе, – возразил Фридрих. – И столь же регулярно ставит вас в пример.

– Не слушайте, – посоветовал Курт наставительно. – Сказки.

– Которые рассказывает вся Империя, – полувопросительно уточнил наследник, и он пренебрежительно поморщился:

– Народные сказания – живучая штука.

– А вы скромник, – негромко констатировал барон, явно не считая более нужным сдерживать раздражающие его чувства. – Вопреки сказаниям. Да, думаю, можно согласиться с вами, народная молва – вещь обманчивая... К слову, как к вам надлежит обращаться – «майстер инквизитор» или «господин фон Вайденхорст»?

Фридрих, и без того прямой, точно костьль, распрямился еще больше, метнув в сторону блюстителя своей безопасности недобрый взгляд, однако промолчал. Любопытно. Ни отповеди за то, что влез в разговор, ни попыток поставить на место... Слабость характера или просто это место довольно высоко?

– Сообразно обстоятельствам, – отозвался Курт доброжелательно и, помедлив, прибавил: – Господин... «фон унд цу», «фон» или «цу» Редер?

«Что ты вытворяешь?» – явственно прочиталось в глазах Бруно, напрягшегося, как тетива; отвернувшись от напарника, Курт наткнулся на уже совершенно оледеневший взгляд императорского телохранителя, выдержав его с подчеркнутым равнодушием.

– Сообразно воспитанию, – ответил тот сжато, и прежде, чем Курт успел поинтересоваться, чьему именно, наследник чуть повысил голос, не дав ему высказаться:

– И все же, мастер Гессе, о вас ходят не сказания – легенды. Я готов допустить, что слава, разошедшаяся в народ, прирастает со временем всевозможными преувеличениями и вымыслом, однако же, что касается мастера Хауэра – он не производит впечатление сплетника. А от него я наслушался такого, что до сей поры не могу решить, восторгаться ли мне или завидовать.

– Взять на вооружение, – порекомендовал он. – Это лучше всего. Не знаю, что именно Альфред рассказал о моих талантах, но, если ваше внимание впрямь привлек какой-то из них, не вижу причин к тому, чтобы запнуться на ступени, где расположилась зависть.

– Я не тешу себя надеждой, что в обозримое время сумею подняться выше, – с сожалением вздохнул Фридрих. – Разве что мастер Хауэр согласится уделять мне и впредь свое время, а отец сумеет сделать так, чтобы это стало возможным. Хотя многие полагают, что умения, которые я постигаю здесь, не будут самыми востребованными в моей жизни.

– А как полагаете вы?

– Я полагаю – как знать. Я полагаю, что в наше время произойти может все, что угодно, а мое положение в этом мире и вовсе вещь сложноопределимая и довольно-таки шаткая. Сегодня я выстраиваю свои планы и, в целом, наслаждаюсь бытием, а какой опыт мне может потребоваться завтра – одному Господу известно... – на стоящего за своей спиной барона Фридрих оглянулся одними глазами, вскользь, и, сбавив серьезность, беспечно передернул плечами: – Ну а кроме того, мне все это просто интересно, как и любому представителю мужской части человечества. Ведь, насколько я знаю, святой отец, и вы немногим отстае от мастера Гессе?

– Как он сказал – сказки, – возразил Бруно с улыбкой. – В последнее время мне нечасто доводится оказаться на оперативной службе: всё больше в библиотеке или архиве, а уж о том, чтобы изыскать время на посещение этого лагеря, и речи не идет. Если удастся раз в год, быть может, на пару недель – уже удача; посему от него я отстаю весьма существенно.

– Бог с ними, с достижениями на плацу, – возразил Фридрих уверенно, – я делаю свои выводы из иных предпосылок. Вы на одной службе вот уже девять лет, и там, где был мастер Гессе, были и вы, а именно – в Хамельне, где столкнулись с Крысоловом, в Пильценбахе, где вас окружали орды поднятых умерших и опытный некромант... Вас не было, когда приключилась история со стригами в Ульме, однако же, когда на одинокий трактир у пустой дороги напала стая ликантропов, там вы были. Такое не пройдет, оставшись в живых, человек без некоторых, вполне определенных, умений. Да, – кивнул наследник с усмешкой, когда Бруно взглянул на него удивленно. – Я все о вас знаю – о вас обоих. О вас знает всякий в Германии, однако мне все же известно несколько больше, а главное достоверней, нежели прочим – согласно специфике моего положения. Посему, господа, не отрекайтесь от очевидного.

– Сдаюсь, – согласился Курт, – вы правы. Мой помощник – ратный гений. О себе даже не знаю, что и сказать... И что же из этого следует?

– Хорошо, я буду откровенен, мастер Гессе: я положил немало сил на то, чтобы отец выпросил вас у Конгрегации на месяц, и теперь желаю увидеть, на что же вы в самом деле способны, – пояснил Фридрих и, наткнувшись на его взгляд, поправился: – Если вы не станете возражать.

– А я могу возразить?

– Можете, – ответил за наследника фон Редер. – Но на вашем месте я бы двадцать раз подумал, прежде чем это сделать.

– Ульбрехт, – требовательно выговорил Фридрих, и барон чуть склонился:

– Прошу прощения, Ваше Высочество. Мне показалось, что мое вмешательство необходимо.

– Вам показалось, – подтвердил тот холодно, не оборачиваясь, и продолжил с прежней благожелательностью: – Вас никто не станет принуждать служить мне предметом развле-

чений, мастер Гессе, я всего лишь хотел увидеть собственными глазами то, о чем столько слышал, и надеюсь, что вы мне не откажете. Я прошу вас об этом, если угодно.

– Даже при моем огромном стремлении угодить вашим желаниям, с этим будут некоторые проблемы, – серьезно заметил Курт. – Ни стригов, ни ликантропов под рукою не имеется, мертвые починут, как им и полагается, *in pace*³⁷, посему я не смогу продемонстрировать вам все то, о чем ходят бесчисленные слухи. Избиение же беззащитного чучела, я полагаю, вас не удовлетворит.

– А я полагаю, – возразил Фридрих, – что мастер Хауэр, если обратиться к нему с этой просьбой, измыслит, каким образом поразить меня, представив ваши умения в выгодном свете. Это будет приятно всем: он получит удовольствие от созерцания моей ошеломленной физиономии, я – от наблюдения живой легенды воочию.

– А я?

– Скажите, чего бы вам хотелось, мастер Гессе, – на миг запнувшись, предложил тот. – Если это в моих силах – вы это получите.

– Даете слово? – уточнил Курт с неподдельным интересом.

– Послушайте-ка, мастер инквизитор... – начал фон Редер почти угрожающе, и наследник снова повысил голос, не позволив ему закончить:

– Ульбрехт! Да, – согласился Фридрих, помедлив. – Даю слово. Все, что в моих силах. Только, мастер Гессе, многого я бы на вашем месте от меня не ждал: как я уже говорил, мое положение не отличается большим количеством возможностей, привилегий и влияния. Даже на отца, если говорить откровенно. Но, полагаю, ради вас и он пойдет на многое.

– Что ж, пусть так. Согласен. Продемонстрирую свои способности, как только вы или Альфред решите, каким образом это можно будет сделать.

– И чего вы захотите получить от меня взамен, мастер Гессе?

– Я здесь застрял на месяц, – напомнил Курт. – Думаю, за четыре долгие недели я что-нибудь выдумаю.

Стук в дверь прозвучал как раз вовремя, не позволив фон Редеру, если у него и было такое желание, произнести очередное порицание. Переключка в духе «стой, кто идет», в точности такая же, как и при его появлении в этой комнате, прозвучала вновь, и в раскрывшуюся дверь прошагал солдат местной стражи в сопровождении уведенного Хауэром телохранителя. Оберегатель жизни и здоровья наследника нес гору мисок и ложек, солдат – накрытый крышкой котелок, из которого все же просачивался слабый крупяно-мясной запах. Дверь за вошедшими заперли снова, и за распределением принесенной пищи барон Ульбрехт фон унд цу Редер следил, как бережливый торговец за развесом драгоценной пряности.

В раздаче снеди принимал участие и телохранитель, послушно подставляя миски одну за другой. О том, что такая услужливость не всегда имела место, Хауэр уже успел поведать, сдабривая свой рассказ злорадными ухмылками. Явившись в лагерь, сопровождение юного принца не сразу втянулось в местную жизнь, пытаясь бунтовать против установленных порядков. Ради безопасности наследника пища из общего для всех котла отделялась в этот самый котелок в присутствии телохранителя; и черпак, и котелок отмывались тщательнейшим образом при нем же, после чего один из стражей поднимал съестное в комнату так же под присмотром. На требование помочь, а именно – нести либо посуду, либо котел, тот поначалу крутил носом, отмалчиваясь, но всем своим видом выказывая, что не дело личной охраны принца заниматься столь низменным трудом. Посоветавшись с Хауэром, при следующей раздаче доставивший обед страж обнес одну из мисок, демонстративно уйдя прочь с одной порцией. Фон Редер, к его чести, за подчиненного не вступился, принц промолчал, и в следующий раз гордый воитель покорно исполнил роль разносчика.

---

³⁷ В мире (лат.).

Когда опустевший котелок унесли, ложки (и в самом деле с кашей, заправленной мясом) поделили меж телохранителями, оставив на столе четыре. Стало быть, барон будет присутствовать, вывел Курт, переглянувшись с помощником. Тот поджал губы, сделав своему начальству страшные глаза, и он так же одним взглядом отмахнулся: разжигать распрю впредь Курт и без того не намеревался, если, разумеется, господин потомственный рыцарь станет вести себя должным образом.

– Ваше Высочество, – строго одернул фон Редер, когда наследник придвинул одну из мисок и взялся за ложку, и Фридрих, коротко и чуть смятенно взглянув на своих гостей, поморщился:

– Ульбрехт, это глупо. Не позорьте меня.

– Я выполняю свою работу, – отозвался тот категорично, пододвинув миску к себе. – И чье бы то ни было мнение об этом здесь несущественно.

Еще горячую, только с огня, кашу барон положил в рот осторожно и проглотил, поморщась. Минуту он стоял неподвижно, точно прислушиваясь, глядя в столешницу перед собою; наконец, медленно переведя дыхание, положил ложку на стол и кивнул, усаживаясь:

– Можно.

– Есть отличный способ меня отравить, – с некоторым смущением принявшись за обед, выговорил Фридрих. – Просто добавить яд в пищу шесть раз подряд, и, когда телохранители кончатся, настанет моя очередь.

– Или использовать яд, который проявляет свое действие спустя несколько часов, – пожал плечами Курт, и фон Редер, на миг замерев, продолжил есть с видом полнейшего равнодушия.

– Это не означает, – не поднимая к собеседнику взгляда, произнес он, – что я должен пренебрегать правилами безопасности – хотя бы теми, что мне доступны.

– Это глупо, – повторил наследник убежденно. – Если на то пошло, при дворе меня убить куда проще, нежели здесь: там никто не следит за моим питанием, никто не пробует предназначающуюся мне пищу и не ходит за мною круглые сутки, не выпуская из виду. Или в моих многочисленных путешествиях по Империи, хоть во все тех же германских пфальцах. Там я могу за весь день не попасться никому на глаза, оставаясь в одиночестве и беззащитности.

– Вам лишь так кажется, Ваше Высочество, – возразил Бруно с уверенностью. – Думаю, тем, кто отвечает за вашу безопасность, известно с достоверностью, куда вы направляетесь и когда, в какое время просыпаетесь или отходите ко сну, кто общается с вами и с кем общаетесь вы. Просто вы этого не видите.

– Понимаю, святой отец, – со вздохом отмахнулся тот. – Но, как показывает история, никакая стража не убережет, если кто-то всерьез поставит себе цель добиться моей смерти, посему все, что здесь происходит...

– ...все равно необходимо, – докончил за него Курт, уловив, как барон на долю мгновения вскинул к нему сумрачный взгляд. – Все та же история обнаруживает порою случаи вопиющей безалаберности, когда элементарные правила, соблюденные вовремя и с нужным тщанием, могли бы оградить от беды. Вас угораздило родиться тем, кем вы родились; увы, это подразумевает некоторые правила вашего бытия. Все, что остается, – стерпеться с этим и принимать как часть жизни, вроде завтрака или одевания. Со временем привыкнете.

– Говорите в точности, как отец, – заметил Фридрих, и он наставительно кивнул:

– Лишнее подтверждение правоты этих слов.

Наследник престола неопределенно повел плечом, то ли согласившись, то ли возразив, и на минуту повисло молчание, сопровождающееся лишь стуком ложек по стенкам мисок.

– Неделью назад, – прервал тишину Фридрих, – было свежее мясо, не солонина. Это был праздник. Третьего дня – рыба. Я был на седьмом небе от счастья. Хотя в последнее

время я стал до удивления непривередливым: пока не оказался здесь, я и помыслить не мог, насколько вкусной может быть просто каша. В некоторые дни мне кажется, что я готов съесть все, что поставят, – попросту вареное зерно, любое, без приправ и соли, траву, кости, хрящи; всё. Не хочу сказать, майстер Гессе, что моя жизнь сделала меня изнеженным, но здешний распорядок – это что-то похожее на преддверие ада. И ведь я понимаю: мне выпала даже не десятая доля того, что проходят бойцы зондергрупп... или вот вы. И над вами, полагаю, майстер Хауэр измывался гораздо изощренней, нежели надо мною.

– Бывало, – согласился Курт; наследник усмехнулся, кивнув на миску перед собой:

– Говорят, что физическая нагрузка тотчас после приема пищи вредна. Однажды я сказал ему об этом.

– Напрасно.

– Согласен, – покривился Фридрих. – На следующий день он оставил меня голодным.

А еще через день накормил вдоволь...

– ...и погнал на пробежку вокруг монастырского корпуса, – договорил за него Курт и кивнул, когда тот молча и вопрошающе поднял брови: – Да. И со мной он проделывал то же самое.

– «Противник не станет ждать, пока вы переварите свой обед...»

– И практика показала, что он прав. Опасность может обрушиться когда угодно – днем, ночью, когда вы в постели или за столом, когда мутит от голода или распирает от избыточной трапезы. Быть может, лишь ваши лета препятствуют Альфреду совершить одно из самых жестоких своих издевательств, каковому он однажды подверг меня, дабы провести тренировку, по его словам, «приближенную к реальности». Однажды вечером он явился ко мне в комнату с пивом. Мы хорошо убили вечер, отлично побеседовали. Расслабились. Точнее, расслабился я. Потом Альфред вышел и возвратился с вином... Беседа пошла еще легче. Так мы добрались до шнапса, и вечер закончился около полуночи. А в половине третьего я проснулся от хорошего пинка и, прежде чем сумел возвратиться к реальности, уже был избит до состояния полутрупа. Ведь враг – он не только не будет ждать, когда растворится съеденный мною ужин, он не станет также дожидаться, пока выветрится все выпитое с этим ужином... Он уже оставлял вас без сна?

– Пока Господь миловал, – отозвался Фридрих, настороженно уточнив: – И такое будет?

– Можете не сомневаться, – кивнул Курт, сокрушенно качнув головой. – Похоже, я невольно выдал одну из его тайн. Что ж, будьте готовы к тому, что однажды вам доведется выйти на тренировку после двух суток бодрствования – для начала. Хотя, возможно, он сочинил и нечто новое, как знать; Альфред в этом смысле весьма изобретателен.

На внезапный стук в дверь фон Редер обернулся напряженно, медленно отложив ложку, и неспешно поднялся, приблизившись к порогу.

– Кто? – осведомился он недобро и, услышав голос Хауэра, отпер, глядя на вошедшего с откровенным недружелюбием.

– Попрошу на плац, – без предисловий пригласил инструктор невозмутимо.

– Вы дали мне полчаса, – напомнил наследник, и тот пожал плечами:

– А жизнь, Ваше Высочество, полна неожиданностей. Прошу за мной.

– Об этом я и говорил, – подытожил Курт, и Фридрих вслед за ним неохотно поднялся, с заметным сожалением глядя на свою недоеденную порцию и пустые миски соседей по столу.

Ни он, ни даже фон Редер не высказали ни слова возражения, и вслед за инструктором, сопровождаемый бароном и еще двумя телохранителями, наследник шагал хоть и понуро, но безропотно.

Что занимало умы рядовых членов штата охраны наследника, было неизвестно: вслух ни один из них до сих пор не сказал ни слова, а по их взглядам можно было понять лишь то, что все окружающие полагаются ими пустым местом в лучшем случае. Фридрих, заранее

предупрежденный о том, что его ждет, свыкся с собственным подчиненным положением на удивление скоро, однако фон Редер доставлял изрядные проблемы не одну неделю, невзирая на то, что вместе с новым подопечным Хауэру была передана также грамота за подписью и печатью Императора. Грамота наделяла старшего инструктора особыми полномочиями, позволяя выделять с учеником все, что только заблагорассудится, исключая создание условий, опасных для жизни и грозящих непоправимым ущербом здоровью.

Должным образом осознавая ситуацию, престололюбитель также заранее оговорил все, что касалось словесного общения, понимая, что инструктор на плацу не станет и, если говорить беспристрастно, не должен отвечать поклоны, запинаясь и путаясь в длинных титулах, а привыкшему к придворной жизни юнцу некоторая смена обстановки в этом смысле не помешает. Фон Редер же явно имел собственное мнение на этот счет, в корне расходящееся с мнением своего венценосного работодателя, и первое время тренировки регулярно прерывались его попытками поставить зарвавшегося хама-инструктора на место, каковые попытки заканчивались только после обширного цитирования императорского удостоверения. Теперь, если верить Хауэру, недовольство барона выражалось больше молчаливо, взглядами, или едва слышно, что учебному процессу уже не мешало.

Судя по всему, потомственному рыцарю пришлось сделать над собою усилие немислимое, смилив себя перед инструктором, который, строго говоря, являлся всего лишь горожанином, рядовым солдатом городской стражи, некогда за особые таланты взятым на службу Конгрегацией, и не обладал даже такой малостью, бывшей в активе Курта, как пожалованное рыцарское звание. Наверняка фон Редер надеялся, что с появлением майстера инквизитора появится и некоторая отдушина: касательно него никаких распоряжений не было, а положение на сложной и долгой лестнице светских титулов он занимал незначительное. На нем барон, лишенный возможности дерзить инструктору, явно рассчитывал отыграться за все свои душевные страдания, однако Курт, как бы ни обязывала его должность к сочувствию мирянам, подниматься до столь смиренных высот сострадания и быть безответной мишенью не намеревался. Ему, кстати заметить, никаких письменных указаний, говорящих о неприкосновенности придворного телохранителя, не поступало тоже.

Глава 4

*Около двух недель назад, сентябрь 1397 года,
академия святого Макария Иерусалимского*

Помощник лекаря явился спустя считанные секунды, вид имея при этом крайне недовольный.

– Отец Бенедикт... – протянул он укоризненно, и наставник кивнул:

– Знаю, знаю, Хартман. Мне надобно беречь себя, дабы в гробу выглядеть свежим и пригожим.

– Майстер Рюценбах велел не давать вам больше лекарство. Мне было сказано четко: если наступит утомление – выгонять всех и дать вам уснуть.

– Ну, попытайся выгнать этих, – предложил отец Бенедикт с усмешкой. – Посмотреть бы, как у тебя получится.

– Ведь вы же меня подставляете, – сбавив тон до почти жалобного, произнес помощник лекаря, и тот отмахнулся одним взглядом:

– Да полно тебе, Хартман. Хансу ведь вовсе не обязательно об этом рассказывать.

– Не обязательно. Он и сам отлично знает, где, когда и какие препараты оставил. А главное – сколько.

– Я, быть может, и полуживой ректор, но все еще ректор, – заметил духовник с показной строгостью. – А в последние дни об этом стали частенько забывать.

– Пока вы в этой постели – вы пациент, отец Бенедикт, – возразил парень, пытаясь держаться хладнокровно, и тот насупился:

– Хартман, желаешь, чтобы я сам поднялся с постели и отправился за лекарством?

– Это не лекарство, – буркнул тот, разворачиваясь к двери. – Это дрянное зелье, которое выжимает из вас последние силы.

– Мои силы, – вслед ему бросил отец Бенедикт. – Распоряжаюсь, как хочу.

– А накостыляет он мне, – напоследок выговорил Хартман, скрывшись за дверью, и Курт невесело хмыкнул:

– Рюценбах может.

– Сущность человечья, – вздохнул наставник с тусклой улыбкой. – Даже в оплоте Господних служителей, в самом сердце Конгрегации – и тут поселилась тщета. Если время пришло, ничем этого не изменить; а меня все пытаются удержать, исцелить неисцеляемое, суеются, выдумывая новые средства. Этот парнишка с особого курса расходует собственные жизненные силы на то, чтобы поддержать мои...

– Два момента, – возразил Курт. – *Primo*. Из такой вот суеты и попыток бороться с тем, что всегда полагалось неизбежным, выросла современная медицина. И, надеюсь, будет расти дальше. *Secundo*. Быть может, миновать главной беды нельзя, однако, как вы сами верно заметили, вы все еще ректор этой академии, вы член Совета, и не только мне, я думаю, вы не рассказали и не открыли еще чего-то важного, значимого. Посему и лекарь, и юнец с особых курсов, и этот вот принципиальный помощник эскулапа – все будут удерживать вас здесь столько, сколько смогут.

– Само сострадание, – тихо проговорил Бруно. – От твоей поддержки сразу становится легче. Ощущаешь собственную нужность и незаменимость.

– Если бы я уходил с осознанием того, что заменить меня некем, – снова вздохнул отец Бенедикт, – я уходил бы с беспокойной душой.

– Это в последний раз, – объявил помощник лекаря, входя в покой со стаканом в руке. – Только один, последний раз.

– Спасибо, Хартман, – проникновенно выговорил отец Бенедикт, и тот нахмурился, присев рядом и приподняв его за плечи.

– В последний раз, – повторил он строго, – больше не просите, не дам, а вздумаете и впрямь подняться – позову мастера Рюценбаха. С охраной. Вы его знаете, привяжет к постели и не поморщится.

– Не трусь, – улыбнулся наставник и, допив, вновь улегся на высокую подушку, осторожно переводя дыхание. – Объясняться с Хансом я буду сам.

– Не затягивайте разговор, – попросил Хартман, обратившись уже к посетителям. – Хоть вы имейте совесть.

– Не задержимся дольше необходимого, – пообещал Курт, и тот, кивнув, развернулся и скрылся снова за дверью своей маленькой комнатухи.

– Твои софизмы порою начинают отдавать прямой циничностью, – заметил Бруно, снова усевшись подле одра больного. – А тот, кто плохо тебя знает, как этот несчастный, может ведь в твои слова и поверить.

– Вот поэтому я лучший следователь Конгрегации.

– И самый скромный, как я погляжу.

– Сам пугаюсь, – согласился он сокрушенно. – И рад бы не скрывать своих достоинств – а никак не выходит.

– Ты лучший, – подтвердил отец Бенедикт, не дав помощнику ответить. – Однако не единственный хороший. Сам знаешь. Если, разумеется, ты помнишь содержание... как там ты выразился однажды?.. «этого чтива»?

– Этого занудного чтива, – подсказал Бруно услужливо, и Курт, поджав губы, несильно двинул его локтем в ребра. – Именно этим эпитетом он наградил сведения о деятельности инквизиторов, которые, подобно ему самому, отличились в чем-то стоящем.

– Занудное чтиво, – подтвердил Курт. – Почитай просматривал краткое содержание собственного жизнеописания; с поправками и отличиями, но в целом – одно и то же... Разумеется, я помню, – посерьезнев, кивнул он. – Помню, что было сделано, когда и кем, помню каждое имя – их было не так уж и много. Посему, если с кем-то из них доведется столкнуться в работе, я в какой-то мере уже буду их знать. Ведь ради этого мне и позволяют знакомиться с личными данными других следователей, насколько я понимаю.

– Ради этого, – повторил наставник. – Но есть и еще один вывод, какой ты мог сделать, прочтя их биографии и отчеты и сведения о других расследованиях. Дабы не терять время на игры, спрошу прямо: не заметил ли ты, что самих этих расследований стало уж больно много в последние годы?

– Заметил, – отозвался Курт, мельком переглянувшись с помощником. – И не только я.

– И не только ты, – снова повторил за ним отец Бенедикт. – Припомни еще человека из охотничьего сообщества, с которым ты свел нас три года назад.

– Этого разве забудешь...

– Припомни гипотезу, которую он высказал, относительно всего происходящего в окружающем мире, гипотезу, пришедшую на ум исследователям в среде охотников.

– «Малефики зарвались и слишком часто используют свои силы, возмущая эфир». Помнится, он был убежден, что зимы все чаще именно потому такие ледяные, а летом, бывает, можно хорошо прожариться. И, разумеется, чума, неурожай, град и все прочее – тоже последствия их безалаберного расходования всемирной энергии.

– Любопытная мысль, – многозначительно сказал наставник. – Вот только одно «но». Привыкли мы во всем винить малефиков.

– И с чего б это, в самом деле.

– Я бы повернул охотничью идею другим концом, Курт, и теперь – будь серьезен: я говорю то, о чем в Совете шли долгие беседы и даже споры. А если допустить такое: не

малефики возмущают эфир, смещая сущность вещей, а возмущения в эфире смещают сущность вещей, порождая избыточное количество малефиков?

– Меня, – помедлив, отозвался Курт, – более всего зацепило понятие «избыточного количества», будто бы есть количество достаточное или необходимое... Но во всем прочем – не вижу в этой идее ничего, что не было бы логичным.

– Иными словами, – осторожно уточнил Бруно, – вы хотите сказать, что... Что все это означает? Охотники, если я верно помню их теорию, видели во всем этом близящийся конец мира. Вы что же – согласны с ними, отец?

– Я не знаю, что все это значит, – вздохнул тот. – Не знаю я, не знает никто, и даже Альберт в ответ на этот вопрос лишь способен разразиться долгой и непонятной тирадой потустороннего свойства, из коей ясно лишь, что и он в затруднении.

– Кстати, о малефиках, – вставил Курт с сомнением. – А сам-то отец Альберт...

– Проверен десять раз и перепроверен тысячу, – оборвал его наставник. – И мною, и еще Майнцем, еще когда тебя и в проекте не было. Он член Совета; это о чем-нибудь да говорит.

– О несомненном таланте входить в доверие – уж точно.

– С Альбертом ты еще сведешь более тесное знакомство, мой мальчик, и тогда уж, поверь, никаких сомнений в его лояльности у тебя не останется. Кроме же многочисленных способностей, коими он наделен, есть у него еще и огромные познания, запас сведений, умение делать выводы. Именно благодаря этому мы и оказались хоть немного готовы к тому, что начинает затеваться вокруг.

– *Id est*, «избыточному количеству» малефиков мы готовы противопоставить столь же избыточное число новых инквизиторов?

– Избыточное – это навряд ли, мой мальчик; как ни старайся, а взять многое из ничего не выйдет. Жертвовать же качеством в угоду количеству – идея дурная, это не спасет положение и загубит все начинания. Но в остальном – да, Курт. Альберт предупреждал, что будет нечто подобное, и мы попытались подготовиться. Выставить Господню армию против нарождающихся сил мы не можем, слишком мало минуло времени, слишком немногое мы успели, но успели хотя бы кое-что. У нас уже есть хоть что-то. В том числе – у нас есть ты.

– Да полно вам, – неуверенно и чуть раздраженно усмехнулся он. – Включать меня в систему вселенского устройства как основательную величину – это уж чересчур.

– В ответ я бы припомнил тебе еще одну теорию, высказанную на сей раз не союзниками нашими, а противниками. Точнее – одним из них, каковой как раз и полагает тебя той самой важной величиной в мировом порядке.

– Каспар, – тихо проронил Бруно; Курт поморщился.

– Каспар повёрнут на древнегерманских богах, – выговорил он резко. – На противостоянии их с человечеством. И его мания когда-нибудь в будущем сойтись со мною в торжественно обставленном поединке, который решит судьбу этого мира, вызывала бы умиление, если б этот неуловимый теоретик не был общественно опасен.

– Стоит ли все списывать лишь на его языческие верования? – мягко возразил духовник. – И следует ли вот так с ходу отметить все версии?

– Вам видней, – вскинул руки Курт. – Однако если, следуя вашему призыву, не отбрасывать все вариации, то – как вам такая: никакого приумножения злобного колдунства в мире не происходит, попросту прежде мы его не замечали. Прежде Инквизиция, сами знаете, работала иначе, и гребли всех подряд, по причине чего, бывало, попадались и малефики. После мы прижали старую гвардию, а новых следователей в достаточном количестве не взрастили; в мои времена, помнится, Знак получали дай Бог двое-четверо в год. Теперь же академия строгаёт инквизиторов, как табуретки, теперь попросту появились люди, которые

могут увидеть то, что прежде видеть было некому. Все осталось как было, и только увеличение наблюдателей способствует обнаружению интересующих нас людей и событий.

– А сам обзывал меня матерьялистом, – вздохнул Бруно; отец Бенедикт усмехнулся:

– Что ж, и такую теорию можно принять к рассмотрению. Собственно, мальчик мой, мы ее и приняли. И ввели в общую схему как одну из составляющих; однако это не объясняет всего. Ведь ты же объехал почти всю Империю, Германию уж точно целиком, ты же сам слышал рассказы людей, читал уже упоминаемые нами отчеты других следователей, узнал о многом, сам многое видел. Когда-то, если внезапно арестовывали по обвинению в колдовстве соседа, которого все знают, который всегда был добропорядочным человеком и самым что ни на есть простым смертным, – что тогда шептали промеж собою все, кто знал его?

– «Живодеры свирепствуют».

– Прежде, – согласно кивнул наставник, – при подобном происшествии можно было дать восемь из десяти, что они правы. Но ведь сам знаешь: в твое уже время, уже теперь, и такие случаи участились. Жил себе человек, самый обыкновенный, и внезапно в один какой-то день обнаружил в себе что-то.

– Или кого-то, – подсказал Бруно; тот кивнул снова:

– И такое случается. Случаи одержимости, о которых даже я лишь читал, теперь случаются все чаще. Стриги, которых во времена оны, даже разыскивая, можно было ни разу не увидеть, едва ли не бродят толпами.

– Ну, количество этих ребят зависит исключительно от их желания.

– Упыри.

– Это продукт неудачного обращения в стриги, объяснение то же.

– Случай с торговцем полтора года назад, – напомнил духовник. – Предместье Фрайбурга.

– Мертвецы-флагелланты, – снова произнес помощник все так же тихо.

– Верно. Помнишь, Курт? Ты читал отчет по делу. Вереница мертвых флагеллантов, полуразложившихся, но все еще идущих... Такое бывало прежде? Только в преданиях. Мы не скрываем подобные случаи нарочно – пусть знают, что существование Конгрегации не чья-то блажь, а объективная необходимость, но стараемся и не распространяться о количестве таких из ряда вон выходящих событий.

– А правители других стран? – спросил Курт, пояснив, когда взгляд отца Бенедикта обратился к нему: – Ведь, как я понимаю, из этой теории должно следовать, что подобные вещи творятся по всему миру, не только в Германии. Положим, здесь есть мы, и потому в народе нет смятения, и по улицам не гуляют стаи упырей и ликантропов на пару с кадаврами и демонами. Но что там, за границами Империи, где нет Конгрегации?

– Ну, там все же есть Инквизиция, – слабо повел плечом духовник. – Во Франции, в Италии, в Испании... Хоть какая-то. Хоть как-то, но и она работает, и некоторую мелочь удается выловить ей. А с тем, что серьезней, разбираются охотники.

– Вот даже как.

– Благодаря твоему приятелю-охотнику, – подтвердил наставник, – нам известно и об этом. Ведь когда-то и мы сами задавались тем же вопросом – почему нет слухов о разгуле нечисти в иных землях. Или это значило бы, что вся она хлынула исключительно в имперские пределы или что иноземные правители настолько умны, что догадываются такие события скрывать.

– И откуда стало известно, что ни то, ни другое, что это заслуга охотников?

– В последнее время они уже сами ищут контакта с нами, сами же сообщают о происходящем вокруг, они сами замечают, что справляться в одиночку им становится все сложнее. Охотники, как мне стало известно напрямую от них, в последние годы набирают новичков, как наемная армия в военные дни, и с такой же катастрофической скоростью их теряют,

тут же привлекая новых. Как мне было сказано, настолько, до таких невероятных размеров, охотничье сообщество еще никогда доселе не разрасталось и никогда еще в его рядах не было столько плохо обученных, хотя и крайне преданных людей... Но они справляются, – подытожил наставник со вздохом. – Справляются, надо признать, кое в чем лучше нас.

– Когда Ван Аллен говорил мне, что охотник выгодно отличается от инквизитора, я снисходительно усмехался, – заметил Курт мрачно. – Теперь понимаю, что он был прав. Охотники не забивают себе голову согласованиями с местными властями и тому подобными юридическими тонкостями – они просто приходят на место и разбираются по факту происходящего.

– Наши братья, – возразил отец Бенедикт, – несут службу не только в Германии, не только в Империи. И тоже действуют не всегда в рамках международных договоренностей. Просто нас мало, Курт. Как бы мы ни старались спешить, а нас все еще мало. И, замечу, охотники достигают таких показателей, попросту давя тварей и малефиков числом; погиб один – пришли двое, погибли двое – придут следующие. Мы так действовать не можем, не можем бездумно класть головы наших слугителей – они слишком ценны. Десяток этих авантюристов не стоит одного нашего следователя.

– Ейя, – хмыкнул Курт, и тот поправился:

– В большинстве своем. Но парни работают, как могут, и мы им за это благодарны. Равно как и за то, что они также осознают всю опасность излишних слухов, а потому свою деятельность, как и мы, стараются не выставлять напоказ сверх необходимого.

– Логично, паника ни к чему. Иначе могут ведь и возникнуть вопросы в духе «для чего нам Конгрегация с неограниченными полномочиями, если она не в силах избавить нас от потусторонней угрозы».

– И это тоже, – согласился отец Бенедикт, – однако это не главное основание. Такие происшествия пробуждают в людях страхи, которые заложены в самой людской природе, вызывают к жизни самый главный из этих ужасов – страх перед Концом. Дело не только лишь в Писании или иных творениях, где подобные события именуются знамениями и предвещают конец нашего мира – что-то внутри нас самих знает, что это так. Это, как сказал бы ты, логично: если неизменная сущность всех вещей преобразуется, устойчивость нарушается, если становится возможным невозможное, то навряд ли это к добру. Значит, прежние правила не действуют и прежние законы теряют силу, в первую очередь, законы самого мироздания.

– А потом и законы людские, – хмуро закончил Курт, и тот кивнул:

– Вот именно, мой мальчик. Апокалиптические настроения парадоксальным образом толкают людей вовсе не в объятия матери-церкви, а ко всевозможным прилудам, увивающимся вокруг, и это в лучшем случае. Секты и ереси множатся в такие времена с невероятной быстротой, однако это хоть и беда, но лишь половина большой беды – из этой ямы все же существует выход, оттуда еще можно уйти или убежать. Хуже, когда верх в людских душах берет отрицание. Тогда приходит безверие, а на этой почве может уже взрасти все, что только можно себе помыслить: человек, утративший веру, уже готов верить снова, но теперь может поверить во все, что угодно.

– Или кого угодно.

– Да. Включая те сущности, о самом существовании которых большей части добрых христиан и не известно вовсе. В такие времена к людям приходят жрецы забытых верований, выходят из тени даже прямые последователи культа Сатаны, приходят те, кто может использовать человеческий страх перед неведомым, дабы обратить его себе на пользу, в том числе и пользу вполне мирскую. А если они осознают, как и мы, что охваченные страхом Конца люди – это их последователи *in potentia*, если они так же, как и мы, понимают, к чему

приводит всеобщий упадок духа, – что удержит их от того, чтобы загасить последние отголоски пламени веры в душах?

– И пламя приходится разжигать нам, – криво усмехнулся Курт. – А они поддерживают упомянутые настроения, усугубляя всеобщую подавленность, из какой произрастает их будущая паства паникеров-апокалиптиков, которые станут поддерживать апокалиптические настроения, из каких произрастает будущая паства паникеров-апокалиптиков, которые... *Et cetera.*

– *Circulus clausus*³⁸, – вздохнул отец Бенедикт. – И аккуратно развести его не удастся – лишь разрубить. Забрызгав кровью все вокруг и самого себя. Именно потому я и сказал: хорошо, что ты разучился удивляться, хорошо, что ты научился быть решительным. Хорошо, что незаменимых нет. Плохо, что незаменим ты, а посему – вот мое второе завещание тебе, Курт: береги себя.

– Если в теории Каспара (и вашей, отец) в самом деле что-то есть, – помедлив, отозвался он с улыбкой, – ничего со мною не случится. Если я и впрямь некая важная составляющая во всем, что назревает, я останусь цел и невредим вплоть до момента, когда мое существование должно будет оправдаться.

– «*Scriptum est, – проговорил наставник строго, – enim quod angelis Suis mandabit de Te ut conservent Te, et quia in manibus tollent Te ne forte offendas ad lapidem pedem Tuum, et...*»³⁹ что *respondens Iesus*⁴⁰ дьяволу, инквизитор Гессе?

– «*Non temptabis Dominum Deum tuum*»⁴¹, – подсказал Бруно, обретя в благодарность еще один тычок под ребро, на сей раз кулаком.

– Не искушай Господа, мой мальчик, – повторил духовник серьезно. – Разумеется, я понимаю, что ты и впредь будешь пренебрегать опасностью и риском, если это покажется тебе нужным или правильным... а порою – даже если таковым не покажется, как в Ульме...

– Я уже многожды повинился за это, отец. Да, это было глупо. Но, смею заметить, я выжил, и причем – снабженный трофеями, которых до меня ни один из Господних псов со своей охоты не приносил.

– Ты выжил, – кивнул отец Бенедикт, – и тогда, и в иных случаях, где выхода не было и спасения не предвиделось, и посему я надеюсь, что твое временами засыпающее чувство самосохранения Господь и впредь станет восполнять своей непостижимой милостью. Это прочие зовут тебя Молотом Ведьм; а знаешь, как именуют тебя на совещаниях Совета, какие все чаще становятся посвящены твоим деяниям? Не иначе как «наш везунчик». Подумай над этим. Долго ли можно испытывать удачу?

– Полагаю, чуть дольше, чем Господа Бога, – пожал плечами Курт, встретив упрекающий взгляд духовника безмятежно, и улыбнулся: – Хорошо, отец. Клятвенно заверяю, что я не стану бросаться с кухонным ножом на вооруженного до зубов головореза. Удери и подловлю его за углом.

– Не стану призывать тебя быть серьезней, – вздохнул отец Бенедикт. – И без того проблемы с сердцем, как я погляжу, есть профессиональная инквизиторская болезнь, а ты, слава Богу, способен вовремя оставить легкомысленность... Но слова мои запомни. Перед тобою большое будущее, и многое вокруг тебя может перемениться.

– Почти слово в слово, – чуть посерьезнев, заметил Курт, – мне уже было сказано однажды, много-много лет назад. Маргарет фон Шёнборн выдала сие заключение, рассмот-

---

³⁸ Замкнутый круг (лат.).

³⁹ «Ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе сохранить Тебя, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею и...» (лат.).

⁴⁰ Ответил Иисус (лат.).

⁴¹ «Не искушай Господа Бога твоего» (лат.).

рев мою ладонь. Хотя до сей поры не могу понять, как там можно увидеть хоть что-то – картинка уж больно попорчена.

– Она была ведьмой, убийцей и стервой, – проговорил наставник. – Но в своем деле была сильна. Прими сказанное как лишнее доказательство выведенной твоими друзьями и врагами теории. И, вне зависимости от каких бы то ни было предположений, будьте готовы, дети мои, к большой войне. Главная сложность же в том, что, говоря непредубежденно, нам даже не известно, с кем именно будет вестись эта война, какие силы возьмут верх в мире, если равновесие все-таки нарушится, и не наступит ли в самом деле конец всему. Не потому, что Господь решит, что пришло наше время, а потому что глупые или злонамеренные люди пожелают так и приблизят это время, и Господь скажет: «Вы этого хотите, люди? Так дастся же вам!» Может случиться так, что все, к чему мы готовимся – упрочение Империи, противостояние с курией, политические баталии, – все это окажется неважным и второстепенным или же вовсе на время уйдет из наших планов. Не пришлось бы вам, дети мои, встать перед необходимостью сшивать куски разваливающегося мироздания, бороться с чем-то, к чему Конгрегация, как ни старалась, может быть и не готовой... «*Nunc ergo quid temptatis Deum inponere iugum super cervicem discipulorum quod neque patres nostri neque nos portare potuimus?*»⁴² – сказал бы я вслед за апостолом Петром самому себе, однако выбирать не приходится. И без того Господь позволил мне подзадержаться на этом свете. Позволил увидеть хотя бы некоторые плоды наших трудов, увидеть, кем выросли мои питомцы.

– Ну, – вздохнул Курт, – уж что выросло, то выросло. Выбирать, как вы сами сказали, не из чего – у вас есть только мы, и остается лишь вручить будущее Конгрегации нам. Остается только уповать на то, что мы справимся.

– Не слишком обнадеживающе прозвучало, – заметил помощник, и отец Бенедикт усмехнулся, на мгновение прикрыв глаза:

– Зато правдиво, Бруно. А кроме того, немалая доля моих страхов порождена нехитрой человеческой эмоцией, свойственной любому отцу, каковой оберегает своих чад столь рачительно и долго. Дети давно уже выросли, повзрослели, а отец все пытается опекать их, все боится, что без его советов они не совладают с самой жизнью. Все страдает оттого, что уже не может всё делать вместо них... – сомкнутые веки дрогнули, поднявшись с видимым усилием, и наставник тяжело перевел дыхание, договорив: – Или хотя бы вместе с ними.

– Вам дурно, – заметил Курт; тот вяло усмехнулся:

– Терпимо.

– Бруно, – отмахнувшись от духовника, словно от мухи, приказал Курт, – загляни-ка к этому блюстителю лекарственных склянок. Пускай дует за Рюценбахом. Бегом.

– Ни к чему, я в порядке, – возразил отец Бенедикт, когда помощник, молча кивнув, метнулся к двери, и Курт скептически pokrивил губы:

– А это еще одна профессиональная инквизиторская болезнь – переоценка собственных сил. «У меня все в порядке» – так надо писать на надгробье каждого из нас, уж простите меня за неуместные остроты. Понимаю, что разговор наш еще не окончен, отец, однако мы вполне сможем завершить его, когда вы передохнете; а наш эскулап все же пусть будет здесь или хотя бы осмотрит вас, от греха.

– Исполнил твое указание буквально, – сообщил Бруно, возвратившись к постели болящего и глядя на него напряженно. – Помчал бегом.

– Понапрасну побеспокоит.

– Я, – возразил Курт, – по милости Совета довольно времени провел вдали от цивилизации и, следовательно, от сносной врачебной помощи, чтобы научиться разбираться кое в

---

⁴² «Что же вы ныне искушаете Бога, [желая] возложить на выи учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы?» (лат.)

чем самостоятельно. Не в вашем положении и не в ваших интересах, отец, делать хорошую мину – игра уж больно скверно складывается. В одном этот лекарский помощник был прав: кроме всего прочего и даже, наверное, в первую очередь вы – пациент, и будьте любезны следовать правилам, призванным оберегать вас.

– *Et tu, Brute*, – повторил за ним наставник, и он кивнул:

– *Et ego, Caesar*⁴³.

– *Non expectavi, Brute*⁴⁴.

– *Subitum est*⁴⁵, – пожал плечами Курт. – И, если потребуется, я буду держать вас за руки, когда Рюценбах впрямь вздумает привязать вас к постели.

– Покуда он не явился, – снова тяжело переведя дыхание, проговорил отец Бенедикт, – замечу еще одну важную вещь. После всего, мною сказанного, не погрязните в потусторонних выкладках, не сосредоточьте все свое внимание исключительно на творящемся в вышних сферах. Да, что-то происходит, и это бесспорно, есть ли или нет в теории охотников существенная доля правды. Да, вершащееся где-то там имеет явное воздействие на наше земное бытие, однако не позабудьте о том, что на оное бытие влияют и земные же силы. Никуда не денется противостояние Рима с Авиньоном и их обоих – с Императором, не уйдет необходимость возводить здание Империи и дальше, не исчезнет нужда в земных союзниках. Никуда не денутся земные враги.

– Давайте позже об этом, отец, – настоятельно предложил Курт, когда голос духовника сорвался, и тот, словно не услышав его, продолжил:

– Простые мирские нужды порою могут переломить ход любой игры так, как не способны никакие малефики и тайные секты. Вас обоих ждет Сфорца, и с ним вы еще поговорите об этом, и отнеситесь к его словам серьезно; в первую очередь это касается тебя, Бруно, однако и ты, Курт, как действующий следователь, как человек, живущий в мире и кроющийся мир, должен принимать во внимание то, что услышишь...

Последнее слово отец Бенедикт выронил, словно внезапно споткнувшийся водонос – наполненный кувшин; воздух ворвался в грудь с хрипом, и Курт, ругнувшись, вскочил с табурета и бросился к двери. Открывшаяся створка едва не ударила его в лицо; лекаря, переступившего порог, он чуть не сшиб с ног, и на миг в проходе случилась заминка.

– Ах ты, дерьмо... – вырвалось из уст академического эскулапа, когда Курт поспешно отступил в сторону, и Рюценбах ринулся к постели, где уже задыхался бледный, с сереющими губами старик. – Хартман! – повысил голос лекарь, и помощник, идущий следом за ним, втянул голову в плечи. – Ты давал ему настойку, подлец?!

– Один раз, – потерянно пробормотал тот. – Половину дозы...

– Не дави на парня, – чуть слышно, с натугой выдавил наставник, не открывая глаз, и Рюценбах оборвал уже на пределе крика:

– А сам ты о чем думал, старый болван! Хартман, мерзавец, *bacca convallium*, двадцать капель, живо!

– Он будет в порядке? – осторожно вмешался Курт и отступил назад, когда медик академии, на мгновение обернувшись, рявкнул зло:

– Вон из комнаты, Гессе, пока цел, или я за себя не отвечаю!

Помощник лекаря, едва не столкнувшись с Бруно, кинулся в свой предбанник, и Курт, помедлив, тронул напарника за плечо, медленно развернулся и вышел прочь.

Лекарь выглянул в коридор нескоро и застыл на пороге, оглядывая уже изрядно встревоженное собрание подле двери. Наткнувшись взглядом на Курта, Рюценбах нахмурился,

⁴³ И я, Цезарь (лат.).

⁴⁴ Не ожидал, Брут (лат.).

⁴⁵ Сюрприз (досл. «внезапно») (лат.).

поманив его рукой, терпеливо дождался, пока тот вместе с помощником войдет в тесную комнатушку со склянками, и аккуратно, стараясь не стукнуть, прикрыл дверь. Хартман, понурый и словно какой-то смятый, сидел в самом углу, тщательно оттирая что-то с ладони влажной ветошью, и был поглощен этим занятием, казалось, более всего на свете.

– Бенедикт просил не возить вас мордой по полу при всех, – недовольно сообщил лекарь. – Посему поговорим здесь.

– О чем? – уточнил Бруно, и тот кивнул:

– Верно, Хоффмайер, говорить здесь не о чем. Просто я еще раз повторю уже сказанное, а вы на сей раз попытаетесь это осмыслить. Он болен. Что я должен еще сказать, что должно еще случиться, чтобы вы это уяснили?

– Он не болен, – возразил Курт. – Он умирает.

Рюценбах запнулся, глядя на него почти уже враждебно, и, помедлив, вздохнул, опустив голову и с напряжением потеряв ладонью лоб.

– Это верно, – обессиленно согласился лекарь. – Возразить нечего. Да, Гессе, я знаю, что когда-нибудь вот это, – он вяло махнул рукой на тихую комнату за своей спиной, – случится снова, и завершится уже не так... благополучно, я б сказал, как сегодня.

– Как он? – чуть слышно спросил Бруно; тот кивнул:

– Спит. Обошлось. Сегодня – обошлось. Но только слепец или дурак не понимает, что однажды не обойдется. Я, парни, зряч и умственно полноценен, а потому знаю, что однажды это сердце остановится навсегда, и понимаю, что это может случиться в любой момент – во сне, за завтраком, днем или ночью. Или во время беседы с одним из тех, кто вот так рвется его увидеть. И вовсе не обязательно причиной тому станет не вовремя поданная настойка или особенно волнующая тема в разговоре... Но, Господом Богом прошу, Гессе, Хоффмайер, – не давите. Не усугубляйте уже того, что есть.

– Разговор шел спокойно. Никаких особенно тревожных тем не поднималось.

– Я ведь сказал – понимаю. Я не виню Хартмана, – снова вздохнул лекарь, и его помощник на миг искоса поднял к нему несчастный взгляд. – Не виню вас двоих. Знаю, что время придет тогда, когда это решится там, наверху. Всё по воле начальства, и все в руках его; *haec veritas est*⁴⁶ не только лишь в применении к вашей службе. И еще, Гессе – молодец, что позвал меня заранее. Чуть бы позже – и мог бы уже не успеть... Ну, хорошо, – сам себя оборвал лекарь. – Утряслось, *Dei beneficio*⁴⁷, так и *Deo gratias*⁴⁸. Бенедикт велел направить вас к синьору Сфорце – тому, по видимости, тоже есть что вам сказать, вот только ближайший час он занят на плацу.

– На плацу? – переспросил Курт удивленно. – Что он там забыл со своей парализованной клешней?

– Как я погляжу, уважение к наставникам в выпускниках неистребимо, – нахмурился лекарь, бросив строгий взгляд на хмыкнувшего Хартмана. – А уж ты просто лучишься послушанием и почтением к старшим... Язык у него, если мне память не изменяет, остался на месте, и дать верный совет он все еще в состоянии. И одна рука все еще действует, а для вас, оболтусов, и этого довольно. Словом, пока можете заняться собою, на вас смотреть противно. Не думаю, что вы оба вздумали распространять моду на подражание Императору и, подобно всем богемским королям, решили обородатиться.

– Это мысль, – демонстративно царапнув многодневную щетину, заметил Курт. – Она модна решила бы массу проблем. К слову, саксонские герцоги все поголовно тоже...

---

⁴⁶ Это есть истина (лат.).

⁴⁷ Божьей милостью (лат.).

⁴⁸ Слава Богу (лат.).

– Вон, – повелел лекарь непрекаемо. – Приведите себя в порядок. И идите-ка на кухню, перехватите хоть чего-нибудь; пост – дело хорошее, но до умерщвления плоти у вас еще нос не дорос.

– Носом не вышли – не Иисус, – согласился Курт со вздохом, и тот сдвинул брови круче:

– Это в каком смысле, Гессе?

– В смысле сорока дней, – пояснил Бруно, подтолкнув свое начальство к двери. – Есть очень хочется.

В одном и помощник, и лекарь были правы – голод одолевал не на шутку. Едва явившись в академию, Курт был поглощен иными мыслями и иными заботами, затмевающими все остальные, и в первую очередь помыслы сиюминутные и приземленные, вроде отдыха и пищи. Единственное, что заботило еще полчаса назад, – это встреча с духовником, каковая оставалась под большим вопросом: задержка на день или час, да даже и, как знать, может – на минуту могла перечеркнуть все планы и надежды. Сейчас, когда волнение чуть улеглось, когда неведение более не тревожило душу, тело напомнило о собственном существовании и отсутствии в распорядке последних полутора дней такой немаловажной вещи, как питание. Да и во всем прочем лекарь академии был бесспорно прав тоже, ибо то, что можно было бы поименовать должным уходом за этим самым телом, также имело место давно и походя.

Просьба о горячей воде была воспринята истопником с пониманием, и, перехватив брошенный в его сторону взгляд, Курт заподозрил, что и здесь сыграла немалую роль его негласная привилегированность. В этой мысли он укрепился, когда все необходимое было готово уже через четверть часа, а появление отчищенных мастера инквизитора с помощником на кухне было встречено как нечто ожидаемое уже приготовленной снедью. Чуть в отдалении, на скамье напротив, над своим блюдом сидел встреченный им на лестнице выпускник особых курсов, призванный на помощь Рюценбаху. Одаренный эскулап опирался о столешницу обоими локтями, навалившись на руки всем телом и потупив голову, и в наполовину опустевшую тарелку смотрел устало и пасмурно.

– А быть любимчиком главы академии не так уж и плохо, – заметил Курт, с наслаждением поглощая обед. – Любопытно, сие особое положение сохранится при новом руководстве?

– А как же, – пообещал Бруно с готовностью. – На особое отношение будущего ректора ты уж точно можешь смело рассчитывать. Быть может, это хоть немного поставит тебя на место.

– Власть развращает, – вздохнул Курт с показным упреком. – Когда-то (помнишь?) ты счел недостойным отпинать меня связанного. И вот теперь ты *verba transfero*⁴⁹ уже грозишь мне тем же, что когда-то сделать отказался.

– Тебе не повредит.

– А вот если бы я получил власть распоряжаться тобой *de jure*...

– Когда ты получил право распоряжаться мною *de jure*, ты сквернословил в мой адрес ежечасно и распускал руки при всяком удобном случае, посему не пытайся давить на совесть. Она у меня в отсутствии – сдается тебе в аренду, в немногочисленных передышках находясь в починке.

– Мастер Гессе.

От голоса, прозвучавшего слева, Курт едва не вздрогнул – голос был надорванный и силпый, похожий на скрип крышки старого сундука. О том, что его окликнул присланный лекарь, Курт скорее догадался, нежели осознал рассудочно – тот, по-прежнему тяжело навалившись на стол, смотрел теперь не в тарелку, а на мастера инквизитора, ожидая на свои слова реакции.

---

⁴⁹ Говоря в переносном смысле (лат.).

– Мы знакомы? – уточнил Курт, и тот вяло усмехнулся:

– Бросьте, кто вас не знает?.. Вы в неплохом расположении духа, – продолжил выпускник особых курсов с усилием. – Стало быть, побывали у отца Бенедикта, и он в порядке. Верно?

– Был приступ, – отозвался Курт, посерьезнев, и, когда тот рывком распрямился, успокаивающе кивнул: – Но Рюценбах с помощником справились сами. Сейчас все хорошо.

– Насколько это вообще возможно, – расслабившись, довершил парень и, прикрыв глаза, перевел дыхание, на миг став похожим на умирающего старика в комнате наверху.

– Не доводилось еще терять пациентов? – понимающе уточнил Курт, и тот, нехотя разлепив веки, молча качнул головой. – Значит, этот будет первым.

Присланный лекарь нахмурился, глядя на него с упреком, и он тяжело вздохнул, констатировал:

– Не думал об этом... А напрасно. Ведь тебя пригласили не врачевать больного, а поддерживать жизнь в умирающем, а это существенная разница. Когда-нибудь ты помочь не сможешь – завтра или через неделю, и он умрет.

– Я выкладываюсь, как могу... – начал тот, и Курт перебил, не дав закончить:

– Вижу. Потому и говорю тебе то, что говорю. Когда-нибудь даже твои возможности будут бессильны перед людским естеством, и он умрет. Возможно, в эту минуту тебя не будет рядом, а может быть, отец Бенедикт скончается на твоих руках, когда ты в очередной раз будешь выкладываться, как можешь. И ты решишь, что выложилась недостаточно. И будешь чувствовать себя виноватым. Будешь, знаю.

– К чему вы говорите мне все это? – хмуро уточнил лекарь. – Зачем?

– Просто, чтобы знал: ты в последнюю неделю герой всей академии и твоим стараниям благодарны десятки людей. Ты делаешь невозможное, и это понимают все. Но и ты человек, и ты не способен на неисполнимое, и когда придет время – это будет не твоя вина.

– Откуда вам знать? – возразил тот сумрачно. – Вы меня не знаете, вы не знаете, на что я способен и где предел моим возможностями.

– Передохни, – посоветовал Курт настоятельно, поднявшись из-за стола. – Доешь и поспи, наконец. Иначе предел этот подступит слишком близко, а это уж точно никому не на пользу.

Парень не ответил, уже не глядя на него и снова уставившись в стол перед собою, и на уходящего Курта даже не обернулся.

– Удивляться ты разучился, – спустя минуту безмолвного шествия меж каменных стен проговорил Бруно серьезно. – Зато не перестаешь удивлять.

– Не догадаться, о чем он думает, мог только дурак, – начал Курт, и тот вскинул руку, перебив:

– Да, да, но я не о том. К чему вдруг было это практическое душеведение?

– Не догадаться, чем все кончится, тоже способен только полнейший глупец. Будет первая потеря, да еще такая серьезная, когда такое количество людей смотрят на него с надеждой, а он эти упования не оправдает... Не так уж много у нас способных служителей, тем паче в таких областях, чтобы позволить им выходить из строя прежде времени, а такой нешуточный провал может выбить из колеи надолго.

– А мне сдается, дело в другом, – уверенно возразил Бруно. – Сдается мне, ты просто пожалел парня. Временами и это с тобою случается. Жаль только, всегда спонтанно и не всегда, когда это нужно.

– Eheu⁵⁰, – передернул плечами Курт, свернув к лестнице. – Случается и со мною; может, старею?

---

⁵⁰ Увы (лат.).

– Забавно: обыкновенно люди совестятся признать, что их сострадание к ближнему неискренне и притворно, ты же восстаешь всякий раз, когда я пытаюсь обвинить тебя в простых человеческих эмоциях.

– Менястораживает, – возразил Курт, – тот факт, что ты подозреваешь оные эмоции у всех подряд. Какой из тебя инквизиторский исповедник при таком складе натуры... Бруно, неужто ты всерьез полагаешь, что каждый из здешних наставников, подобно отцу Бенедикту, души в нас не чаял и по сию пору страдает сердцем по поводу всякой нашей невзгоды?

– А это к чему?

– Инструкторы и наставники, когда перестали выламывать нам руки, принялись проявлять к своим перевоспитанным воспитанникам чудеса благожелательности и душевности; отчего? Оттого, что каждого любили без памяти? Да прям-таки. Причина к тому одна: только они проявляли душевность, только они слушали и говорили с нами, только они выражали понимание. Не внешний мир – они. Учителя. Сослужители. Конгрегация, в широком смысле. Окружающий мир чужд, он – другой, люди вокруг – другие, все против всех, и только мы – едины. Если высказывать это вот так, постулатом, это не воспримется как непреложная истина: такова человеческая *psychica*. Если же, как они, подтолкнуть к этой идее исподволь, позволить самому прийти к этой мысли – вот это впечатается намертво. В применении к этой ситуации: я, одаренный сверхчеловеческими способностями, вывертываюсь наизнанку, делаю невозможное, и все, что я слышу в ответ, – мимоходом «спасибо», да и то через раз. Я сам едва не отдаю Богу душу, мне дурно, мне тоскливо – в том числе и потому, что никто не обращает на это внимания. Ну, быть может, Рюценбах пару раз своим обычным тоном велел пойти отоспаться, и все. Далее мысль идет в направлении, не особенно вдохновляющем: вот, я сижу здесь в одиночестве, и на меня всем наплевать, на меня не обращают внимания свои же – так для чего и для кого я живу и работаю? Где мое место? Есть ли оно вообще, и если есть – то здесь ли? Среди них ли?

– Эж тебя занесло.

– *Debet omnia in deteriora inclinari*⁵¹; не придерживайся я этого принципа – до сей поры был бы, как ты, в блаженном неведении относительно происходящего в подлунном мире. И если в этой голове роились похожие мысли (а судя по его реакции, это близко к истине), проявленное гласно и зримо понимание, а тем паче со стороны столь знаменитой особы, поддержит его сейчас и убережет от нехороших мыслей в дальнейшем; а ведь от такого уныния два шага даже и до предательства. Ну, а если я ошибся – тоже неплохо. Мне это ничего не стоило, а парню в любом случае было приятно.

---

⁵¹ Все надлежит толковать к худшему (лат.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.